

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Антропологические чтения

Материалы IX Антропологических чтений
студентов, магистрантов, аспирантов
философского, психологического, филологического факультетов и
Института искусств и культуры НИ ТГУ
24 декабря 2021 г.

Томск -2021

УДК 3. 378

ББК 87.5

Антропологические чтения : материалы IX Антропологических чтений студентов, магистрантов, аспирантов философского, психологического, филологического факультетов и Института искусств и культуры НИ ТГУ, 24 декабря 2021 г. / отв. ред. Г.И. Петрова. Томск, 2021. – 104 с.

Представлены Материалы IX Антропологических чтений студентов, магистрантов, аспирантов философского, психологического, филологического факультетов, Института образования, Института искусств и культуры НИ ТГУ, прошедших 24 декабря 2021 г. в Томском государственном университете.

Организационный комитет: *председатель: Г.И. Петрова* – д-р. филос. наук, проф. ФСФ, вед. науч. сотр. лаб. философии образования Института образования НИ ТГУ;

Члены оргкомитета: *Ю.Н. Овсянникова* – канд. филос. наук, доцент, зав. лабораторией философии образования Института образования НИ ТГУ;

Т.А. Костюкова – д-р пед. наук, проф., проф. факультета психологии НИ ТГУ;

Е.Н. Савельева – канд. филос. наук, доцент, Института искусств и культуры НИ ТГУ;

Э.Г. Новикова – канд. филол. наук, доцент филологического факультета НИ ТГУ.

Ученый секретарь: *Лев Витальевич Плюснин* – аспирант философского факультета, младший научный сотрудник лаборатории философии образования Института образования НИ ТГУ

УДК 3.378

ББК 87.5

© НИ Томский государственный университет, 2021

«Антропологические чтения» студентов, магистрантов, аспирантов, молодых научных сотрудников, интересующихся проблемами человека, его экзистенциальными характеристиками, попытками определения, поисками специфики его бытия и пр., организуются как мини-конференция в рамках Первого Томского форума «Преобразование образования». Форум посвящен теме «университет и экосистемы» и предлагает к обсуждению вопросы: почему и как меняется представление об университете и университетском образовании в экосистемной парадигме? Как возможно создание университетской экосистемы? Каково значение экосистемности университетской деятельности для становления идеи «сложного человека» и формирования нового образа современной антропопрактики? Обсуждение этих вопросов невозможно без схватывания антропологического духа времени, в котором мы живем.

Для всех интересующихся проблемами философской антропологии, философии образования, педагогической антропологии, стратегиями образования и методиками обучающего процесса.

Антропологические чтения направлены на повышение качества университетского образования, заметно ослабившего интерес к гуманитарной стороне своего содержания.

Содержание

Часть 1. Проблемы философской антропологии XXI века	4
Петрова Г.И., Плюснин Л.В. Студенты гуманитарных факультетов зовут прислушаться к эпохе	4
Воронов Н.В. Конструирование пола в гендерной антропологии Дж. Батлер как проявление власти	6
Белянин В.С. Проблема одежды и философия наготы в горизонте философской антропологии	8
Вяткина А.А. Мода в концепции «мягкой силы» Дж. Ная	11
Голев И.А. Любовь как власть над другим	13
Косолапова Н.И. Технические и философско-антропологические аспекты понятия информации	15
Кравчук Е.А. Антропологический смысл концепции творчества в философии Фридриха Ницше	19
Ларюченко М.А. Художественные функции хора в романе М. Шишкина «Взятие Измаила»	22
Матильская Е.И. Дом в горизонте философской антропологии	27
Перминова Ю.В. Собственность как опыт власти над вещами	29
Полякова М.А. Любовь как власть над другим	33
Преснякова А.В. Человек тоталитаризма (суждения Х. Арендт)	35
Романова Е.Д. Место человека в обществе: контекст безумия (позиция экзистенциализма)	37
Цареня А.С. Проблема становления человека в современном мире	40
Чечихина А.Н. Власть над вещами как антропологическая проблема	43
Шевченко А.В. Антропологическое измерение публичного и приватного в пространстве дома	45
Шипицин А.И. Философско-антропологическая программа М. Фуко: теория субъективации	50
Часть 2. Культурно-антропологические проблемы организации работы с молодежью	53
Азарная В.С. Влияние экосистемы университета на формирование образа будущего старшеклассников	53
Асютина О.Н. Социогуманитарные технологии как ресурс повышения эффективности самостоятельной работы студентов	58
Волкова А.А. Проблемы студенческой молодёжи в условиях пандемии коронавируса	61
Гутова И.С. Студент как субъект экосистемы молодежного предпринимательства	64
Кочергина Е.В. Организация психологической поддержки на тренировках по спортивной мотоджимхане с целью повышение безопасности водителей мотоциклов на дорогах общего пользования	69
Кухтенкова А.А. Лейтмотив памяти – основа художественной антропологии в произведениях Г.И. Газданова	73
Метелева А. П. Межпоколенческий кризис как фактор угрозы духовно-нравственной безопасности российской молодежи	78
Наваждай А.В. Опыт духовно-нравственного воспитания в системе образования зарубежных стран	81
Оглезнева В. С. Значение духовно-нравственного воспитания молодежи	84
Повинич А.Ю., Костюкова Т.А. Формирование научной картины мира современного инженера	86
Полтавец Д.А. Роль православных молодёжных клубов в духовно-нравственном просвещении молодежи	90
Раецкая Е.А. Сопровождение молодых родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья в контексте инклюзивной культуры образовательной организации	94
Спиридонова Д.М. Влияние массовой культуры на формирование и развитие духовно-нравственного воспитания современной молодежи	98
Шелухина М. А. Современные технологии в сфере духовно-нравственного развития молодежи	100

Часть 1. Проблемы философской антропологии XXI века

УДК 167

Томский государственный университет

Петрова Г.И.

Д-р филос. наук, профессор

Плюснин Л. В.

Аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Студенты гуманитарных факультетов зовут прислушаться к эпохе

Очередные Антропологические чтения проводятся с целью отразить внимание студентов (магистрантов, аспирантов) университета, которое они высказывают, актуализируя культурно-антропологические аспекты образовательной деятельности. Во всех представленных ниже докладах прослеживается общий контекст относительно того, что вне этого внимания ставить вопрос о качестве образования не только исторически неоправданно, но и опасно. Историческая неоправданность состоит в том, что университет, возникнув в единстве двух целевых направлений – задавать духовно-нравственные образцы культурного развития (быть «самой высокой точкой трансценденции» – В. Вахштайн [1]) и одновременно осуществлять профессиональную подготовку нового поколения), – в наше время стал терять их (этих функций) единство в пользу прагматики социокультурной жизни. Причина подобного рода изменения соотношений состоит в том, что знание, трансформировавшись в информацию, привело к приобретению им небывалых в прошлом характеристик – оно превратилось в товар, что легитимировало его коммодификацию и коммерциализацию. В таком качестве знания-информация стали играть ту же роль, какую в прошлом (в индустриальном обществе) играл капитал. Поэтому образование рассматривается, в первую очередь, как средство накопления капитала-знания, и осуществляется в общей системе «индустрии знаний» (куда входит и университет) – телевидение, Internet, СМИ и др. Такая трансформация поддержана чисто эмпирическими изменениями социальности, обнаруживающими себя в таких конкретных проявлениях, как информатизация общества, его виртуализация, визуализация культуры, глобализация, сетевая репрезентация и т. п. Поэтому современность инициирует университет на преимущественно прагматистскую ориентацию.

Названные социальные и культурные изменения делают вызов образованию, которое не может остаться нечувствительным к нему. Образование – ключевое звено в мире трансформаций, которое, с одной стороны, не может на них не откликнуться, с другой – именно, на нем лежит ответственность за содержание всех происходящих в общественной жизни изменений. От того, каким будет отклик университетского образования, зависит образ будущего не только университета, но и общества в целом.

В атмосфере современного динамичного мира при его неустойчивости и общей потере ориентиров развития, инициирующих недоверие к его настоящему состоянию и тем более к его образу будущего, как никогда прежде актуализирована культурно-гуманитарная миссия образования (университетского, прежде всего). Недоверие граничит с беспокойством и антропологическим страхом за человека в его биологической, социальной и духовной организации. Современный этап являет собой переход в новый тип социального и культурного развития – переход (или уход) в неизвестную и не

исследованную еще виртуальную, искусственно сконструированную – рукотворную – культуру и реальность. Будет ли она для человека комфортной? Сохранит ли она в человеке его личностную идентичность? Как она воздействует на его классическое – субъектное – состояние? Кто такой – субъект виртуальной культуры, и возможен ли он? Живем под знаками вопросов. Мир непривычный. Как обернется он, нами созданный?

XXI век являет собой новое время во всемирной истории, когда определился неизвестный ранее тип техники и технических объектов, возникли техно-социальные-гуманитарные сложные системы, востребовавшие новые формы контакта с ними человека. Е.Н. Ивахненко называет эти объекты «ожившими вещами», которые надо узнать, чтобы понять, что они несут человеку. «Поскольку мы столкнулись с “ожившими вещами” (высокотехнологическими информационными объектами), то нелишне было бы поинтересоваться...актами интеллектуального воображения» [2. С. 40] и представить возможные последствия их существования в человеческом обществе. Другой автор – Д.Е Орлов – предупреждает, что такие объекты «вышли из подчинения» человека и могут представлять для него опасность [3. С. 134]. Гуманитарии – особенно чутки к такого рода тенденциям развития. И в целом, невнимание к подобного рода вопросам сегодня представляет опасность.

В материалах сборника по Антропологическим чтениям студенты, магистранты, аспиранты гуманитарных факультетов зовут прислушаться к эпохе, задуматься о человеке, его уникальности и неповторимости в своей единичности, о специфике его творческого бытия, о его разуме, находящемся сегодня в поисках релевантного отношения к окружающему миру. В докладах поднимаются вопросы об ослаблении порога моральной чувствительности нашего общества, о потере эстетического вкуса, об отсутствии внимания к вопросам смысла человеческой жизни. Волнуют экзистенциалы подлинного существования человека: совесть, любовь, власть, дом, одежда и т.п. Ставится вопрос относительно возможностей современного образования выполнять имплицитно присущую ему функцию – работать с внутренним миром человека. Материалы зовут прислушаться.

Внимание к поднимаемым вопросам свидетельствует о необходимости в качестве основного модернизационного процесса в образовании рассматривать трансформацию педагогики как технологии в педагогику как антропологическую практику. Педагогика, уходя от видения себя в качестве прикладной науки, решающей технологические задачи по конструированию человека, должна превратиться в фундаментальную гуманитарную науку – в педагогическую антропологию.

«Антропологические чтения» направлены: во-первых, на развитие вкуса к научно-исследовательской работе путем свободного обсуждения материала, предложенного самими студентами по прослушанной в течение семестра тематике (доклады, рефераты, эссе оцениваются специально избранным жюри (аспиранты, магистранты, студенты); во-вторых, на привыкание выступающих с докладами к «сцене» – умение говорить и уверенно держаться перед аудиторией; в-третьих, на понимание возможности и необходимости практического использования полученных теоретических знаний.

Литература

1. Вахштайн В. Метафоры и метаморфозы университета. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/kultivator-3/11731-metaphory-i-metamorfozy-universiteta.html> (дата обращения 22.01.2022).
2. Ивахненко Е.Н. Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество. 2009. № 1. С.34-41.

3. Орлов Д.Е. На пути к пониманию сложности техносоциальных объектов // Вестник РГГ № 10 (132). Сер. Философские науки. 2014. С. 129-137.

УДК 339.18.659

Воронов Н. В.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Конструирование пола в гендерной антропологии Дж. Батлер как проявление власти The construction of gender in gender anthropology J. Butler as a manifestation of power

Джудит Батлер принадлежит особая роль в развитии гендерной теории. Приоритетная область ее научного анализа – феминизм, феминистские политики идентичности. Наибольший резонанс в обществе возник из-за публикации ее книги «Гендерная тревога», в которой Батлер разрабатывает теорию перформативной субъективности.

С середины XX века общество претерпело ряд очень важных изменений. В частности, мы можем наблюдать, что с этого периода значительно трансформировалось представление о социальных ролях. Традиционно полагалось, что мужская и женская социальная роль являются статичными. Категории «мужское» и «женское» были довольно четко определены и, как правило, никакой мобильности не допускалось. Однако с середины XX века мужская и женская социальные роли становятся все более подвижными, эталоны поведения – более свободными, происходит глобальное изменение института семьи, декриминализация гомосексуальности и транссексуальности [4. С. 73].

В таких условиях возникает необходимость разработки новой теории, которая бы не опиралась на фундаментальную статичную дихотомию «мужское»-«женское», поскольку теории, основывающиеся на бинарной схеме, уже больше не отвечают нашему социальному миру, в котором эти категории становятся подвижными. Использование бинарного принципа с неизбежностью приводит к маргинализации определенных феноменов социальной жизни, не поддающихся описанию в рамках бинарной системы [4. С. 76].

Именно в таких условиях, в конце XX века и возникает теория перформативной субъективности Дж. Батлер. Опираясь на теорию М. Фуко, в частности, на его концепции власти и сексуальности, Батлер подвергает деконструкции такие понятия как феминизм, женщина, пол, гендер [3]. Основное положение Дж. Батлер заключается в том, что пол представляет собой конструкцию. Это утверждение она выводит из того, что если гендер представляет собой культурные значения, которые тело определенного пола просто присваивает себе, то это означает, что мы не можем утверждать, что гендер каким-либо образом вообще зависит от пола. Если рассматривать гендер как независимый от пола, то пол становится «неопределенным искусственным изобретением». В итоге получается, что категория «мужское» может означать как женское тело, так и мужское [1]. Пол, таким образом, оказывается лишь фантазматической конструкцией.

Сконструированный характер выражается через перформативность. Батлер утверждает, что не существует идентичности вне рамок тех актов, которые «выражают» пол. Именно перформативные акты создают иллюзию статичной гендерной идентичности. Традиционно люди разделяются на мужчин и женщин не потому, что они рождены с

определенными телами, но потому, что в культуре существует институт мужчины и женщины.

Однако, в данной работе мне хотелось бы основное внимание сконцентрировать не на самой проблеме конструирования пола, хотя эта тема и является центральной у Дж. Батлер, а именно на связи этой темы с философией власти.

Когда Дж. Батлер утверждает, что пол не предопределяется нашим телом, а задается перформативными актами, она не имеет ввиду, что человек имеет возможность с легкостью изменить свой пол. Напротив, институт мужчины и женщины постоянно имитирует мужественность и женственность. Эти имитации постоянно осуществляются, поскольку мужское и женское снова и снова репродуцируется.

В этом, согласно Дж. Батлер, и заключается власть. Властные отношения присутствуют не только в социальных институтах, в политике и т.д. Оказывается, что власть, помимо всего прочего, проникает в самого субъекта, формируя то, каким этот субъект видит себя.

Как уже было упомянуто, в теме философии власти Батлер опирается на работы М. Фуко, дополняя его идеи и, местами, критикуя их [3. С. 10]. Фуко отмечал, что власть может быть устроена иначе, чем прямо вертикальным образом. Он утверждал, что власть более фундаментальна и бывает выражена куда менее явным образом, чем то, как она выражается в классическом понимании как вертикали.

Батлер принимает эту предпосылку и использует ее в своих рассуждениях. Она утверждает, что власть навязывает субъекту то, как он себя сам будет определять. Общество изначально предлагает субъекту определенную идентичность, в соответствии с которой субъект чувствует на себе обязанность выстраивать свое поведение, для соответствия этой идентичности. Именно таким образом происходит осуществление власти. Мы имеем пол потому, что в культуре существует власть, которая посредством повторения делает необходимым обладание определенным полом, обладание определенной идентичностью.

Дж. Батлер выстраивает свою концепцию, основываясь на понятии пассивной привязанности – чувство привязанности субъекта к подчинению. Лучше всего продемонстрировать суть этого понятия на примере чувства привязанности ребенка к своим родителям. Ребенок никак не может не любить родителей. Любовь, в данном случае не представляет собой свободный акт, но является пассивной привязанностью. Этот феномен является неотъемлемой составляющей психики власти, которая прикреплена к структуре субъекта.

Батлер отмечает важную особенность психики власти – она функционирует даже тогда, когда субъект пытается избавиться от привязанности. Факт осознания привязанности неизбежно вызывает акт самоосуждения, который свидетельствует, что отказ от подчинения не означает освобождение от зависимости, а, наоборот, указывает на то, что акт повиновения имел место и субъект ощущает возможность его возвращения [2. С. 11].

То есть несмотря на то, что идентичность субъекта задается ему перформативным актом, субъект все равно имеет возможность переопределить свою идентичность с помощью все тех же перформативных актов. Субъект вполне может начать сопротивляться власти, меняя свою идентичность. Однако, как мы отметили выше, это совсем не означает, что субъект избавится от власти и обретет свободу. Субъект так или иначе остается в рамках отношения подчинения.

С точки зрения Дж. Батлер, таким образом, власть оказывается укоренена в самом человеке, в его психике, и она полностью неискоренима. Власть конструирует человека,

формирует субъекта, указывая на его идентичность. И конструирование гендерной идентичности в рамках бинарной оппозиции мужчина-женщина является примером проявления этой власти.

Но вместе с этим, Батлер настаивает на том, что люди должны признать право людей выбирать свои гендерные идентичности, признавая их конструируемый характер. Люди имеют возможность конструировать собственную идентичность, как они посчитают нужным.

Таким образом, мы видим, что Батлер предлагает субъективными перформативными актами разрушать когда-то незыблемую, статичную дихотомию «мужское»-«женское», необходимость соответствия которой, с одной стороны, навязывается культурой – общество вступает во властные отношения с субъектом, а с другой стороны, – укоренена в самом сознании человека. Таким образом, формирование субъекта осуществляется во властных отношениях.

Литература:

1. Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Пер с англ. Е. Князевой.
2. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
3. Воронина О. А. Гендерный поворот в философской антропологии // Наука, образование и культура. 2017. №8 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-povorot-v-filosofskoy-antropologii> (дата обращения: 02.12.2021).
4. Хитрук Е. Б. К вопросу об актуальности гендерных исследований в философии // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. №41. С 72-79.

УДК 391.9

Белянин В. С.

Студент

Национального исследовательского Томского государственного университета

Проблема одежды и философия наготы в горизонте философской антропологии The problem of clothing and the philosophy of nudity in the horizon of philosophical anthropology

Предметом изучения философской антропологии и ее центральным интересом является человек. На первый взгляд, феномен человека должен подразумевать его рассмотрение в том числе и в свете его телесного бытия. Однако, в соответствии с установками классической западноевропейской философии, сложилась ситуация, при которой наиболее всего человек в философском плане оказывается представлен с точки зрения его духовной проекции, как личности и как субъекта. Тело же оказывается препятствием для выхода в сферу трансцендентального. По-новому на вопрос отношений человека и его телесности взглянули во второй половине 19 века. Так, одной из задач перед философской антропологией встало преодоление классической дихотомии «тело и

разум» в стремлении дать комплексное рассмотрение человека в его телесно-духовной связи.

Разработка этой проблематики закономерно поставила ряд вопросов. Так, например, встала конкретная эмпирическая проблема одежды человека. Обращаясь к телу, мы обнаруживаем его в одежде. Встает вопрос, который оказывается значительно глубже, чем звучит на первый взгляд: какие основания обуславливают такую тесную связь нашего тела и предметов гардероба? Ставя эту проблему, прежде всего, мы приходим к необходимости выяснить, каково соотношение тела и морали, естественного и духовного. Одним из главных положений, через которое на данные вопросы философы пытались найти ответы, является следующее: презентация человека в его наготы наиболее естественная и соответствующая его как физической, так и внутренней организации.

Итак, возвращение человека к его телесно-духовной организации как неразделенного единства происходит в горизонте антропологических исследований философов. Слово «возвращение» здесь не случайно. Корни этой традиции мы можем найти в Античности, соответственно закономерно, что именно Ницше серьезно ставит вопрос о телесности человека, будучи глубоким знатоком античной культуры, обращение к которой наиболее серьезно определяет воззрения исследователей этого вопроса. Противопоставляя два начала древнегреческой культуры – Аполлоническое и Дионисийское, Ницше именно во втором видит ведущую роль в утверждении телесности. Дионисийское начало является символом творчества, эмоционального всплеска, чувственного удовольствия [4]. Именно через это начало соединяются разум и эмоции, материя и идеальное – то есть происходит восхождение к единой основе жизни и размывание границ природного и человеческого, где человек приобщается ко всеобщему, познавая истинную сущность жизни. Это стремление грека к свободе осуществлялось в наготы, сближая его с природой и добровольно уравнивая его, в порыве к единому источнику, с другими. Более того, Ницше утверждает, что это сближало его с богами, поскольку те представляли нагими.

Плутарх пишет: «Появление обнаженных людей в общественных местах вызывало у окружающих чувства уважения и восхищения, но отнюдь не вожделения и распутства» [1]. Обращаясь к этимологии слова «гимн», мы увидим, что оно восходит к древнегреческому корню «gymnos» - «обнаженный». В греческой традиции исполнители гимна должны были быть обнажены. Но какое в этом значение? Считалось, что боги могут услышать адресованные им слова только от людей, которые лишены символа социального положения – одежды. Наконец, завершая обращение к древнегреческой культуре, важно отметить, что Эрос определяется как особый концепт, который не противопоставляется духу. Напротив, он заключает в себе органичное единство и цельное сосуществование в гармонии небесного и земного. Так, в древнегреческом восприятии тело предстает как центральный связующий элемент со всеми сферами бытия. Эллин не стремится скрыть свое первородство с природой, а напротив, считает почетным это продемонстрировать.

Как видно, принципиально важным моментом для греческого сознания является гармоничное сосуществование человека с природой, которая придает его духу силу. Эту тенденцию подхватывают, не без влияния Ницше, немецкие идеологи «культуры свободного тела» Рихард Унговиттер и Генрих Пудор, которому приписывается заслуга введения самого термина «культура наготы» (1903 году) [3]. Одним из положений в работе «Нагота и культура» Унговиттера является необходимость природного воссоединения человека для того, чтобы вернуть первородный дух, и преодолеть массовое распространение «усредненного» человека, который, отчуждаясь от себя телесно, переживает отчуждение и внутреннее. Благодаря распространению этих идей, зарождается новое отношение к жизни, где нагое тело не маркируется как знак стыда или

греховности, что исходит из христианского концепта «плоти», а признается в его естественной открытости природе и нацеленности на самораскрытие своего духа.

Но нельзя не сказать о ложных основаниях, которые способны разрушить эту культуру. Смещение акцента в сторону телесности во имя лишь красоты, здоровья и национального благополучия способно породить опасный биологизм. В национал-социалистической Германии в рамках этого движения стали употребляться термины «расовой гигиены». Культура тела деградирует в культ тела, исходящий из прагматических, националистических соображений. В результате нагота, которая у эллинов служила открытости, свободе и достижению гармонии между небесным и земным, становится также элементом контроля и ущемления.

Теперь обратимся к иным основаниям, тем, где акцент ставится на идеальном. Взглянув на попытки серьезного разделения тела человека и его духовных процессов, обнаруживаем, что это исходно противоречивый путь, поскольку уже само наличие одежды и сокрытие тела регламентируется моралью, то есть сферой духовного. Можем сослаться на такой пример Владимира Соловьева в его работе «Оправдание добра», где философ как раз демонстрирует необходимую связь морали с материальной жизнью: именно чувство стыда побудило дикарей к изобретению одежды, несмотря на то, что климат того не требовал [5]. Однако Соловьев в своих аргументах исходит прежде всего из христианской парадигмы – той, которая закрывает человека от его телесного бытия, обосновывая грехопадение. Обратившись же к иному нравственному измерению, мы получим и иное измерение тела, которое не противоречит морали, как это и было в Античности. Одежда в данном случае предстает как средство отчуждения человека от его материального воплощения.

Эту логику разворачивает Мишель Фуко, вскрывая методы контроля и власти, которые пронизывают все сферы человеческой жизни, вплоть до бытовых и повседневных мелочей, с целью вскрыть те инструменты, которые препятствуют достижению подлинного статуса субъекта как свободного существа. Одежда оказывается одним из способов контроля, через который устанавливается нормативность тела и соответственно возможности его маргинализации. По Фуко, жесткие общественные нормы контрастируют с природой и желаниями тела. Отчуждение тела от разума его носителя тем самым являет человека в расщепленной форме, исходящей от требований некоей внешней нормы, а не из самого субъекта [6]. Обратное возвращение субъекта в его телесности и «живого тела» философ находит в реконструкции особых телесных практик античной культуры, где тело и душа символически неразрывны. Отсутствие одежды, в результате, есть лишение одного из способов контроля и техника, позволяющая сформировать индивидуальное тело, находящееся в единстве с сознанием.

По Ницше, христианская аскетизация трагична для человека, поскольку отчуждает то, что в принципе не должно и не может быть отчуждаемым, а именно тело. В чем же опасность этого феномена? Дихотомия телесного и духовного, и, как следствие, их отграниченное друг от друга не вполне адекватное развитие и способно приводить к негативным явлениям. Так, например, тело, лишенное собственной философии и культуры, поддается вульгарной сексуализации. Именно таков результат грубого взгляда на тело, оторванного от эстетически-культурного. Оно превращается в механизм реального. Обратимся к Жану Бодрийяру, который считает, что в этом случае тело «насильственно материализуется», а нагота становится функциональной [2]. Бодрийяр замечает, что в тех культурах, где тело не противопоставляется лицу, и не завладевает монополией на богатство выражения и взгляда как отражения внутреннего, все «тело – лицо, и оно глядит на вас» [2]. Поэтому оно не может быть непристойным и увидено голым.

Так, в восприятии одежды можно рассматривать позицию неестественного обращения к ней. Одежда (мы не говорим в данном случае об одежде как жизненно необходимом средстве в соответствующих климатических условиях, или как о средстве самовыражения) есть средство контроля, отчуждающее человека от его телесности. Она служит закреплению определенного социального порядка и регламентирует тело, внося в него измерение непристойности, вынося тем самым его за рамки культуры и редуцируя до одномерного материализма.

Таким образом, проект культурной наготы направлен на попытку осуществления гармоничного синтеза Природы и Культуры. Возвращаясь к Природе, можно сказать, что человек возвращается и в Культуру в античном смысле, обращая материальное к духовному и наоборот, позволяя духовному совершаться через материальное – в этом и заключается целостное гармоничное бытие. Также, с одной стороны, преодолевается дифференциация людей, подчеркиваемая одеждой как маркером социальной роли, что позволяет достичь чувства всеобщности, с другой же, – позволяет человеку и индивидуально раскрыть себя.

Литература

1. Алексеев Н. П. О вреде одежды и пользе обнажения. М.: Альта-Принт, 2004. 336 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 319 с.
3. Кон И. С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 432 с.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука-классика, 2005. 208 с.
5. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации. Алгоритм, 2012. 656 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

УДК 391.9

Вяткина А. А.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Мода в концепции «мягкой силы» Дж. Ная

Consideration of the fashion phenomenon through the concept of "soft power" by J. Nye

Данная работа посвящена феномену моды как мощного властного инструмента над индивидом. Современная мода - это одно из самых сложных явлений, охватывающих многие сферы жизни человека. Оно способно удовлетворить эстетические изыскания индивида, подчеркнуть его социальный статус или принадлежность к какой-то социальной группе. Более того данный феномен способен оказать влияние на мировую экономику, политику, современный социум и даже на окружающий человека мир. С этой точки зрения представляется актуальной задача выявления специфики рассмотрения феномена моды как одного из властных инструментов, используемого на политической арене.

Что общего у моды и власти? И мода, и власть явно или косвенно влияют на огромное количество людей и обуславливают их выбор, поэтому, например, мы иногда можем наблюдать, как некоторые полагаются на коммуникативную силу политиков, как если бы они были психиатрами, гипнотизирующими своих пациентов для сеанса терапии. Власть носит маски и парики, чтобы скрыть свои истинные цели, стремясь к одной или нескольким целям с помощью тщательно спланированных стратегий, где творчество всегда играет важную роль.

В соответствии с результатами исследований моды, данный феномен рассматривается, с одной стороны, как материальный объект – будь то одежда, аксессуары, украшения, обувь и т.д. – и, с другой стороны, как сложная и универсальная социокультурная практика. Эта – сфера, в которую входит очень многое: от сырья до готовой продукции, которая включает объекты, впечатления, изображения и тексты. Таким образом, мода является объектом изучения, который в совокупности является материальным, человеческим и одновременно нематериальным. Аналогичным образом, понятие власти охватывает все сферы ее проявления: культурную, коммерческую, общественную и т.д.

Мода является важным источником того, что Джозеф Най назвал «мягкой силой», то есть способами, с помощью которых данная страна может влиять на другие страны без использования военной мощи. Уже давно установлено, что мода является показателем статуса и власти отдельных лиц и социальных групп. Так, например, Торстейн Веблен формирует два основных свойства своей модной концепции: 1) мода – это возможность демонстративно показать свое достояние. Так, та сумма, которую готов отдать праздный класс за одежду соответствующего качества может стать отличным примером демонстративного потребления. Праздный класс не обращает внимание на то, что дешево и некачественно, так как это просто не соответствует их критерию праздности; 2) Второе свойство является следствием первого. Одежда показывает то, сколько человек зарабатывает себе на жизнь, и то, насколько он вообще имеет возможность себя обеспечить. Она также может свидетельствовать о профессии человека. Чем меньше функциональности заложено в одежду, тем более она становится предпочтительнее для праздного класса, так она является демонстрацией того, что для успешной жизни человеку вовсе не нужно работать [1].

Термин «мягкая сила» был введен в 1990 году Джозефом Наем в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (*прим. автора* «Обязанный руководить: меняющийся характер американской власти») и в статье, опубликованной в том же году, под названием «Мягкая сила». Книга и статья, адресованные отечественной элитной аудитории, были направлены на то, чтобы развеять широко распространенное в то время предположение о том, что Соединенные Штаты Америки находятся в упадке, и предписательно ориентировать американские общественные дебаты и политику в период после окончания холодной войны на обеспечение позиции Соединенных Штатов как крупнейшего и самого могущественного государства в конце двадцатого века. Критикуя реализм за его одномерный акцент на межгосударственной политике власти, Джозеф Най обратил внимание на «беспрецедентные проблемы взаимозависимости», которые ни одна великая держава не может решить сама по себе, включая, передачу власти от государств частным субъектам и требуя организации государств для совместных действий. «Критический вопрос для Соединенных Штатов, - писал Джозеф Най, - заключается не в том, начнет ли США следующее столетие как сверхдержава с наибольшим запасом ресурсов, а в том, в какой степени США сможет контролировать политическую обстановку и заставлять другие страны делать то, что государство хочет» [3]. Вместо того, чтобы добиваться этого с помощью командования и принуждения посредством составления повестки дня и структурирования ситуаций, в которых другие участники

делают выбор. Он назвал этот второй аспект власти кооперативной или мягкой силой и утверждал, что это так же важно, как и жесткая командная власть [2].

Таким образом, исходя из того, что было изложено выше, мы можем сделать вывод, что феномен моды есть источник власти для наций и городов, и, таким образом, рассмотрение того, как данный феномен реактуализируется сквозь призму категории «власть», является способом оценить распределение важного источника мягкой силы в мире.

Литература:

1. Веблен Т. Б. Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ. С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. – Изд. 3-е. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. – 365 с.
2. Най Дж. Soft power, или «мягкая сила» государства / Най Дж. // Восток [Электронный ресурс]. – 2006. №5 (41) URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm
3. Nye J., Jr. Soft power / Nye J., Jr. // Foreign Policy. – Washington. – 1990. – V. 80, №. 153.

УДК 008-027.21

Голев И.А.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Любовь как власть над другим

Love as Power over Another

На протяжении тысячелетий любовные отношения занимают главенствующее положение в человеческом социуме. Во-многом благодаря этому они формируют особенное их восприятие и, естественно, такое явление, как власть не могло обойти стороной институт любви. Интересно, что власть может распространяться на совершенно разные формы любви, будь то родительская любовь, любовь между мужчиной и женщиной или любая другая. По мнению Е.Н. Шапинской, «все типы власти присутствуют в любовных отношениях, причем в различные эпохи та или иная власть может выходить на первый план в зависимости от культурных установок» [9, с. 7].

Одним из первых о соотношении любви и власти сказал знаменитый немецкий философ Фридрих Ницше в одном из своих трудов, охарактеризовав отношения полов: «Любящий хочет безусловного и единоличного обладания возжеленной особою, он хочет столь же безусловной власти над ее душою, как и над ее телом, он хочет один быть любимым и жить и властвовать в чужой душе как нечто высшее и достойнейшее желаний» [4, с. 526].

Начиная с раннего детства, человек подвержен власти любви со стороны родителей, которая может проявляться по-разному, например, когда ребенку не оставляют выбора, заставляя его заниматься тем, что ему не по душе: есть, когда не хочется, ходить на ненавистную спортивную секцию и т.п. Здесь проявляется первая в жизни власть любви, поскольку любой родитель делает это из «лучших побуждений», считая, что так

ребенку будет лучше. Ницше по этому поводу: «Наша любовь к ближним — разве она не есть стремление к новой собственности?» [4, с. 525].

В годы появления первых романтических отношений проявляет себя любовь другого типа, но неизменной остается ее власть. Нужно сказать, что любовные отношения строятся по определенному алгоритму, выход за рамки которого, за небольшим исключением, едва ли сможет, остаться незамеченным. Здесь проявляется феномен власти любви уже самой по себе, поскольку общество вполне естественно дает ей права устанавливать на любовные отношения определенные правила и обязательства. Более того, от рождения индивид подвергается насильно любви, поскольку общество диктует ему, что он должен любить своих родителей, иными словами, он не имеет выбора, иначе, как писал М. Долар «отдавая предпочтение свободе выбора, он лишается и того и другого» [2, с. 15].

Главным проявлением власти любви является сексуальность. Известно, что на протяжении тысячелетий отношение к этому действию неоднократно изменялось, а, точнее сказать, усложнялось. Это и определяет то, что сексуальные отношения начали выступать в роли определенной властной силы. С другой стороны, не совсем верно сводить любовь к элементарному удовлетворению физических потребностей. Выдающийся французский философ Жан-Поль Сартр утверждает, что понимание любви с точки зрения лишь удовлетворения абсолютно неправильно, поскольку «если бы любовь была чистым желанием физического обладания, она в большинстве случаев легко могла бы быть удовлетворена» [6]. С утверждением классика, как видится, сложно поспорить, поэтому видеть сексуальные отношения как движущую силу власти любви не стоит. Явление, которое бесспорно может выступать в контексте властных отношений – это соблазн. По мнению С.В. Соловьевой соблазн «является стратегией власти, но власть здесь – это не институт, а сила влияния» [7, с. 45].

Интересный, в данном случае, аспект выделила Е.Н. Шапинская, в одной из своих работ высказала мнение о том, что мужское начало имеет определенную корреляцию с властью, которая «коренится в природе», изначально давшей миру начало мужское и женское. Давая более конкретное объяснение своим словам, Е.Н. Шапинская пишет, что «проявления власти мужчины в отношении женщины могут быть разными – физической силой, которая на протяжении веков была мужской привилегией, способностью терроризировать, вызывать страх, воинственностью, утверждением креативности как мужского начала, легитимацией экономического господства» [9, с. 7]. В подтверждение можно привести высказывание Фридриха Ницше по этому поводу «женщина, чем больше она женщина, обороняется руками и ногами от прав вообще» [3, с. 727], вероятно, это явление и приводит к тому, о чем говорится выше.

Нельзя не привести мнение французской писательницы Симоны де Бовуар, ставшей одним из главных идеологов феминизма в XX в. В одной из своих работ она провела интересную параллель между любовью и войной: «когда люди обсуждают даже самые цивилизованные любовные отношения, они употребляют такие слова, как победа, атака, приступ, осада, защита, поражение, капитуляция» [1]. На мой взгляд слова писательницы достаточно точно отражают процесс отношений, изначально понимающийся как борьба, а победитель в ней занимает место властителя.

Феномен власти в любви можно рассмотреть ещё с одной стороны: любовь является своеобразным мерилom. Если кого-то можно полюбить, значит он оказывается принятым этим миром. Большое количество людей очень сильно подвергаются этому стереотипному положению и позволяют любви захватить власть над собой, даже если эта любовь им абсолютно не нужна. Говоря словами Эриха Фрома, «глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность, покинуть тюрьму своего одиночества» [8]. Более того, как пишут современные исследователи,

многие люди уверены, что «любовь зависит от объекта, а не от них самих и их способности, и готовности любить». Иными словами, они изначально предполагают, что сами не властны над своей судьбой в любовном контексте и поэтому отдают право власти над собой практически независящим от них обстоятельствам [5, с. 150].

В заключении хочется сказать, что любовные отношения являются определенной формой власти. Практически, все формы любви основываются на подчинении любимого любящему, а в некоторых случаях даже и наоборот. Характерно, что власть любви преследует человека на протяжении всей жизни, начиная с младенчества, заканчивая смертью. Более полное определение роли властных отношений в любви требует дальнейшего детального осмысления и изучения.

Литература

1. Бовуар С. Второй пол: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Bovuar/20.php. Дата обращения: 16.12.2021.
2. Долар М., Божович М., Зупанчич А. Истории любви / пер. с англ. А. Смирнова. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
3. Ницше Ф. Ессе Номо. Как становятся сами собою / пер. Ю. М. Антоновского // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Литературные памятники / публ. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. С. 693–769.
4. Ницше Ф. Весёлая наука / пер. К.А. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Литературные памятники / публ. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. С. 491–720.
5. Рахманинова М.Д. Власть и любовь в гендерном дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 148–152.
6. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/sarttr03/txt08.htm>. Дата обращения: 13.12.2021.
7. Соловьёва С.В. Любовь как феномен власти // Вопросы философии. М., 2010. № 10. С. 38–50.

УДК 572

Косолапова Н. И.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Технические и философско-антропологические аспекты понятия информации Technical and philosophical-anthropological aspects of the concept of information

Данный доклад посвящен феномену информации. Кратко обозначим ход нашей работы. Сначала мы разведем технический и антропологический аспекты понятия информация, после чего покажем, что при определении понятия информации все-таки важно иметь в виду оба аспекта данного понятия, иначе мы можем впасть в ошибки, которые в дальнейшем приведут к более серьезным и глобальным проблемам.

В настоящее время феномен информации приобретает все большее значение. Информация встает наравне с такими фундаментальными понятиями, как бытие и

реальность. Однако, четкого определения понятию информации так и не дано. Попытки определить понятие информации предпринимаются с середины XX века, с появлением первого компьютера (1944 год). Но единого определения для феномена информации нет до сих пор. Да, существует множество различных определений информации, но не хватает лишь одного – общепризнанного. Как же сейчас строятся научные системы? Ученые при исследовании просто выбирают то понятие информации, которое является наиболее близким к сфере его деятельности. Это, в свою очередь, может повлечь за собой разобщенность исследований.

Для наглядности рассмотрим несколько определений понятия информация в различных науках. Первым, кто ввел понятие информации был К. Шеннон. В своей теории информации, он дает следующее определение: это – то, что снижает неопределённость (повышает определённость). Математики под информацией понимают абстрактную величину, несуществующую в физической реальности. В физике информация – это мера разнообразия; в генетике информация есть программа или код биосинтеза белков, материально представленных полимерными цепочками ДНК. В кибернетике не пришли к единому определению понятия информация, существует как минимум два подхода. Первые под информацией понимают то, что содержится в сигнале, импульсе, полученном кибернетической системой извне; вторые считают, что информация – это мера сложности, организации структур. Мы привели лишь несколько примеров, но уже понятно, что единого мнения по поводу определения понятия информации нет.

Понятие информации привлекает к себе все больше и больше внимания. Она становится уже общепринятой категорией, без которой невозможно создание полноценной картины развития живых существ, человека и общества в целом, а также объяснения их выбора, ошибок и достижений, эволюции и так далее. Именно поэтому внимание к феномену информации становится таким пристальным.

Вопрос об определении понятия информация сейчас является одним из самых актуальных вопросов современной эпохи – информационной эпохи. В настоящей статье мы постараемся указать на различия научно-технического и антропологического определения понятия информации.

Начнем с того, что кратко рассмотрим вопрос о том, как возникает информационное взаимодействие. Информационное взаимодействие неотделимо от такого понятия как коммуникация. Коммуникация – это обмен сигналами. Иными словами, коммуникация есть взаимодействие двух или более систем, или субъектов, при котором одни отправляют информацию, а другие, в свою очередь, принимают ее. Только в ходе коммуникационного воздействия возможна передача информации от одного объекта другому, то есть между объектами коммуникации должен обязательно образоваться канал связи, по которому и будет передаваться информация. Коммуникация может быть представлена различно, например, это может быть разговор двух людей или различные технические системы.

С точки зрения научно-технического аспекта, информация – это сообщение, передаваемое в форме сигналов по установленным каналам связи. Иными словами, из одного источника, например, компьютера в другой источник, соответственно в другой компьютер, отправляются сигналы, которые расшифровываются в сообщение, а интерпретация происходит за счет заранее подготовленных алгоритмов. Соответственно, все правила приема и интерпретации информации заданы заранее и отклонение от них недопустимо. Система, допускающая отклонения, считается неисправной. Если сказать короче, то информация в научно-техническом аспекте определена однозначно, то есть информация должна быть однозначно дешифрована.

Что же отличает антропологический аспект понимания понятия информации? Человек также принимает информацию по каналу коммуникации, однако, дешифровка информации происходит иначе. Человек интерпретирует полученную информацию, наделяет ее смыслом в зависимости от контекста коммуникации. В этом и есть главное отличие антропологического понимания понятия информации от научно-технического. Человек, наделяя переданную ему информацию смыслом, порождает неопределенность. Иными словами, в различных обстоятельствах коммуникации человек по-разному дешифрует принимаемую им информацию. Таким образом, расшифровка информационного сообщения однозначно дешифруется в машине, но у человека дешифровка информации может иметь множество значений, зависящих от контекста коммуникации.

Почему важно рассмотреть антропологический аспект информации? Как нам всем известно XXI век назван эпохой информации, а, соответственно, и общество, которое сейчас, в это время информационной эпохи, существует носит название информационного общества. Информационное общество быстро развивается. С появлением, распространением и ростом различных орудий, облегчающих жизнь человека и высвобождающих для него время, началось культурное развитие человека. Под культурным развитием мы будем понимать непосредственно интеллектуальное развитие человека. Мы можем легко заметить этот процесс, обратившись к истории. Посмотрите, как быстро развивается наш современный мир, а как медленно шло развитие у древних людей. Все дело в том, что древним людям необходимо было бороться за выживание, а времени для развития оставалось крайне мало. Современный человек уже не уделяет столько времени на удовлетворение своих биологических потребностей, поэтому он имеет больше возможности для культурного развития.

Однако, многие открытия и изобретения оборачиваются для человечества не лучшим образом, то есть изобретение компьютера для облегчения жизни человека грозит теперь всемирной компьютеризацией; роботостроение стремится создать искусственный интеллект, который может привести к двум исходам: вечной жизни или порабощению человечества. Мы ходим по грани, у нас есть лишь два исхода: первый – становление высокоразвитого информационного общества и второй – истребление человеческой цивилизации.

Эти проблемы зачастую связаны именно с неправильным определением понятия информации. Что мы имеем в виду под неправильным определением? Мы говорим о том, что в большинстве случаев во внимание принимается лишь технический аспект понятия информации. Культурные способности человека тоже начинают описываться с технической точки зрения. В связи с этим и возникают теории человека – машины, искусственного интеллекта и так далее. На этом строится целая наука – кибернетика, которая, на мой взгляд, допускает серьезную ошибку, принимая во внимание лишь технический аспект понятия информации. Все вышеперечисленное приводит к изъятию антропологического аспекта, а именно использования и контекстно-зависимой интерпретации информационных сообщений. В связи с этим возникают угрозы потери важной составляющей человека – его способности наделять информацию смыслом. Если исчезнет эта уникальность, то человек потеряет способность к смыслонаделению, что может привести к упадку и исчезновению человеческой цивилизации.

Подведем итоги. Мы обозначили два различных аспекта понятия феномена информации – научно-технический и антропологический, указали на их различия. Но основной целью работы было показать, что мы и сделали, что антропологический аспект понятия информации с необходимостью должен учитываться при определении такого феномена, как информация. В противном случае, это может привести к губительным для человека последствиям.

Литература

1. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М.: Мир, 1967. 91 с.
2. Колин К. К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании // Вестник КемГУКИ 2011. № 17. С. 17 – 32.
3. Колин К. К. Философия информации: структура реальности и феномен информации // Метафизика, 2013, № 4 (10). С. 61 – 84.
4. Рыбин В. А. Социокультурное содержание и антропологическое истолкование понятия информации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). С. 118 – 121.

Кравчук Е. А.

Студент

Национального исследовательского Томского государственного университета

Антропологический смысл концепции творчества в философии Фридриха Ницше
The anthropological meaning of the concept of creativity of the philosophy of Friedrich Nietzsche

Данная работа посвящена концепции творчества в философии Фридриха Ницше, анализ которой будет реализован в горизонте антропологической проблематики. В своих работах Ницше интерпретирует творчество, придавая этой проблеме новые смыслы, и совершает радикальный переворот в вопросах антропологии: рациональность и разумность человека сменяется противоположными понятиями. Посредством новой интерпретации антропологии Ницше приходит к особому пониманию творчества и искусства в целом. Немецкий философ проникает в основания культуры, выявляет её источники, которые восходят к сущности человека.

Концепция творчества в философии Фридриха Ницше представлена интересным образом и в корне отличается от его предшественников. Рассматривая античную культуру, Ницше выделяет в ней два противоположных начала аполлоническое и дионисийское. Они являются архетипами, создающими призму, через которую можно исследовать искусство.

Аполлонизм – это холодный рациональный интеллект, в то время как Дионис – это страстный эмоциональный аспект. Ницше беспокоился о том, что общество его времени только подчеркивало аполлоническое и пренебрегало ролью дионисийского или эмоционального. Дионисийское начало, согласно немецкому философу, является главным условием начала творческого процесса, благодаря ему происходит освобождение энергии, заложенной в человеке, что и знаменует собой собственно творческий процесс.

Классическое понимание творчества и искусства опиралось на красоту в качестве идеала. В понимании таких античных философов, как Демокрит, Платон, Аристотель красота представляла собой центральное понятие эстетической концепции. Ницше же, напротив, соотносит источник прекрасного со страданием и безобразным: «Искусство ... хочет убедить нас в вечной радости бытия: только мы должны искать эту радость не в явлениях, а за ними. Мы должны признать, что все, что приходит в жизни, должно быть готово к печальному концу» [2. С. 27].

Немецкий философ говорит о подлинно великом искусстве как о средстве, которое нас объединяет, обсуждая борьбу трагического героя с судьбой, которая не подчиняется рациональному началу человека, но полагается на торжество нравственного порядка в мире и катарсис эмоций. В этом аспекте он пишет о трагедии и «духе музыки». Для Ницше такой контекст исследования – бесконечно более предпочтителен, чем чисто рациональный «критический варвар».

Ницше полагал, что классические мыслители, такие как Сократ, разрушали гармонию разума и эмоций, сосредоточившись исключительно на рациональном или логическом аспекте (аполлоническом), мало заботясь о роли страстей (дионисийском аспекте). Например, Сократ был обеспокоен тем, что эмоции могут вводить в

заблуждение и давать повод для ложных рассуждений. Но для Ницше жизнь без эмоций безрадостна. Сущность дионийского заключается во всеобщности. Это обращение к единой основе жизни. Дионисийство выражается в преодолении индивидом своих личных границ и выходе к единой основе бытия.

Эллинский грек под влиянием Аполлона находится в мире иллюзий, то есть в сновидении. Для него видимый мир является идеальным, гармоничным. Человек ощущал себя безмятежно и не хотел видеть обратной стороны этого мира. Дионис же врывается в этот мир, пробуждая от сна и показывая жизнь не только в ее организации Логосом-Умом, но и без-ум-ном (страстном, чувственном) состоянии. Творчество стимулирует дионисийское начало, так оно раскрывает в человеке его активность, в некоторой степени, его безумие. Грани, оформленные аполлоническим началом, стираются. «Я» под опьянением Диониса растворяется в пространстве и сливается с единым. Дионис несет с собой вечный праздник и буйство. Слияние аполлонического и дионисийского начал представляют собой аттическую трагедию. Дионис предстает как страдающий Бог, тем самым открывая истинную сущность жизни.

Искусство – это великий стимул к жизни, поэтому с эстетической точки зрения нам не нужно искать цель, ибо искусство – это цель сама по себе: цель жизни. Тогда Ницше задается вопросом о природе трагедии. Разве это дает метафизическое утешение? Является ли это средством для самотрансценденции? Является ли это стимулом к жизни? Ницше, анализируя функцию трагедии как искусства, пишет: «Мужество и свобода чувства перед мощным врагом, перед бедствием высшего порядка, перед проблемой, возбуждающей ужас, – вот то победное состояние, которое выбирает трагический художник, которое он прославляет» [1. С. 23].

Благодаря дионисийскому элементу в искусстве, человек получает возможность выйти за пределы индивидуального бытия и установить связь с человеческим и природным мирами: «Под чарами Диониса не только вновь смыкается союз человека с человеком, сама отчужденная, враждебная и поработанная природа снова празднует праздник примирения со своим блудным сыном - человеком» [2. С. 112].

Через искусство человек выходит за пределы своего собственного эго и достигает единства со Вселенной. Ницше определяет роль искусства как средство самотрансценденции. Искусство существует ради искусства, то есть искусство оправдывает себя и обладает качеством избавления от цели – моральной или рациональной, – поскольку только через эстетическое производство мир может быть оправдан.

Для Ницше человек – это источник порядка и структуры во Вселенной. Человек формирует Вселенную посредством языка и идей. Жизнь сама по себе лишена смысла. Единственный смысл, который может иметь жизнь, – это тот, которым человек наделяет ее, следовательно, человек также является источником смысла и смысла во Вселенной. Тогда возникает практический вопрос: какими путями и средствами человек может наделять мир смыслом, чтобы он способствовал его росту и развитию в направлении совершенства? Именно благодаря художественному творчеству человек может оправдать свое существование, придать ему смысл и направление. Именно через искусство и творчество человек может найти путь к самореализации, к сверхчеловеку.

В самой популярной книге Ницше «Так говорил Заратустра» он сказал об идее, которая стала одной из самых им созданных запоминающихся теорий – теорией сверхчеловека. Согласно Ницше, сверхчеловек – это тот, кто сохранил дионисийское начало и в согласии с ним пересмотрел ценности окружающего мира, создав тем самым из себя новую индивидуальность. Сверхчеловек является творцом своей жизни, поскольку каждый день он наполняет её личным содержанием. Это состояние можно рассматривать

как состояние чистого индивидуума, человека, не обремененного влияниями и авторитетами общества и других людей. Этот человек желает своей собственной судьбы, создает свои собственные ценности и танцует с игрой жизни на мотив своего собственного духа.

Интерпретация Ницше приводит к выводу о том, что состояние сверхчеловека является истинно игровым состоянием, в котором человек больше не воспринимает себя как нечто отдельное от жизни, а, скорее, как нечто единое с ней. Утверждаясь в жизни и сливаясь с ней, он перестает напрасно страдать и способен без усилий заниматься чистым творчеством.

По мнению Ницше, прекрасное лежит в глазах смотрящего. Человек – это источник и причина красоты. Человек отражает себя в мире и отражает красоту, которая находится внутри него в этом мире. В прекрасном человек восхваляет и прославляет самого себя. Для Ницше первая эстетическая истина (для него единственно истинными ценностями являются эстетические ценности): «Ничто не прекрасно, только человек прекрасен: на этой наивности зиждется вся эстетика, она ее первая истина» [1. С. 35]. Тогда его вторая истина такова: «ничто не безобразно, кроме вырождающегося человека» [1. С. 35]. Говоря о человеке, Ницше пишет: «Его чувство власти, его воля к власти, его мужество, его гордость – все это умаляет вместе с безобразным и возрастает вместе с прекрасным...» [1. С. 36]. Мы можем оценить объем, который эстетика занимает в философии Ницше: «Только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности» [2. С. 43].

Таким образом, для Ницше искусство – это не подражание природе, а метафизическое дополнение, которое позволит трансцендировать саму природу. Искусство есть основная метафизическая деятельность человека; искусство есть высшая форма человеческой деятельности. Взгляд Ницше на искусство является в то же время самым возвышенным и метафизическим, а его концепция творчества позволяет по-новому взглянуть на сущность человека посредством иррациональности и определения человека как творца.

Литература:

1. Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др.; науч. ред. И.А. Эбаноидзе. - М.: Культурная революция, 2009. 408 с
2. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г.А. Рачинского. – СПб.: Азбука-классика, 2005. 208 с.

Ларютенко М. А.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**Художественные функции хора в романе М. Шишкина «Взятие Ишмаила»
The artistic functions of the choir in novel «The Taking of Ishmael» by M. Shishkin**

Художественное произведение – это уникальная целостная и сложная система, образный мир, создаваемый человеком (писателем) с помощью слов и символов для дальнейшего восприятия другим человеком (читателем). Оно представляет собой и концентрирует в себе антропологию создания и восприятия текста.

Формируемая концепция человека как писателя, читателя или героя связывается с отображением внутри произведения системы взглядов на человека и окружающий его мир. Каждое отдельное событие, момент или герой в литературном произведении показаны нам, читателям, с позиции человека, который отражает внутри образного мира свою реакцию на те или иные события, ситуации и проявления, а также свое видение мира и отношение к нему.

Структура каждого литературного произведения описывается с помощью вычленения различных точек зрения, или авторских позиций (нарратора, автора или героя), со стороны которых ведется повествование или описание, и дальнейшем исследовании их взаимоотношений (В. Шмид).

В художественном произведении различные точки зрения, системы оценок вступают в определенные отношения друг с другом, что позволяет выявлять сложную систему их отношений (могут различаться или совпадать, переходить или взаимопроникать друг в друга), которая образует архитектуру (композиционную структуру) повествовательного текста (Б. А. Успенский).

Нарративная (повествовательная) структура произведения вызывает у исследователей и читателей интерес, так как данная с такой-то позиции и содержащая в себе оценку и мнение автора, героя или нарратора она позволяет выявить особенности конкретного произведения, функции того или иного художественного приема, задает контекст восприятия событий, деталей и в целом всего текста, а также организует восприятие и понимание читателем заложенных идей и смыслов.

Такая авторская оценка не всегда определяется прямо, за исключением рамочной структуры произведения (имя или псевдоним автора, название (заглавие), подзаголовок, посвящение, эпиграфы, предисловие и т.д.), а реконструируется читателем через системы оценок, речи персонажей, используемые детали, изображаемое время и пространство.

«Нарратор имеет две возможности передавать события: применяя свою собственную точку зрения – нарраториальную – или точку зрения одного или нескольких персонажей – персональную» (В. Шмид) [5. с. 128]. Так создается двойная оппозиция точек зрения: внутри изображаемого мира находятся две позиции, которые что-то воспринимают, оценивают, говорят и действуют – это герой и нарратор.

Но в истории литературы, а особенно в художественных произведениях постмодернизма, мы можем увидеть более сложные случаи организации внутреннего повествовательного плана текста, когда, с одной стороны, различные точки зрения

сплетаются в единую смысловую нить, но, с другой стороны, фактически распадаются на отдельные смысловые части. При этом вместе и тот, и другой случай вместе представляют собой единое повествование в рамках сюжета.

Нарративный план романа Михаила Шишкина «Взятие Измаила» (1999), опубликованного в журнале «Знамя», в критике и современном литературоведении является дискуссионным. Он представляет собой многоуровневую структуру, где нарратологические инстанции в каждом фрагменте текста находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и формируют многообразие точек зрения¹.

Автор-создатель произведения организует повествование с использованием различных коммуникативных стратегий. Сначала виден подзаголовок – «Лекция 7-я», что заставляет читателя воспринимать дальнейший текст как лекцию, «имитацию риторического дискурса» [2. с. 291], так, как будто некий нарратор-лектор рассказывает аудитории какие-то истории, теории, мнения со своей индивидуальной позиции, при этом акцентируя внимание публики на важных смыслах.

Также уже после подзаголовка есть эпиграф, который является эпиграфом как бы ко всей этой лекции, а не к роману в целом – «*Narratio est rei factae, aut ut factae, utilis ad persuadendum expositio. Quintilianus*» («Рассказ обстоятельств дела есть правдивое изложение дела или того, что выдается за правду, с целью убедить слушателя. Квинтилиан» (лат.)) [4. с. 7]. Эпиграф формирует лекционный контекст восприятия романа и вместе с подзаголовком задает положение устного произношения речи и ее восприятия для говорящего и слушающего. Речи одного из героев романа, Александра Васильевича, были произнесены им в университете, перед публикой по билетам и в суде, что позволяет говорить об образовательном, публичном, ораторском, а также судебном дискурсе. А устная речь и ее звуковое восприятие показывает связь текста с театральным действием.

По ходу развертывания действия осложняется ситуация восприятия текста. Нарративный план усложняется используемыми автором художественными приемами организации речи внутри текста. Истории, события, речи героев постоянно взаимодействуют друг с другом, нарраторы изменяются, точки зрения соединяются и противопоставляются. Все это показывает нам насыщенность повествовательной структуры романа, которая заключается в моделировании многообразия разных точек зрения (общие и частные, индивидуальные и коллективные).

Моделирование насыщенной нарративной структуры образуется совмещением различных художественных приемов изображения речи, одним из которых является использование хорового начала как формы слияния нескольких голосов. Но в контексте данного романа необходимо сказать о несовпадении голосов в хоре и выделении в нем голоса одного человека без точно определенной иерархии мнений.

Взятый нами фрагмент [4. с. 41–51] организован в форме беседы героев К. К. и Истомина с неким хором во время сороковин смерти жены К. К., где собрались так называемые «судейские» и Александр Васильевич. В сюжетном плане мотив «суда» занимает одно из главных позиций, так как подчиняется стремлению автора исследовать человека, его взаимоотношения с другими людьми и мира в плане представления сил и слабостей человека в жизненных коллизиях. Суд над человеком, страной, всем миром в контексте романа расширяется до понимания стремлений и итога человеческой жизни – страшного суда и того, что на нем ждать человеку – обвинения или оправдания.

1 Подробнее о системе нарраторов см. в статье А. И. Пантюхиной «Система нарраторов в романе М. Шишкина "Взятие Измаила"».

Именно такое наименование – «хор» – задает контекст восприятия изображаемой ситуации в романе «Взятие Изаиды» и вступает в полемику с изображением хора в античной традиции.

Античная литература отражает такую специфику человеческого мышления как коллективное отображение действительности. Мы можем это увидеть в хоровой мелике и в античной драме.

Хоровая мелика представляет собой лирический текст, организованный точкой зрения личности – поэта, но исполняет который хор других людей (хоровая лирика Пиндара (VI-V вв. до н.э.)). Поэт через лирику свою личную, индивидуальную точку зрения на то или иное событие передавал общей, коллективной.

Античная драма V в. до н.э. перенимает традицию хорового исполнения текста и отличается особой формой отображения разных точек зрения (коллективной или индивидуальной), выстраивающихся в определенную иерархию. Одним из основных элементов и вместе с этим действующим лицом наряду с другими актерами в античной драме (комедии или трагедии) является хор. Он представляет собой голос всего полиса (город-государство в Древней Греции), всего коллектива. Это такое общественное мнение, которое должно было быть услышано и воспринято не только действующими героями, но и самими зрителями.

«Хор состоял из певцов, исполнявших собственно хоровые, лирические партии (хоревтов), и их предводителя, достаточно часто вступавшего в прямой контакт с действующими лицами. Этого члена хора греки называли корифеем, т. е. человеком, возглавляющим вереницу хоревтов при ее появлении на оркестре» [6].

Попытаемся обозначить некоторые функции хора, которые в данном контексте важны при анализе фрагмента романа. Хор в античной драме: 1) передавал общественную оценку, то есть оценку коллектива полиса, не самого автора, тем самым создавая для зрителей ощущение причастности к этому хору, создавая объемность оценки, передавая поставленный художественными задачами кругозор и программируя оценку зрителей (например, хор жителей Аргоса в трагедии Эсхила «Агамемнон» во втором эпизоде не знает, в чем причина радости и почему пылают сторожевые костры); 2) выполнял функцию эпического повествователя (нарратора), который по ходу разворачивания действия что-то комментировал, объяснял или рассказывал (хор коринфских женщин в «Медее» Еврипида в пародии трагедии описывает состояние Медеи, которая находится не на сцене); 3) выполнял роль персонажа самой пьесы, который активно мог строить действие (хор фиванских старцев в трагедии «Эдип-царь» Софокла в прологе является инициатором расследования); 4) нес эстетическую функцию, показывая гармоничность действия и законченность произведения (по мнению Ксенофонта²); 5) композиционную функцию, так как организовывал собой действие пьесы (деление пьесы репликами хора на стасимы, эпизоды и т.п.); 6) мог вести диалог с персонажами (актерами), создавая особую систему взаимоотношений персонажей и т.д.

Хор в драме отражал коллективное мнение и не являлся голосом автора. Точка зрения самого автора выявляется только после завершения действия, после развязки в сюжетной коллизии и видна в организации отношений между героями, то есть в составе этих героев, их окружении и взаимоотношениях, а также во включении в действие богов.

Постепенно с развитием драматического искусства в пьесах происходит уменьшение роли хора и хоровых партий, увеличение диалогов между действующими лицами и роли актеров. То есть тем самым происходит постепенное снижение коллективности и увеличение индивидуалистических тенденций.

² Подробнее см. в статье О. В. Кулишовой (С. 47).

В романе М. Шишкина театр и драматическое действие постоянно повторяются. Черты театральности не только создают связь с разными частями текста, но также и соединяют в себе другие виды деятельности и сферы общественных отношений. Например, сцены суда часто показаны автором как театральное действие со зрителями и актерами, лекция представляет собой некоторое сценическое действие с главным героем и слушающими зрителями.

Взятый нами фрагмент начинается с фразы «Сороковины» [4. с. 41]. Назывное предложение имеет характер заголовка, который выделен графически, а также продолжает список дел Александра Васильевича, написанный ранее («Завтра: К зубному. Сфотографироваться. Заказать у Толбеева книги по каталогу. Смотреть закладные по делу Е. Вечером – театр Зимина (?)» [4. с. 32]) и связанный с сороковинами в сюжетном плане. Сомнения Александра Васильевича, выраженные в вопросительном знаке, в итоге приведут к встрече в театре с К.К., которой и пригласит его на поминки жены.

На этом ритуальном действии находится Александр Васильевич, далее обозначаемый нами в качестве и корифея. Фрагмент начинается с введения точки зрения этого героя на происходящее и присутствующих людей – «Думал, один только и приду, а там чуть ли не все наши судейские. И уж сословие все как на подбор. Старика К.К. грех не любить, вот все и любят» [4. с. 41].

Введение дискурса хора, пока не названного так повествователем, начинается с отображения обывательского мнения, но именного сословного («судейские»), которое предстает как повседневное общение, бытовой дискурс, частное мнение людей, даже сплетня: «И друг другу, чокаясь, на ушко: – А покойница-то, прости Господи, вредная была баба! Как это он с ней тридцать лет?» [4. с. 41].

Далее, когда голоса получают наименование «хор», коммуникативная ситуация изменяется с бытовой на ритуальную, этикетную, связанную с ситуацией похорон и этикетной реакцией людей на смерть и поминки: «И хором: – *Вечная ей память* (курсив здесь и далее мой – М. А.)! А вы, *дорогой наш К. К., крепитесь, держитесь, она ведь не умерла вовсе, смерти-то*, сами знаете, *нет*. Где-нибудь *ваша половинка здесь, рядышком*, смотрит сейчас на вас, головой качает, радуется, что *помним ее, поминаем, пьем* за ее сварливую душу и ее же грибочками *закусываем*. Вот ведь как, *дорогой наш К. К.*, вашего родного человека уже на земле нет, а грибки вот они, ее, знаменитые, пряные, крепкие, похрустывают! Да и потом, по правде сказать, может, вы и еще женитесь, под старость, знаете, хорошо пригреться у здорового тела!» [4. с. 41]. Выделенные слова показывают устойчивые формулы этикетного жанра (некролога, эпитафии, соболезнования, поминальной речи) – пожелания, положительная характеристика умершего – и определяют позицию хора как коллектива («мы»). Так как это сороковины, то ритуальная ситуация требует от людей особой роли поведения, которая отличается от их обычного поведения. Поэтому снова создается действие, которое является не обычным разговором, а наполняется некой театральной чертой, где каждый участник играет свою определенную роль и которая в данном моменте показывает связь не только с античной драмой, но и с хоровой лирикой своей торжественностью и поднимаемыми смыслами в соответствующей ситуации (создает ассоциации с одной из форм древнегреческих гимнов – энкомием).

Потом появляется новый герой – следователь Истомин – который начинает вести диалог с хором судейских. Его появление на сцене развертывания события вызвал хор, тем самым организуя действие: «– Да-да, удивительный народец! Просто удивительный. Потому к ним там Бог знает что и творится: и лагеря, и топки, и погромы, и костры из книг, что все вперемешку – и вершки и корешки. Нет, *тевтонец* (курсив здесь и далее мой – М. А.), оставь верх верхам, а низ низам! *А вот и господин Истомин!* Вам, молодой человек, штрафную!» [4. с. 42]. В этой реплике явление героя на сцену показывает начало

действия, также предвосхищает рассуждения хора, в которых упоминается и некий «тевонец», рыцарь, который, по мнению хора, становится далее ролью самого Истомина. Хор делает на этом акцент и как бы показывает положение героя и его роль в системе персонажей.

Хор и Истомин обсуждают различные юридические дела, так проявляется профессиональный коллективный опыт этих судебных (юристов, следователей, адвокатов), который дан как бы от лица Истомина, но по лексической наполненности фраз можно говорить о разных повествователях и оценках. Хор выступает в этом моменте как зритель, который оценивает действия свидетелей и преступников, и продолжает выполнять функцию двигателя сюжета. В диалоге хора и героя появляется другой прием изображения речи в художественном тексте – нарративное повествование. Рассказываются события, действия и ситуации, которые по своей структуре не являются отображением точки зрения ни какого-то определенного героя, ни автора, а некоего нарратора, который как бы сливается с образом хора.

Затем наблюдается выделение из хора корифея, Александра Васильевича, – «Хор: – А что вы думаете, человек может, к примеру, прочесть руками письмо в закрытом конверте? Истомин: – *И вы были у Зими́на* (курсив здесь и далее мой – М. А.)? Хор: – *Ходил с дочкой*» [4. с. 47-48]). Он продолжает вести диалог с Исти́миным как бы от лица всего хора в качестве авторитета, что в сюжетном плане неоднократно подчеркивается (чтение лекций, положение героя как повествователя, предложение от «протухшего словаря русских судебных ораторов» [4. с. 21] написать статью о себе и т.д.). Здесь видна связь разных фрагментов текста – театр Зими́на, в который ходил ранее по сюжету Александр Васильевич с дочкой, помогает определить говорящего. Корифей изначально видит хор и изнутри, и снаружи, он – часть хора и его предводитель, сливается с хором в ритуальном дискурсе и выделяется из него в дальнейшем разговоре фрагмента («...Вы поняли, друг мой, что я хотел сказать вам?» [4. с. 51]).

Мы ограничиваем область нашего исследования здесь [4. с. 51], так как дальше в тексте речь Александра Васильевича сливается со множеством других систем оценок, которые прямо не обозначены как «хор». Что характеризует позицию автора-создателя произведения – для него нет однозначных и окончательных оценок, выстраиваются многообразные системы точек зрения нарраторов на себя, окружающих людей и мир.

Итак, мы можем сказать, что функции хора и отображаемые точки зрения внутри повествовательного плана романа постепенно изменяются, а также сменяется качество ролей и оценок. Происходит переход от внешней, массовой и коллективной точки зрения к позиции героя, который организует движение сюжета, а затем к проявлению в повествовании нарратора, точка зрения которого потом постепенно возвращается к точке зрения героя (корифея). Хор становится выразителем неоднозначности, неиерархичности оценок и их интерференции в рамках архитектоники произведения.

Хор в данном фрагменте моделирует само развитие сюжета, создает театральное и драматическое действие с помощью использования функций, присущих античному хору. Сплетение в то же время распадение точек зрения на смысловые части отражает специфику изображения хора и каждого отдельного персонажа. Хоровое начало является проявлением художественной задачи М. Шишкина как автора и повествователя, которая заключается в интересе к исследованию человека, его образа и мирообраза сначала в профессиональном сообществе («судейские»), а далее в сюжетном и ценностном плане расширяется до исследования всего человечества.

Таким образом, хор в романе М. Шишкина «Взятие Измаила» выполняет несколько важных художественных функций, которые показывают нам необычность и насыщенность структуры нарративного плана. С позиции исследования развития человека

и его мышления, его роли в обществе и отношений с другими людьми способы изображения разных точек зрения, коллективных и индивидуальных, объективных и субъективных, показывают нам различные позиции человека как части общества и его многочисленные взаимодействия с миром. А также вариативность в принятии человеком той или иной точки зрения в конкретный момент коммуникативного процесса.

Литература

1. Кулишова О. В. Хор в древнегреческом театре V в. до н.э. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 23. С. 36–51.
2. Пантюхина А. И. Система нарраторов в романе М. Шишкина «Взятие Измаила» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов I (XVI) Международной конференции молодых ученых (9-11 апреля 2015 г.). Томск, 2015. Вып. 16. С. 290. 292.
3. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. URL: <http://www.philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm#19> (дата обращения: 03.12.2021)
4. Шишкин М. П. Взятие Измаила: роман / Михаил Шишкин. – Москва, Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. 538, [6] с.
5. Шмид В. Нарратология – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
6. Ярхо В. Н. Трагический театр Софокла М., «Наука», 1990. URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/articles/yarho-tragicheskij-teatr/sofokl-8.htm> (дата обращения: 11.12.2021)

УДК 130.2

Матульская Е. И.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Дом в горизонте философской антропологии

A house in the horizon of philosophical anthropology

Определение дома в контексте философской антропологии может быть дано следующее: дом – это вещественная организация человеком своего мира, т.е. наполнение того места, в котором человек живет, смыслами, воплощенными в специфической обстановке, в вещах, в их качестве, определенном количестве и проч., которая способствует его экзистенции. Кроме того, что наполнение дома способно явить гостю национальную и культурную принадлежность, материальное положение и интересы своего или своих хозяев, оно также явно или неявно определяет и своего хозяина тоже. Все в доме и дом сам по себе имеет значение...

Настоящий доклад будет направлен на раскрытие значения и роли дома в философской антропологии посредством обращения к различным философским концепциям XX века. Но первостепенной задачей доклада будет стремление показать, что проблему отчуждения, которая так ярко проявилась в XX веке во всех сферах социальной и культурной жизни, можно преодолеть при помощи обращения человека к своему собственному дому.

Что есть дом? Почему он так важен? Как писал О. Шпенглер, дом – это история народа, история его культуры: «Как только мы отвлекаемся от дома как расового выражения, мы сразу замечаем, как трудно распознать сущность расы» [6, 126].

Дом как своего рода традиция представляет собой нечто естественное, что ассоциируется с детством, со свободой действий, т.е. «несет в себе искренние проявления

человеческой души» [4, 3]. В то же время беспредельный, бесприютный и бездомный внешний мир олицетворяет собой лишения, границы, которые накладывает цивилизация на человека. Дихотомия дома – культура-цивилизация, природное-культурное. В этом отношении можно сослаться на Э. Гуссерля, который разграничивал жизненный мир каждого отдельного человека на донаучное, дотеоретическое освоение реальности и искусственно сконструированный мир науки и культуры.

О. Шпенглер обращает внимание на то, что «с момента формирования жизни как искусства человек и общество достигают зрелости и наступает цивилизация как завершение и исход культуры» [4, 3]. Этот процесс, начавшийся в Новое время, повлек за собой стремительный рост городов и вместе с ним упадок деревни, что в XX веке привело к появлению массового общества, к утрате связи человека с природой и, как следствие, к потере индивидом своей идентичности и индивидуальности – появляется проблема отчуждения. Таким образом, цивилизация несет за собой «забвение дома и тех ценностей, которые имеют непосредственную связь с этим феноменом» [4, 4].

Некоторые западноевропейские мыслители XX века, во многом связывали проблему отчуждения с исторически сложившейся спецификой эпохи Нового времени: рационализмом, утилитаризмом, индивидуализмом и др. Казалось бы, стремление к независимости человека от природы, человека от человека, спровоцировавшее стремление крестьян переселиться в город, должно было привести только к положительным итогам. Следствиями же этого стали отчуждение человека от земли, бесприютность, невозможность создать дом из ничего: «У большинства из них [крестьян] сформировалась «идеология переселенца», характеристиками которой являются потеря прежней значимости святыни дома, земли, природы, в результате чего в отношениях «человек – природа» возникает ... дисгармония» [2, 20].

Но кроме индивидуализма и рационализма Нового времени еще одним фактором, который способствовал отчуждению, был противоположный им коллективизм как массовизация XX века. ««Человек массы» – это человек без природы и без мира, «человек вообще», индивид без субъекта, отказавшийся от своих границ, от своей уникальности во имя безопасной всеобщности. А вместе с десакрализацией природы и мира происходит и десакрализация дома этого человека, превращающая бытие последнего в бездомное и бесприютное» [4, 2].

Проблему отчуждения можно попытаться решить, если человек сделает шаг назад к своим корням, т.е. к своему дому. Так, если обратиться к концепции психоанализа, то его последователи сходятся во мнении, что дом – это «символ, который выражает человеческую индивидуальность, личность человека» [4, 4].

А если вернуться к концепции жизненного мира Э. Гуссерля, то обратим внимание на то, что понятие «дом» здесь имеет немаловажное значение: дом или «домашний мир есть конечный горизонт, находящийся в зависимости от смысловой активности предков и выступающий как базис активности для потомков» [4, 7], где смысл входящих в него предметов, т.е. символика дома, будут предельно ясны каждому из «участников». Именно в доме формируется познавательный горизонт человека, его уникальный жизненный мир, на который будут нанизываться новые знания и умения не только самого индивида, но и его потомков. Таким образом, дом, по Э. Гуссерлю, выступает как возможность для человека «укорениться» в бытии.

По мысли М. Хайдеггера, ученика Э. Гуссерля, для того, чтобы не допустить тотального отчуждения человека в силу индивидуализма, когда стремление обрести независимость и новые возможности приводят к разрыву с прошлым, с «историчностью», или коллективизма, когда все как один – на благо одного дела, необходимо обратить внимание на себя, свое сознание. Важно иметь свои «корни»: поиск дома есть поиск

собственного бытия, имеющий целью преодолеть бессмысленность окружающего мира. Следовательно, вопрос о месте человека становится вопросом и о самом человеке, его экзистенции среди окружающих его людей и вещей.

С нарастанием процессов глобализации во всех сферах жизни общества человек, как никогда, нуждается в таком месте, как собственный дом, который всегда обладал неосязаемым постоянством. Дом же, в свою очередь, нуждается в сохранении его ценностей и жизненных ориентиров.

Литература

1. Барсукова Н. И. Русская повседневная культура и особенности организации жилого пространства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-povsednevnyaya-kultura-osobennosti-organizatsii-zhilogo-prostranstva> (дата обращения: 26.11.2021).
2. Гиренок Ф. И. К умному безмолвию бытия // Человек, философия и природа. М.: Знание, 1992. С. 14–45.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 49–100.
4. Росмарович С. М. Идея дома в философии и культуре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-doma-v-filosofii-kultury-xx-veka-osnovnye-podhody> (дата обращения: 22.11.2021).
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.

УДК 10(09)

Перминова Ю.В.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Собственность как опыт власти над вещами Property as a kind of power experience over things

Как только человек появляется на свет, он попадает в мир вещей. Предметный мир, который он постепенно познает и, вместе с тем, начинает его присваивание. Изначально, ребенок этого даже не осознает, то есть любое присваивание будет происходить на уровне базового хватательного рефлекса. Чем старше он становится, тем больше развивается его мышление и осознание себя и мира вокруг. В этом ему помогают различные игрушки, которые окружают практически каждого ребенка. Р. Барт [1] называет мир детских игрушек миром законсервированных в миниатюре взрослых уродств, маленьким миром буржуазных ценностей. Так, вырастая эти дети обладают увеличенными аналогами своих игрушек: дом, машина, посуда, какие-то рабочие инструменты и т.д. Также стоит отметить момент воспитания отношения ребенка к игрушкам: родители дают понять, что ломать, терять, как-то портить их нельзя. То есть в этот момент ребенку прививается понимание ценности вещей и значимость обладания ими. Здесь и зарождается власть над вещами. В своей статье «Экзистенциальные стратегии власти над вещами: труд,

стяжательство, авантюра» С. В. Соловьева [6] предлагает понимать словосочетание «власть над вещами» как метафору. В этом смысле власть представляется не как в очевидном случае отношений между людьми, а как отношения человека и вещей.

Следующий этап взросления человека характеризуется включением социума и знакомством с ним. Например, общение с другими детьми в детском саду, школе и т. п. Человек начинает осознавать себя в этом социуме, учиться взаимодействию с ним. Приходит понимание социальной иерархии и определенного рода признаков доминантности [4]. И одним из путей самовыражения становится определение своего места в социуме через какие-либо вещи. А так как нынешняя эпоха характеризуется тотальным массовым потреблением, техницизмом и гиперценностью материальных благ, самым простым инструментом самовыражения будут именно вещи. Также стоит учитывать сформировавшееся еще в раннем детстве понимание ценности вещей как капитала и своего рода ресурса, что в значительной степени может способствовать успеху в управлении другими людьми. Власть над вещами получает свою логическую смысловую завершенность в перспективе «владения» [3]. В данном случае такого рода владение и есть власть над вещами. И эта власть отличается от власти как господства, это совершенно иная плоскость, лишенная институциональности и политического дискурса.

С одной стороны, описанные выше, два этапа формируют зависимость индивидуума от вещей, но с другой стороны человек осознает и свою власть над ними, учится использовать их как инструмент или как капитал. Следовательно, на этапе уже так называемой «взрослой жизни» человек может начать именно накапливать вещи, так как это создает иллюзию ухода от опасности бедности, материальной несостоятельности. Зачастую совершенно не осознается тот факт, что вещь имеет свойство терять свою ценность и имеющаяся власть над ней станет совсем незначительной. Например, статусные вещи: телефон, который со временем устареет, дорогие часы, оказавшиеся подделкой и многое другое. В этом моменте присутствует некоторая проблематичность власти как владения, о которой пишет С. В. Соловьева в своей статье «Богатство и собственность как опыт власти над вещами» [5]. Также она отмечает, что несмотря на очевидность и неограниченность власти человека относительно вещей, он также может и оказать сопротивление такому господству, что в данном случае, сделает вещь абсолютно пассивным предметом. Но нужно признать такого рода сопротивление – редкость в современном мире. Следуя этой логике, можно сделать вывод о том, что осуществляемая человеком власть над вещами, его персональный опыт владения ими может раскрываться не только через банальное накопление, но и через созидательную, деятельную стратегию. Какого рода бы ни был опыт власти над вещами, он всегда будет оставаться с присущими ему глубокими экзистенциальными основаниями. Также такая власть обладает и смыслом, наличие которого не зависит от положения человека в сфере социальных отношений. То есть в данном случае идея лучшего существования человека, идея лучшей жизни связана не с вещами, а с действием. Здесь актуально будет обратиться к работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [2], ведь принципы, изложенные в данной работе, применимы не только к отдельной личности, но и к целому обществу. Именно в этом случае автор дает методологическую установку на разработку теории власти человека над вещами.

На заключительном этапе жизни человек может абсолютно иначе относиться к вещам и распоряжаться ими. Происходит переоценка ценностей. Например, человек может оказаться в ситуации обладания чрезмерным количеством вещей, лишенных своей ценности реальной, но обладающих ценностью, приписываемой самим обладателем. Ярким примером могут быть какие-либо памятные вещи, связанные с воспоминаниями о других людях или событиях, о жизни в целом. Некоторые исследователи предполагают, что в таком случае «я» человека смещается в эти вещи, человек оказывается привязан к вещам. Но существует и другой сценарий развития событий, качественно отличающийся

от вышеописанного. Он выражается именно через деятельную, созидательную власть над вещами, они выступают как активный капитал и средство достижения каких-либо целей. Акт созидания, творения, управления вещами есть механизм, результатом работы которого будет успех. Самодостаточность субъекта будет также выражаться в его независимости от вещей и наличии возможности осуществления власти. Инструментальный, орудийный характер власти над вещью в созидательной стратегии власти ведет также и к накоплению капитала. Но, в данном случае важно отметить, что ценность его лежит не в его преувеличении, а в преувеличении возможностей дальнейшего развития.

Итогом вышеизложенных рассуждений может стать ряд вопросов, некоторые из них будут посвящены природе власти над вещами, способам ее выражения и элементам, влияющим на их формирование. Так, значительный интерес вызывает связь способа выражения власти над вещами и отношением к собственности в различных масштабах. Например, существует несколько типов собственности: частная, общественная, государственная. И если мы исследуем вопрос власти над вещами с предложенного в данной статье ракурса, то есть перенося данную идею на иной уровень. Речь идет, в этом случае уже о государственной власти. И подобно тому как осуществляемая власть человека над вещами может быть деятельной и привести к успеху, так и власть государственная над различными сферами, в том числе и материальной (например, природные ресурсы) может быть направлена не просто на накопление, а на увеличение активного капитала. Проведенная аналогия между властью человека и властью государственной значительно расширяет поле смыслов и ракурсов исследования власти над вещами как таковой. Соответственно, выводом может стать естественность укорененности власти в жизни как одного индивидуума, так и в жизни целого общества, что предполагает перспективу создания идеи нового политического концепта [7].

Всеобщее стремление человечества к частному благополучию зачастую вступает в конфликт интересов с политической системой государства, которое, в свою очередь, считает приоритетом сохранение имеющегося порядка, а не идею развития страны. Таким образом, можно выделить отношение к собственности как к легитимному механизму удержания господствующего положения, или как к свидетельству существующей несправедливости общественного порядка. Историк Р. Пайпс в своих работах пишет о том, что отношение к частной собственности напрямую связано с уровнем развития политических свобод в стране. И если в одних странах собственность и отношение к ней как к созданному капиталу стали базой формирования гражданских прав, то в других этого не произошло ввиду невозможности реализации акта деятельной власти и непонимания способа ее осуществления.

Литература

1. Барт Р. // Мифологии / Пер. с фр., вступ. Ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
2. Вебер М. // Избранные произведения. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990
3. Вилков Н. О. Философия богатства: "Изд. Тюменского государственного университета", 2000. 248 с.
4. Корнев В. В. // Философия повседневных вещей. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 250 с.
5. Соловьева С. В. Богатство и собственность как опыт власти над вещами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogatstvo-i-sobstvennost-kak-opyt-vlasti-nad-veschami> (дата обращения: 15.12.2021).

6. Соловьева С. В. Экзистенциальные стратегии власти над вещами: труд, стяжательство, авантюра. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-strategii-vlasti-nad-veschami-trud-styazhatelstvo-aventyura> (дата обращения: 19.12.2022).
7. Трудюлюбов М. // Люди за забором: Частное пространство, власть и собственность в России. М.: Новое издательство, 2015. 246 с.

Полякова М.А.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Любовь как власть над другим

Love as power over others

В статье «С первого взгляда» Младен Долар большое внимание уделяет парадоксу любви, который лучше всего может быть сформулирован следующим образом: пересечение случайного внешнего с самым сокровенным внутренним. В качестве одного из социальных требований философ рассматривает «предписания любви». Парадокс, конечно же, заключается в том, что любовь предписана там, где на самом деле отсутствует всякая возможность выбора ее объекта: люби свою родину и нацию, люби родителей и семью. Субъект стоит перед выбором, который заранее предопределен, и, совершая его, он сталкивается с утратой. Грубо говоря, субъект в своей включенности в социальное – это субъект выбора, но выбора принудительного, и утраты.

Любовь, во всем своем многообразии, содержит этот механизм принудительного выбора, всегда связанного с ней. Проще говоря, субъект вынужден выбрать любовь и тем самым отказаться от свободы выбора, поскольку, отдавая предпочтение свободе выбора, он лишается и того, и другого. Любовь и автономия субъекта взаимно исключают друг друга.

Младен Долар пишет, что, согласно мифу первой встречи, внешняя случайность, которая в конечном счете приведет (или, точнее, уже привела) к зарождению любви, является сама по себе *властным* и представительным присутствием, определяющим жизнь субъекта. Реальное отвечает взглядом, даже если другой человек не ответил, не был задет им или даже не знал о нем. В таком случае, субъект не смотрит, а сам становится объектом наблюдения. Если взгляд заполняет нехватку смысла в бессмысленной Судьбе, то нехватка создается самим ее заполнением, ибо только задним числом субъект сознает нехватку, и только как нехватку, которая должна быть заполнена. Прежде жизнь не «имела смысла», но теперь, неожиданно, он у нее появился. Случайность, лежащая в основе этого возникновения любви, удивительным образом выстраивается вокруг взгляда. Принято считать, что удивительная сила любви исключает любые другие соображения, она не оставляет места для размышлений, взвешивания приобретений и потерь, оценивания выгод определенного выбора – она просто требует безусловного подчинения Другому.

В современной культуре место пола достаточно радикально переосмысливается: он перестает быть внешним по отношению к власти, ее Другим. Лишь благодаря распространению сексуального устройства на все новые сферы жизни и его все более «бессознательному» функционированию, постепенно сформировалось представление о том, что кроме тел, органов, соматических и физиологических проявлений есть еще нечто, подчиненное собственным оригинальным законам – сам пол. Пол в рамках сексуальности играет роль квазипричины, вездесущего смысла. В этот момент происходит переворачивание действительного отношения, и теперь уже сексуальность, как в кривом зеркале, предстает проявлением пола. В результате сексуальность становится не одним из механизмов власти-знания, а тем, что власть стремится проработить.

По своей природе сексуальность отнюдь не чужда власти, более того, она обладает в этом отношении «максимальной инструментальностью», через нее проходит густая сеть властных отношений между мужчинами и женщинами, старшими и младшими.

Так, еще в начале первого века нашей эры древнеримский поэт Публий Овидий Назон написал цикл дидактических элегий «Наука любить». В произведении описаны не только основы учтвого поведения мужчин и женщин, но также различные приемы и уловки в отношениях. «Наука любви» состоит из трех книг, где в первых двух поэт дает советы мужчинам как правильно привлечь внимание женщины и обольстить ее, а в последней, третьей книге – советы женщинам, как завоевать мужчину. Многие строки поэмы убеждают в том, что Овидий был знатоком женской психологии. Его наблюдательность позволила ему хорошо изучить поведение женщин в той или иной ситуации, видеть их скрытые мотивы и желания. Уча любви, поэт стремится изобразить человека без прикрас, таким, какой он есть со всеми его особенностями, иногда самыми нелицеприятными. Не стесняясь в выражениях, Овидий рисует образ, который должен создать мужчина. Он вкладывает в руки читателя бесценные знания, основанные на собственном богатом опыте; знания, которые помогут страждущим от безответной любви заполучить (завоевать) свой объект. «Науку любить» Овидия в определенном смысле действительно можно сравнить с небезызвестным древнекитайским трактатом «Искусство войны». Согласно Овидию, любовь – это прежде всего труд, усилия над собой и право, которое необходимо заслужить. Оба произведения посвящены стратегии и умению обращаться с вверенной властью. Читая «Науку любить» не остается сомнения в том, что любовь – это не только про власть над собой, но, в первую очередь, про над другим. Каждому из нас под силу повлиять на восприятие нас самих окружающими, произвести на них определенное впечатление и вызвать желаемые чувства.

Сегодня понятие любви тесно связано с влечением. Взлет сексуальности связан с новым, «дисциплинарным» типом власти. В феодальном обществе право предавать смерти и оставлять в живых принадлежало суверену, власть которого осуществлялась как «инстанция взимания, механизм изъятия». Теперь же, напротив, наступает время власти, занятой прежде всего культивацией самой жизни, власти, которая даже свои войны ведет ради жизни. Ее девизом становится не «предавать смерти» и «оставлять в живых» (лозунги старой власти), но «убивать, чтобы жить», «поддерживать жизнь» и «выталкивать в смерть». Наступает эра биовласти, когда царство нормы вытесняет царство закона, превращая жизнь в политический объект и порождая консьюмеристское нормализаторское общество. Одновременно с этим процессом, в XIX в., сексуальность становится «шифром» индивидуальности, перекрестком основных стратегий новой власти.

Власть пронизывает все межличностные отношения, но сегодня появилась новая парадигма: только равное распределение власти создает по-настоящему счастливых людей и удачные союзы. Все чаще это становится «пропуском» к настоящей близости – формированию сильных эмоциональных связей и выражению чувств. Нет необходимости отказываться от силы, чтобы быть влюбленным, нам просто нужно соединиться с силой своего высшего «Я», а не с Эго. В этой трансцендентной части каждого из нас заключена истинная сила, которую невозможно сломить или повредить никоим образом. Истинная любовь – это высшая покорность, позволяющая кому-то проникнуть в наше сердце – по-настоящему близко узнать нас.

Литература

1. Долар М., Божович М., Зупанчич А. Любовная машина; Лакан и Спиноза; Комедия любви / М. Долар, М. Божович, А. Зупанчич; пер. с англ. и биограф. справки А. Смирнова; под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. – СПб.: Алетейя, 2020. 106 с.
2. Овидий. Наука любить / П. Овидий Назон; пер. с лат. В. Алексеева. Репринт. изд. – М.: МП «Вернисаж», 1992. 224 с.
3. Рыклин М. Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // URL: <http://www.gumer.info/bibliotekBuks/Culture/Article/ruklsex.php> (дата обращения: 18.12.2021).

УДК: 321.6+141

Преснякова А.В.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский Государственный Университет

Человек тоталитаризма (суждения Х. Арендт) A man of totalitarianism (judgments of H. Arendt)

Актуальность рефлексивной работы по поводу тоталитарного режима, его сущности и основных характеристик состоит в том, что это знание (если им будет обладать как можно большая часть общества) может и должно предотвратить его повторение, которое случившись в XX веке, принесло не одной стране мира и не одному народу трагедию и страдание. Цель данной работы – исследовать взгляды политического философа Ханны Арендт относительно тоталитаризма, условий его становления и метода «противодействия», который, по мнению Х. Арендт, может быть эффективно используемым в случае его наступления.

Тоталитаризм – это политический режим, при котором государство стремится установить контроль над всей жизнью общества. Зарождение тоталитаризма, как считает Х. Арендт, происходит не только в связи с появлением каких-либо внешних процессов, не с приходом, например, какого-либо диктатора, который устанавливает жесткие рамки для общества, а с появлением специфических процессов внутри самого общества. Зарождение тоталитаризма Х. Арендт связывает с формированием феномена «массы» - массового общества и человека массы. Масса – это особый ментальный тип общества, который не способен к рассуждающему мышлению. Человек массы, считает Х. Арендт, отказывается от мышления.

Охарактеризовать человека массы можно по следующим критериям: безучастность, безвольность, политическое равнодушие и существование вне восприятия Другого. Х. Арендт отождествляет неспособность к мышлению с отсутствием у человека личности. Поэтому тоталитарное общество безликое и инертное. Причиной такого безучастного положения, как считает Арендт, является отчуждение людей. Люди массы перестают чувствовать себя единой структурой, перестают себя чувствовать связанными между собой. Речь идет не только о единой политической структуре, внутри которой устанавливается эта связь между людьми, но и о связанных интересах, о связанных целях. Такое общество и не способно объединяться вокруг чего-либо, потому что оно не может релевантно рассуждать и адекватно анализировать.

Сама Арендт считает, что «термин «масса» применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине их количества либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на личном интересе, в политическую партию, либо в органы самоуправления» [2, 415 с.]. Невозможность объединения ни на какой основе не сможет обеспечить создание какой-либо оппозиции к правящей партии. Такие раздробленные люди не способны осознать важность братства, объединения, солидарности.

Встает вопрос, насколько масса выгодна для тоталитарных движений? Безусловно, именно на таком массовом положении человека в обществе и может процветать тоталитаризм. Безучастное общество не может и не хочет анализировать новые процессы, происходящие во власти государства, какими бы ужасными они ни были. Человеку массы не свойственно понимать разность мнений, для него существует только одно мнение, которое не может поддаться критике, оно всегда будет приниматься за истину. Поэтому любая идея, исходящая от власти, не воспринимается с сомнением, поскольку других идей для него просто не существует. Наконец, разъединенность людей не может повлечь за собой создание оппозиционного движения.

Тоталитарный режим базируется на безмыслии. Такое состояние удобно, поскольку в нем нет инакомыслия или плюрализма мнений. Напротив, такая форма властных отношений основывается на репрессиях по отношению к людям, допустившим возможность мышления и, следовательно, пришедших к иной точке зрения. Тоталитаризм поощряет ненависть и зло, слепую веру в тезисы и кредо, исходящие от власти.

Человеку массы свойствен самообман. Предполагая, что государство устанавливает благие правила и порядки, люди массы начинают верить в **банальность зла**. Отсутствие способности к мышлению закрывает людям глаза на то зло, которое диктует государство. При этом то самое зло – это не просто некие моральные установки или пожелания для людей, зло заключено в законах, им нельзя не подчиняться, необходимо лишь верить и следовать им беспрекословно.

Рассуждая о зле как моральной категории, Х. Арендт вводит категории, связанные друг с другом и одна другую обуславливающие – «радикальное зло» и «банальное зло». Как политический философ она считает, что обе категории рождаются тоталитаризмом, и обнаруживать себя могут в любых проявлениях жизни. Радикальное зло является, действительно, радикальным потому, что является характеристикой государства в его тоталитарном оформлении. Оно радикально и потому, что оказывается условием для появления другого вида зла – «банального». Этот политический режим отнимает у людей личностное существование, лишая их способности к свободному мышлению. В условиях существования радикального зла человек рассматривается в качестве принципиально не нужной вещи, «винтиком» государственной угнетающей мышление машины. В таком состоянии у этого человека – безмыслящего и, следовательно, деперсонализированного, отсутствует собственная позиция, нет эмпатии, он не способен посмотреть на ситуацию глазами другого, признать свою вину, почувствовать неправоту своих поступков. Он становится способным ко злу – к банальному злу.

У банального зла, по мнению философа, нет определенной цели, оно обуславливается радикальным злом и воспринимается как побочное явление тоталитаризма.

В работе «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» Х. Арендт рассматривает судебный процесс по делу нацистского преступника Адольфа Эйхмана, который ответствен за массовое уничтожение еврейского народа на территории Европы. Х. Арендт приходит к выводу, что Эйхман не был главным идеологом Холокоста, он всего лишь безропотно и слепо выполнял приказы режима. Свои преступления Эйхман оправдывал

тем, что всего лишь добросовестно выполнял свою работу, пусть даже она и была связана с массовым убийством ни в чем не виновных людей. Эйхман – пример человека массы, который не способен к рассуждающему мышлению. Оказавшись в условиях радикального зла, он из-за неспособности к рассуждению, стал способным к банальному злу. При этом Арендт не снимает ответственность ни с тех, кто создает радикальное зло, ни с тех, кто, подчиняясь первому, создает банальное зло. Слепое следование радикальному злу, бездействие – такая же вина, за которую надо нести ответственность.

Радикальным злом можно считать Нацистскую Германию. Идеология Третьего рейха создала систему, при которой человек слепо подчинялся всем законам, становясь человеком массы и совершая банально зло.

Подводя итоги, можно сделать вывод: тоталитаризм не формируется с приходом к власти фигуры диктатора, он зарождается в массовом – безличностном – обществе. Разрозненное общество, следуя радикальному злу, создает банальное зло. По мнению Х. Арендт, объединение людей, осознание важности братства и единства может способствовать созданию оппозиции.

Литература

1. Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
2. Арендт Х. Источники тоталитаризма, М: ЦентКом, 1996.
3. Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Институт Гайдара 2013.

УДК 316.62:17.02

Романова Е.Д.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Место человека в обществе: контекст безумия (позиция экзистенциализма)

The Place of Man in society through the prism of the phenomenon of insanity

(the point of view of existentialism)

В философии XX в. сложились образы человека, которые полагали, что человеческое измерение должно быть понято «из него самого», то есть – жизненного мира человека. Несмотря на внешнюю пестроту, а иногда и внутреннюю противоречивость философских антропологических построений XX в., объединяющим их началом является особый интерес к вопросу об определении человека, к поиску его сущностных параметров. Какие бы измерения человеческого опыта ни затрагивались – экзистенция, жизнь, спасение, душа, дух и т. д. – все они вопрошают о главном – что есть человек. Этот вопрос всегда открыт, с точки зрения философской антропологии XX-XXI вв., ибо человек в своем существовании всегда возможность, проект, он есть лишь в той мере, в какой делает себя тем, что он есть.

В данной работе будет исследовано одно из направлений философской мысли – появившееся и набравшее популярность в XX в. Речь идет об экзистенциализме, который ставит перед собой важные вопросы существования. Одним из ключевых лиц, работающих над проблемой природы безумия в философии экзистенциализма, можно назвать французского философа Мишеля Фуко.

Таким образом, можно выделить объект моей исследовательской работы: философия экзистенциализма, а предметом будет являться осмысление феномена безумия и выявление связи места безумия и человека в обществе.

Когда мы говорим о связи человека, его места в мире с безумием, возникает логичный вопрос: можем ли мы считать безумца полноценным человеком? Как мы должны относиться к нему? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, что же такое безумие. В данной работе я не буду поднимать медицинские психиатрические термины, которые говорят о связи развития патологии с действительным отклонением в работе нервной системы человека. Вопрос, скорее, о культурной форме безумия.

Так или иначе, безумцами всегда называли тех, чье поведение отличается от нормы. Отталкиваясь от данного определения, исследователь задается закономерным вопросом о сущности самой нормы. Мишель Фуко в своей работе «Психическая болезнь и личность» утверждает, что безумие не является чем-то противоестественным и выделяет одну очень важную для этой работы концепцию появления самого феномена безумия. Ссылаясь на Дюркгейма и американских социологов, он говорит, что безумие – это культурный феномен [3].

В каждом обществе складывается определенный тип человека, как говорят философы, усредненного типа. То есть, человек усредненный – это некое абстрактное существо, чьи качества и характеристики являются набором самых частых в данном обществе. Безумцем, по словам Дюркгейма, принято считать того, чьи характеристики отличаются от средних. Как правило, они либо более регрессивны или же эволюционны. Однако, факт того, что некто не такой, как все, заставляет нормальных (средних) считать непохожего на них больным [3, С. 164-165]. То есть, все те «критерии нормальности» не являются всеобщими, а случаи безумия – это всего лишь исключения из правил, принятых в каком-либо обществе. В другой своей работе («История безумия в классическую эпоху») Фуко приводит примеры таких исключений, например, «Корабль дураков» [2].

Чем же можно подтвердить гипотезу о том, что безумие – это не фундаментальный феномен, а такой же изменчивый как сама культура? Предлагаю рассмотреть общества, нормальное поведение которых, расценивается нами как не совсем адекватное. То есть, если бы это общество было отдельным человеком, то мы бы давно расценили бы его как безумца. Также, приведу аналогии с современными отклонениями. Сами примеры я взяла из работы известного американского социолога Рут Бенедикт «Психологические типы в культурах Юго-Запада США».

Так, в работе описывается племя Квакиутль, где нормой считался каннибализм. Если рассматривать этот феномен так, как если бы это было присуще отдельному человеку, то можно говорить о параноидальном расстройстве [1]. Другим, более современным примером, может послужить племя Пираха с их недоразвитостью языка. То есть, в их речи отсутствует большая часть категорий, знакомых каждому из нас. Опять же, проводя аналогию с конкретным человеком, можно заключить, что это – признак умственной отсталости, ведь у человека с таким диагнозом также имеется отклонение в речевом аспекте.

Разумеется, в данных примерах можно возразить, сказав, что культура в названных племенах еще не до конца эволюционировала, поэтому нельзя говорить о каких-либо отклонениях от нормы. Однако, откуда нам знать, что наше общество эволюционировало до такой степени, что мы можем задавать критерий нормы? Вполне возможно, наши действия будут оцениваться как ненормальные спустя какое-то время, подтверждение – наш исторический опыт. Оглядываясь назад, на нашу историю, мы видим: то, что считалось нормальным или, наоборот, ненормальным, сейчас вызывает у нас совершенно противоположные взгляды. Например, излишняя агрессия сейчас не является нормой, но в

прошлом могла сойти за таковую. Концепция, которую нам предлагают Дюркгейм и американские социологи, по словам Фуко, наделяет болезнь как негативным, так и вполне возможным для человека аспектом. Негативность заключается в том, что болезнь – лишь отклонение от сложившегося в обществе критерия, и что: «болезнь по природе маргинальна и имеет отношение к культуре лишь постольку, поскольку является поведением, которое в нее не включается». Аспект возможности в данной концепции позволяет нам понять, эти отклонения от нормы являются содержанием поля культурной реальности социальной группы [3, С. 167].

По мнению Мишеля Фуко, в исторической картине мира безумие – это некий преемник лепры. Во время вспышки последних больных изолировали от общества в специально созданных лепрозориях. К заболевшим относились с брезгливостью и старались избегать контакта с ними. Именно это отношение и привычка «изгонять» из мира не таких, как они, сохранились в людях и на момент появления душевнобольных [2, С. 23-24]. В античности считалось, что больной – это тот, чьими действиями и помыслами управляет нечто извне. По словам Фуко, это же отношение переняло появившееся христианство, которое считало, что в болезни виноват вселившийся в несчастного демон, которого следует изгонять божьим Словом. Феномен одержимого не исчезал из христианского мира на протяжении многих веков, он (одержимый) есть прямое доказательство могущества Бога, который по своей воле может избавить человека от этого «недуга» или, наоборот, наказать (позволить демону вселиться в человека) за какие-то грехи [3, С. 170-171].

С XVIII веком приходит смена представлений о феномене безумия. Теперь безумие не является последствием воздействия какой-то потусторонней силы. Оно не есть прибавление чего-то другого, а наоборот, лишение привычных каждому нормальному человеку качеств. Однако, этот гуманизм привел к исключению душевнобольных из общества. Концепцию одержимости сменила концепция отчужденности. В XIX веке все это перерастает в отказ безумцам в самых обыденных человеческих правах. Все то, что ранее законом закреплялось за человеком, он утрачивает с приобретением недуга. Отчуждение характеризуется в наделении больного человечностью, но и изгнанием его из этого мира: «больной обнаруживал кражу желаний и мыслей, осуществляемое влияние, чувство отстраненности, в своем бесчувственном и абсурдном мире отдаляющие от него человеческие смыслы» [3, С. 179].

Концепция отчуждения очень важна для современного мира, поскольку она открывает глаза читателю на то, как обстоят дела с безумием на данный момент. Действительно, общество ограждает себя от безумца даже тогда, когда считает, что это благо для него самого. И если мы примем за основу концепцию о том, что безумие – это продукт нашей культуры, возникает мысль о несправедливости по отношению к безумцам, ведь они не виноваты в том, что живут именно в этом обществе, именно в это время. Я не стану расписывать, каким унижениям и издевательствам подвергало общество душевнобольных за всю нашу историю, с этой задачей прекрасно справился сам Мишель Фуко. Мне лишь остается заключить, что безумие, какова бы ни была его природа, всегда приводит к понижению социального статуса человека.

Литература

1. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Вестник культурологии. 2005. №1. С. 93-107.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер.: И. К. Стаф; [вступ. ст. З. Сокулера, с. 5-20]. СПб.: Унив. кн.: Рудомино, 1997. 573 с.

3. Фуко М. Психическая болезнь и личность / М. Фуко; пер. с фр., предисл. и коммент. О. А. Власовой. 2-е изд., стереотип. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. 317 с.
4. Яскевич, Я. С. Основы философии: учебник / Я. С. Яскевич, В. С. Вязовкин, Х.С. Гафаров. – 2-е изд., испр. Минск: Вышэйшая школа, 2016. 301 с.
4. Сидоров-Моисеев И.И. Понимание психической болезни Мишелем Фуко: от критики психиатрии к постструктурализму // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 2 (6). С. 42-47.
5. Билибенко А. В. Эпистемология болезни Мишеля Фуко: безумие как истина человека // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №4. С. 30-37.

УДК 37.032

Цареня А. С.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**Проблема становления человека в современном мире
(взгляд с точки зрения экзистенциализма)
The problem of human formation in the modern world
(a view from the point of view of existentialism)**

Философия экзистенциализма (к которой я буду обращаться в данной статье) включает в центр внимания человека в «чистом виде», в том смысле, что рассматривает его, с одной стороны, в целокупности всех окружающих его факторов, которые влияют на становление человека извне, а с другой стороны, берет за основу его реальное и конкретное существование, как нечто данное и определяющее его в дальнейшем, то есть то, что действует на него изнутри.

Кто такой человек? Человек – это потенциал, это то, что каждый отдельный индивид может реализовать на протяжении своей жизни, при чем реализовать уникальным образом, поскольку формирование и становление личности происходит в процессе столкновения человека с разными ситуациями извне, в которых он совершает выбор. Ключевой момент в акте выбора – осознанность, которая в полной мере связана с проблемой становления человека, поскольку от того, насколько осознанно человек подходит к своей жизни, к процессу самовоспитания и самоорганизации, зависит процесс формирования его как уникальной личности. «Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь» [5, с. 314]

В современном мире, будучи поглощенный социальной реальностью: бесконечным потоком информации, новостей, киноиндустрией, социальными сетями, человек оказывается в том положении, когда перестает рефлексировать и впадает в забвение, потому что прокрастинация, которая поглощает большинство людей легкостью, леностью и отсутствием необходимости вникать в проблемы личного бытования, скрывает реальное бытие человека от него самого. Уход от реальности, например, в виртуальный мир, переключает внимание человека с его самого на что-то иное: жизнь звезд, персонажей,

события в мире, – тем самым, делая значимым все, кроме самой жизни человека. Здесь я не хочу сказать, что развлечения не нужны вовсе, безусловно, они необходимы как эмоциональная и физическая разгрузка, речь идет о полном поглощении человека, когда развлечение перерастает в обыденность и прокрастинацию, поскольку получается так, что значимость личностного формирования отодвигается на второй план.

Подобная ситуация, поглощение человека повседневностью, происходит в рамках диктатуры публичности. Так, например, Камю описывает существование человека в социуме, следующим образом: «Мы продолжаем совершать требуемые от нас действия по самым разным причинам, прежде всего в силу привычки» [1, с. 225]. Конформизм, который проник в каждую область человеческой жизни, диктует принцип «быть как все», обезличивая, как бы подметил Хайдеггер, каждого отдельного человека. Данный способ существования не имеет ценности, цели и свободы. Поэтому, на мой взгляд, актуальность экзистенциализма для современного человека заключается в том, чтобы дать возможность человеку осознать собственное бытие, в результате чего, он перейдет от анонимного существования к подлинному. «Выбор человеком неаутентичного существования формирует его социальный статус в качестве человека массы, отказавшегося от своей глубинной сущности в пользу адаптации к внешним условиям существования, выраженным в деперсонализации, искусственной унификации и безынициативности.» [2, с. 40].

Наблюдая за современным обществом, можно заметить повсеместное неосознанное существование, которое выражается в следовании общепринятым моделям поведения, что не может не пугать. Обезличенный человек, существует по определенным сценарию жизни и модели поведения, принятым в обществе, что в полной мере отстраняет его от него самого: он не имеет возможности выразить себя, поскольку любая ошибка в системе подавляется и уничтожается, таким образом, человек неосознанно перенимает правила игры и начинает следовать им, приписывая их своим принципам. «Живущая в царстве заботы личность отчуждается от самой себя, теряет свою индивидуальность, забывает пользоваться своей свободой, сливается со «всеми», с массой» [4, с. 462].

Привычка следовать общепринятым правилам и моделям поведения, и, как следствие, тенденция, выражающаяся в отсутствие самовыражения и стремления к индивидуализации личности, на мой взгляд, напрямую связана с тем, как в современном мире выстроены системы образования и воспитания. С самого раннего возраста устоявшаяся система диктует ребенку как нужно себя вести, писать, мыслить, поэтому с самого детства ребенок стремится к выражению себя по привитым ему схемам. Развитие уникальности личности и мышления в образовательных учреждениях – очень острая тема, однако, в большинстве случаев, концентрация образовательного процесса направлена лишь на усвоение материала и подготовку к сдаче экзаменов, нежели на духовное воспитание учащихся. Данная тенденция была обозначена и раскритикована Ф. Ницше в его работе «О будущности наших образовательных учреждений», а, впоследствии, названа пророческой, поскольку обнаружила себя в 19 веке, когда кризис образования еще не был столь критичен и только наращивал проблемную область.

Реформация системы образования, которая должна осуществляться не только на уровне высших учебных заведений, как предлагал Ницше, но и на уровне школ и техникумов, необходима для прививания учащимся с самого раннего возраста умения мыслить и развиваться не в соответствии с ожидаемыми требованиями и устоявшимися нормами, а так, как того требует индивидуальный проект человека. Безусловно, ребенку необходимо давать основы воспитания, поведения, общие знания, но важно не ограничивать его в попытках выразить себя через работы, искусство, рассуждения, дискуссии. Многие в школах сталкивались с тем, что на уроках, например, литературы при анализе произведения, выражая свою позицию от прочитанного или описывая свои

впечатления и мнение от героя, им указывали на несоответствие их размышлений с позицией учителя или критика, в результате чего им объяснялась и прививалась «правильная» позиция. Данный пример хорошо иллюстрирует тот факт, что современная система образования не нацелена на развитие индивидуальности личности, она требует соответствие размышлений учащихся с уже закрепленными идеями.

Человек неотделим от общества и не может существовать вне его. «Личность есть самоцель, а средством, обеспечивающим возможность существования индивидов, является состоящий из них коллектив. Защиту каждой личности, создание условий для ее развития обеспечивает общество.» [3, стр. 5.]. С рождения человек оказывается выброшенным в мир, где его окружают другие, которые на протяжении всей его жизни воздействуют на процесс формирования его личности, это можно рассматривать как позитивное, так и как негативное воздействие. С одной стороны, взаимодействия с другими сталкивают человека с его бытием, с его фундаментальным выбором себя в моменте, с другой стороны, подавляющее большинство времени, общение и взаимодействие с людьми происходит машинально, неосознанно, то есть человек не задумывается о значимости конкретных действий для него самого, другими словами растворяется в ситуации. Развитые технологии современного мира так же являются одним из факторов, которые отвлекают человека от концентрации на самом себе, прокрастинация, о которой я уже писала выше, вводит человека в иллюзорный мир, где всё его внимание направлено вовне, а не на самого себя. Поэтому, процесс становления и формирования личности в современном мире является очень трудной задачей для каждого человека, поскольку давление со стороны общества и множество отвлекающих факторов во многом определяют его, как со стороны его поведения, так и со стороны его взглядов на действительность, и самое важное, на мой взгляд, они определяют то, каким человек себя видит и каким он хочет стать.

Литература.

1. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / сб. сост. / общ. ред. А. А. Яковлева, пер. А. А. Санина. М.: Политиздат, 1990. 398 с.
2. Киреева Н. Н. Осмысление горизонта возможностей атеистического экзистенциализма в приближении к пониманию сущности человека. // Аналитикакультурологии. 2007. Том № 9. С. 39-42
3. Кожевников Н. Н. Личность в экзистенциализме и персонализме // Наука и техника в Якутии. 2009. №1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-v-ekzistentsializme-i-personalizme> (дата обращения: 01.12.2021).
4. Левицкий С.А. Трагедия свободы: избранные произведения / С. А. Левицкий; вступ. статья, сост. ком. Сапова В. В. М.: Астрель, 2008. 992 с.
5. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сб. сост. / общ. ред. А. А. Яковлева, пер. А. А. Санина. – М.: Политиздат, 1990. 398 с.

Чечихина А. Н.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Власть над вещами как антропологическая проблема Ownership of things

Актуальность исследования данной темы связана с тем, что современная культура, базирующаяся на идеях сверхпотребления, вещиизма, тяги к материальным благам, уже сегодня являет признаки неблагополучия в обществе. Выражение «власть над вещами» можно обозначить как метафоричное, но тем не менее оно указывает на то существенное, что в смысловом отношении позволяет рассмотреть проблему перспектив анализа власти. Например, перспективным будет являться «описание таких регионов экзистирования, которые делают феноменологически доступным бытие человека со стороны силы и энергии его существования (совесть, любовь, священное, богатство, справедливость и пр.» [7 С. 133]. В данной работе я буду анализировать только власть над вещами, а, значит, разберу только понятие богатства и собственности.

Данная проблематика неоднократно поднималась в истории философии. Начиная с поздней Античности, где высказывания на эту тему можно встретить у Сенеки. В письме XXXVII мыслитель пишет ««Если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою разуму! Многим будешь ты повелевать, если разум будет повелевать тобою» [4. С.88]. То есть, власть над вещами необходимо осуществлять рационально, иначе человек может впасть в страсти и стать одержимым вещами. Также хочется отметить и мысли Марка Аврелия: «Недозволительно выставлять против разумного и деятельного блага что бы то ни было чужеродное, хоть бы хвалу от многих, или должности, богатство, или вкушение наслаждений. Все эти вещи, даже если кажется, что понемногу они кстати, вдруг овладевают и несут за собой. Так избери же, говорю, просто и свободно то, что лучше, и этого держись. — Тем лучше, чем больше приносят пользы. — Если как разумному тебе полезно, храни. А если как животному, то докажи и соблюдай свое суждение без ослепления. Смотри только, основательно рассуди» [1 С.14]. Получается, что человек властен только над своими внутренними чувствами, разумом и всем чужеродным вещам, богатству необходимо предпочесть своё внутреннее духовное благо или же, как и у Сенеки, богатство может овладеть человеком. Однако, Марк Аврелий не отрицает богатство, но оценивает его как второстепенный фактор. Также в Новое время можно заметить, что Т. Гоббс напрямую владение вещами называл властью: «Право владения называется властью» [3 С.115]. Все, таким образом, подчеркивали значимость владения вещами для осуществления власти.

В современном мире эта тема также остается актуальной, хоть ракурс ее рассмотрения, как будет видно ниже, и претерпел некоторые изменения. Тема власти над вещами занимает одно из центральных мест в философии Ж. Бодрийяра, основные моменты которой также будут рассмотрены в этой работе.

Для современной эпохи сверхпотребления назрела необходимость понять – каким образом организована власть над вещами, в чем специфика власти как владения вещами? Попытаться ответить на этот вопрос возможно с помощью экзистенциальной

методологии, которая позволяет представить власть не как систему институтов, а как опыт владения вещью, представляющей человеку ценной и значимой [6].

С одной стороны, может показаться, что власть над вещами очевидное понятие, так как человек может совершать любые действия по отношению к той или иной вещи в связи с её пассивностью. Но, с другой стороны, если ближе рассматривать отношения человека с вещами, то можно найти некоторые сложности. Со временем некоторые вещи перестают играть важную роль для человека, они теряют свою былую ценность, то есть можно предположить, что власть над вещами тесно связана с рисками. Желание человека обладать той или иной вещью ставит его в позицию неопределённости и заставляет рисковать, так как вещь может в любой момент потерять свою ценность. Например, представим, что некий коллекционер владеет антикварной вазой X века, которую он приобрел на аукционе за значительную сумму, и спустя время он хочет её продать и выставляет на аукцион, но после экспертизы выясняется, что ваза является искусной подделкой и, следовательно, теряет свою былую ценность. Теперь коллекционер не сможет продать вазу по изначальной цене. То есть необходимо учитывать, что при намерении владеть какой-то вещью необходимо учитывать, что могут появиться факторы, которые будут влиять на ценность этой вещи.

Власть – это не только некоторая сила, влияние, но и владение, то есть нечто такое, что позволяет человеку видеть что-либо открытым и очерченным в его границах.

И теперь я перейду к анализу феномена богатства и собственности.

Как писал Н. О. Вилков, в определенный исторический период человечество обретает «свойство богатости», которое заключается в том, что «страсть к существованию трансформируется в страсть к приобретению богатства, то есть предметно представленной совокупности общественных возможностей существования» [5 С.150]. Если понимать богатство только как ресурс власти над людьми, то смысл данного феномена не раскрывается в полной мере, можно предположить, что это связано с тем, что первоначальный опыт богатства связан с владением и управлением предметной средой [6]. Можно сказать, что богатство связано с вещью или вещами, которые человек использует с целью увеличения своего влияния на иные вещи или людей. То есть в современном понимании, вещь сама по себе, в отрыве от ее использования, не является богатством.

Схожие мотивы можно встретить у Ж. Бодрийяра. Мыслитель пишет: «Человеческое отношение не увязает в абсолютной позитивности вещей, а опирается на них как на материальные звенья в цепи значений». Тем самым автор утверждает, что вещь сама по себе утратила смысл, первостепенным является знак, смысл данной вещи, то что общество вкладывает в ту или иную вещь [2].

Также богатство в качестве опыта власти структурирует желания, цели, а это уже постепенно переходит и в социальную сферу управления людьми или институтами. Таким образом, можно сказать, что богатство понимается не только как возможность управлять людьми, но и как владение и управление какими-либо вещами, которые посредством своей ценности увеличивают влияние на другие вещи или людей.

Переживание собственного по отношению к какой-либо вещи происходит из того, что человек способен различать «свое» и «чужое», такое отношение анализируется через опыт, институт собственности и т.д. [6]. Получается, что «мое» становится частью опыта благодаря этому самому моменту «присвоения». Власть над вещами, которые находятся в собственности, дает человеку уверенность, опыт свободного действия в мире. Также собственность в состоянии превратить человека в раба своих же собственных вещей. Однако, помимо этого собственность задает критерии ценности вещей. то есть человек, обладая той или иной вещью, очерчивает границы и качество своей власти (например,

посредством вещей человек может относить себя к различным группам – политическим, социальным и т.д.).

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, я хочу сказать, что власть над вещами заложена в суть человеческого, а богатство и собственность, в свою очередь, предоставляют возможность человеку владеть, управлять и преумножать свою власть.

Литература:

1. Аврелий М. Размышления // Ленинград: Наука, 1985г. 246 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей.
URL:<https://gtmarket.ru/library/basis/3496/3497#contents> (дата обращения 1.12.21)
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения 1.12.21)
4. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию // М: Изд-во «Художественная литература», 1986 г. 543с.
5. Вилков, Н.О. Философия богатства // Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. 246 с.
6. Соловьева С. В. Богатство и собственность как опыт власти над вещами // Вестник Самарского государственного университета. 2009. №1 (67). С. 3 – 10.
7. Соловьева С.В. Власть и человек: экзистенциальный смысл власти // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2010г. № 7 (81). С. 132–136.

УДК 141.319.8, 643.2.

Шевченко А.В.

Аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Антропологическое измерение публичного и приватного в пространстве дома Anthropological dimension of home public and private area

Дом традиционно считается пространственной константой, началом отчета, «нулевой точкой системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы сориентироваться в нём» [6. С.209]. Он играет в жизни человека огромную роль и оказывается связан с целым рядом эмоциональных, экзистенциальных и социальных состояний. Также дом образует для человека бинарную оппозицию с окружающим миром. О.В. Вербина отмечает: «...дом, выступая тем местом, где живёт человек, является и своеобразным медиатором, между внутренним и внешним миром человека, определяющим взаимодействие противоположностей: приватное / публичное, своё / чужое, близкое/ далёкое...». [1. С.220]

В культуре модерна и(или) романтической культуре дом воспринимается как тихая гавань, куда человек возвращается после борьбы, которая ждёт его в интересном, но не всегда приветливом внешнем мире. К примеру, в творчестве Дж.Р.Р. Толкина, тема путешествия и тоски по дому раскрывается в полной мере, как одна из центральных тем,

дом воспринимается именно как точка отсчета, которую мы можем, а иногда и должны покинуть, но в которую мы правомерно хотим вернуться. Иными словами, дом у Толкина это «конец и начало дороги», как метко было сказано в одной песне, написанной по мотивам его творчества.

Как повседневные практики человека, так и связанное с ними психологическое состояние можно классифицировать с точки зрения дихотомии публичное / частное. Традиционным считается тезис о совпадении границы между публичным и частным с границей отделяющей состояние *дома* от состояния *не дома*. [4. С.6]. Иными словами, внутри дома – частное пространство (эта реальность физически отгорожена от внешнего мира), а выходя за дверь, мы попадаем в публичную среду, в которой и происходит наше взаимодействие с другими людьми.

Традиционное разделение повседневных практик на публичную и частную части, как уже отмечалось, связано с состоянием *дома* и *не дома*, в которых находится человек. Эта оппозиция вполне правомерна, однако стоит поставить вопрос и о том, что и дома, если мы будем брать во внимание советский или современный дом, есть области для публичных практик и для частных. Впрочем, это было присуще и традиционным домам, с той лишь разницей, что в традиционном доме (дворец шейха, профессорская квартира) эта граница была больше пространственной, а в общежитии или коммунальной квартире – скорее временной, т.е. связанной с тем, в какое время в одних и тех же помещениях можно создать различную атмосферу, различную функциональность, ситуацию присутствия какого-либо количества людей или же, напротив – их полного отсутствия. Наиболее гротескными примерами являются использование по графику плит в коммунальных квартирах или временное разграничение посещения туалета и приема пищи в тюремных камерах.

Начать стоит с того, что соотношение значения публичного и частного в жизни индивида тесно связано с представлением о личности и об индивидуальности в данном обществе, с одной стороны, и с социально-экономическими условиями данной эпохи – с другой стороны. Так, в античном полисе человек был ценен настолько, насколько он являлся частью гражданской жизни, публичной активности. Поэтому его наиболее значимая жизнь проходила в портиках и на форумах, где гражданин заключал сделки, участвовал в политической жизни и т.д. Городской же дом выступал для него в качестве «надежного тыла» – места, обеспечивающего его отдых и первичные потребности, места, где жили его жена, дети и рабы, в отношении которых он был (используя древнеримскую юридическую терминологию) домовладыкой – *pater familia*. При этом нужно понимать, что римская *familia* представляла собой имущественный комплекс, куда помимо детей, жены и рабов, входила земля, недвижимость, скот и иное имущество.

Общество, основанное на частной собственности и его апофеоз – буржуазное общество эпохи модерна, полагают дом, жилище значимой ценностью в жизни человека. Либеральная идеология провозглашает – «мой – дом моя крепость». Законодательные акты буржуазных обществ объявляют жилище неприкосновенным, а проникновение в него сурово карается. Хозяин дома в подобных обществах может убить проникшего в его жилище злоумышленника и избежать наказаний за это. Человек (в традиционном обществе, в первую очередь, мужчина), выходя из дома понимал, что он попадает в конкурентную среду, где нужно бороться за привилегии, деньги, достижения значимых индивидуальных целей, а, возвращаясь домой, попадал в состояние рекреации. С этим, к слову, прочно связана ставшая для нас привычной картина, когда мужчина носит маску, находясь во внешнем мире, проявляя хитрость или агрессивность, а, приходя домой, становится любящим мужем и заботливым отцом, и это положение вещей отнюдь не воспринимается как раздвоение личности, которым оно, в сущности, является.

В рамках традиционных жилищ (будь то древнеримские виллы или викторианские особняки) всегда присутствуют помещения различного назначения и, в зависимости от этого назначения, могут быть отнесены либо к публичной, либо к приватной зоне. К помещениям первого типа можно отнести гостиные, холлы, помещения, предназначенные для званых обедов, творческих вечеров и т.д. К помещениям второго типа можно отнести кабинеты, спальни, туалетные помещения. Если обратимся к восточной традиции, то увидим, что там на уровне архитектурной планировки присутствует половина дома, предназначенная исключительно для женщин – гарем, вход туда строгого запрещен любому постороннему мужчине, кроме евнухов из числа прислуги.

Итак, мы можем сделать важный вывод – внутренняя структура жилища, его топология напрямую зависят от формы собственности, преобладающей в данном обществе, от его типа (аграрное оно или индустриальное). Так же видим, что помимо традиционного разграничения публичного (общественного) и частного (индивидуального, интимного), которое образуется домом обособленным от внешнего мира физическим пространством, существует ещё и внутренний, внутрисемейный уровень деления на публичное и приватное. Так, выходить в столовую (зал) к завтраку не принято в ночной сорочке и не расчесавшись, а гостей, пришедших на партию в бридж не принято приглашать в опочивальню.

Каждое место в рамках жилища, будь оно публичное или приватное связано с определенными антропологическими феноменами и ассоциативно связывает с ними человека по мере его перемещения из одних частей жилища в другое. Место, где стояла детская кроватка, дверь в которую входил страшный и веящий холодом Дед Мороз, диван на котором произошла первая интимная близость, печка, от которой исходит жар – места и объекты, которые связаны с теми или иными публичными или частными практиками, границы, в которых одно переходит в другое, связаны неразрывно и с феноменами человека – его надеждой и страхом, его осознанием себя, его детскостью и взрослением, его видением своего жизненного пути (личным проектом), его творчеством, страстями, его болью и одиночеством. Таким образом, места и элементы обстановки жилища имеют «память», которая состоит в пространственной привязке эмоций, впечатлений, и реакций человека. Они могут наслаиваться друг на друга в течение многих лет, превращая места и вещи в очень сильные артефакты, психологически играющие роль якоря, вызывающего к жизни определенные цепочки ассоциаций.

Люди чаще всего живут дома не в одиночку, а в рамках родительской или своей собственной семьи, с сожителями или компаньонами. С этими людьми им приходится делить публичную и частную сферу дома, повседневные практики и эмоциональную нагрузку, которая исходит от тех или иных областей в рамках жилища. Какими бы близкими и доверительными ни были отношения с членами семьи, от взаимодействия с ними человеку необходимо отдыхать, поэтому идеалом частной зоны человека остается личная комната, которая может быть доступна членам семьи (в отличие от посторонних), но предполагающая возможность побыть в одиночестве. Указанные антропологические феномены, в ситуации семейной жизни действуют не сами по себе, а в связи с другими членами семьи, образуя то, что условно можно назвать микроклиматом. В зависимости от того, идет ли речь о взаимодействии с родителями, детьми или супругом, будет меняться и уровень стремления к личной приватности, будет меняться тот уровень вовлечения других людей в интимную сферу субъекта, будут отличаться пространственно локализованные повседневные практики, ритуалы, манеры поведения и общения. Так, в семьях, где несколько поколений вынуждены жить под одной крышей, места общего пользования часто оказываются приватизированы (если не сказать оккупированы) представителями старшего поколения, не считающими необходимым учитывать больший темп жизни молодых людей. Там, где замужняя женщина живет под одной крышей со

своей тещей, предметом конфликта традиционно часто становится контроль над кухней и т.д.

Принимая во внимание вышесказанное, в новом свете предстает перед нами депривация, которая порождается стесненностью жилищных условий, отсутствием у человека своего личного пространства (обособленного угла, комнаты), а также депривирующее взаимодействие людей, наблюдающих друг друга в достаточно интимных ситуациях (при том, что они остаются друг другу чужими людьми, и в идеале не должны быть свидетелями таких ситуаций). Но это происходит в рамках коммунальной квартиры, в которой могут проживать несколько семей, у каждой из которых есть своя комната, но есть так же и места общего пользования (кухня, прихожая, санузел), которые превращаются в места вынужденного и дискомфортного, (как психологически, так и в бытовом плане) взаимодействия. Чего только стоят очереди в ванную комнату и необходимость нередко тащить стульчак из своей комнаты и вместе с ним стоять в очереди в уборную, о чем весьма рельефно – пишет А.Г. Митрофанов [2. С.202].

Именно коммунальные квартиры – хорошая иллюстрация того, как грань между публичным и приватным может наиболее очевидно находиться внутри самого жилища и в то же время насколько размытой и изменяющейся может быть эта грань. Коммуналка, по мнению Л.В. Чесноковой, «формирует особый тип личности, характеризующийся неумением соблюдать как свои, так и чужие личные границы» [5. С.49]. Не будучи в состоянии избежать постоянного вынужденного взаимодействия с другими жителями квартиры, человек вынужден был вырабатывать модель поведения, отталкивающуюся от факта депривации и адаптирующую человека к отсутствию приватности или, как минимум, к проницаемости границы приватного. Нетрудно догадаться, что такая модель поведения могла быть принята человеком лишь в качестве деформации нормального состояния (поскольку предполагала игнорирование потребности человека в уединении и личном пространстве), что порождало, в свою очередь, психологические и нравственные деформации. Так, в частности люди перестают испытывать стыд и смущение, видя чужих людей в непотребном виде или сами предстая в оном, а также становясь свидетелями сцен семейной жизни (то есть того, что в идеале должно быть приватным) [3]. Вырабатывалась, своего рода, этическая и эстетическая резистентность.

В этом смысле советская коммуналка существенно отличается от студенческого общежития или солдатской казармы. Отличается, так как люди могут жить в ней десятилетиями и волей-не-волей вынуждены считать это место своим домом, то есть постоянной точкой отсчета, своим микромиром, а не чем-то временным идущим в довесок к определенной недолгой и заведомо конечной социальной роли. Отличается она и от современных коалингов. Большое достоинство коалинга – в наличии социального пространства, позволяющего взаимодействовать, что служит целям преодоления атомизированности и отчужденности, царящей в больших многоквартирных домах. Но, в отличие от коммуналки, коалинг не «обобществляет» интимные практики, не перекраивает естественным образом разделение публичного и приватного.

Подводя итог приведенным выше рассуждениям, можем с уверенностью сказать, что пространственное деление в рамках жилища, обстановка, форма собственности и их взаимосвязь с тем, какие социальные конфигурации помещаются в эти материальные рамки (нуклеарная семья, расширенная семья, сожители, соседи по коммунальной квартире или общежитию и т.д.), напрямую влияет на душевное состояние человека и его осмысление самого себя. Архитектура и планировка жилья определяется экономикой и идеологией. Люди же, начинают заселять жилища, осмысливают пространство как свою точку отсчета, выстраивают взаимодействие с другими людьми, исходя из того, какие схемы и пути для этого предполагает или же допускает зонирование пространства, в том числе в плане реализации потребности в уединении, а также в плане того, как это

зонирование влияет на антропологические факторы. В настоящее время большинство людей все же вынуждены обитать в стесненных жилищных условиях, однако мир человека становится все объемнее за счет огромного (по меркам прошлого) числа социальных связей и контактов, а также за счет того, что человек раздвигает границы своей повседневной жизни, уходя в виртуальное пространство, в которое сегодня переносится и заново актуализируется проблематика разграничения публичного и приватного.

Литература

1. Вербина О.В. Пространственные границы дома: приватное и публичное // Наука. Искусство. Культура. 2015. №2(6). С. 220 – 224.
2. Митрофанов А.Г. Повседневная жизнь советской коммуналки / Алексей Митрофанов. – М.: Молодая гвардия, 2019. 427 с.
3. Утехин И.В. Очерки коммунального быта М.: ОГИ, 2004. Цит. по: Чеснокова Л.В., Указ. соч.
4. Харисова А.В. Дом как граница «приватного» и «публичного» в философско-антропологическом анализе. Автореф дисс. канд. филос. наук. Санкт Петербургский ун-т, Санкт Петербург, 2009.
5. Чеснокова Л.В. Опыты депривации в российской культуре // Вестник омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. №1(22). С. 46 – 50.
6. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира / сост. А.Я. Алхамасов. М.: Ин-т фонда «общественное мнение», 2003.

Шипицын А. И.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Философско-антропологическая программа М. Фуко: теория субъективации
Philosophical and anthropological program of M. Foucault: the theory of subjectivation

Луи Альтюссер в одной из своих работ приводит интересную ситуацию: представьте, что вы идете по улице и мимо вас проходит полицейский [1, с.171-172]. Спустя некоторое время из-за вашей спины доносится голос: «Эй вы, там!». Машинально оборачиваясь, как и несколько человек вокруг, вы тем самым вступаете с полицейским в отношения власти, становитесь их субъектом. Но почему так произошло? Если следовать Альтюссеру, то идеология работает таким образом, что формирует субъект подчинения, а в нашем примере, вы, обернувшись, признаете, что оклик полицейского обращен именно к вам, а не к кому-то другому. И хоть скрывать вам, возможно, нечего, вы скорее всего обернетесь и, тем самым, обретете свою субъектность. Данная ситуация показывает, что субъект власти производится через властный запрос «сверху» (в примере запрос носит сугубо лингвистический оттенок). Но у самого Альтюссера механизм подчинения в идеологии так и остается непроясненным: почему мы оборачиваемся и за счет чего происходит формация субъекта власти? Необходимо сразу отметить, что это вопросы не только политического характера, но и антропологического, поскольку человек никогда не дан окончательно в собственной сущности, поскольку, будучи в событии с другими, реализует себя только как субъект коммуникации.

В данной статье мы рассмотрим теорию субъективации Мишеля Фуко, попытавшегося в своих работах показать действие властных дискурсивных практик, их онтологическое и эпистемологическое измерение.

Основной тезис, вокруг которого строятся рассуждения М. Фуко, заключается в следующем: субъект есть результат тех дискурсивных властных практик, в центр которых он оказывается помещенным. Если предшествующей власти суверена необходимо было наказывать тело для восстановления своей легитимности, то дисциплинарная власть периода Нового времени смещает акцент с наказания индивида на его формацию властными механизмами. Будучи «*tabula rasa*», индивид интернализирует внешние ему регуляционные модели, функции, нормы и идентичность, санкционированные институтом власти, который, тем самым, и дает начало субъекту: «Дисциплина «фабрикует» личности, она — специфическая техника власти, которая рассматривает индивидов и как объекты власти, и как орудия ее отправления» [2, с.208]. Несмотря на то, что отличительной чертой дисциплин является отказ от кровавых репрессий тела, тем не менее оно остается центральным понятием в теории субъективации М. Фуко. Муштра тел дисциплинарной властью происходит через постулирование ею новых объектов своего приложения, таких как: «душа», «личность», «внутренний мир», «нормальность» и т.д. Все они представляют из себя регуляционные нормы и модели послушания, через которые внешние институты определенным образом означивают тела. Согласно М. Фуко, в этом процессе проявляется как онтологическое, так и эпистемологическое измерение власти, поскольку, властная инстанция как производит реальность, в том смысле, что конструирует объекты своего приложения, так и вырабатывает знание об этих объектах, постулируя тем самым определенный режим истины.

В данном случае фигуры преступника и безумца для М. Фуко показательны. Пенитенциарная система в период Нового времени изменяет само представление о преступлении: оно все меньше связывается с правовой категорией и все больше становится показателем нормальности/ненормальности индивида. Мы не столько спрашиваем, подобно средневековому дознанию, о том, что совершил человек и какую норму закона необходимо применить, сколько ищем, что лежит за преступлением как конкретным, наглядным действием. «Как личность преступника повлияла на совершение данного действия?», «Был ли он психически здоров?» — вот главные вопросы дисциплинарной власти. Иными словами, формируется не только новый объект приложения власти, но и новое представление об истине преступления, которая теперь устанавливается не единолично инстанцией суда, но и, например, психиатрией. Пример с безумцем не менее показателен. Безумец — это тот, кто неправильно функционирует в рамках сложившихся социальных институтов, кто не может действовать предсказуемо, а значит к нему должны быть применены различные процедуры силового воздействия: «психиатрическая дисциплина в своей общей форме имела первостепенной задачей вывод из обращения ряда индивидов, непригодных к использованию в рамках производственного аппарата» [3, с. 136]. Таким образом, через дисциплинарные практики преступник и безумец обретают собственную природу, переходят из состояния индивида к состоянию субъекта.

В случае с нормализующей дисциплиной мы всегда говорим о муштре тел и их полезности, об исправлении аномалии индивида через воздействие на его воображаемое (душа). Во многом именно с этим связан знаменитый Паноптикум, описанный Бентамом и взятый Фуко в качестве примера идеальной тюрьмы, смысл которой состоит в том, что индивиды становятся носителями власти в «себе» т.е. за счет постоянного наблюдения происходит проникновение дисциплины в тело на уровне представления. Никто напрямую не принуждает, но соблюдать установленную норму необходимо, поскольку во мне самом заложено некоторое представление о том, как себя вести должно и как моему телу функционировать. Осознание постоянной возможности наблюдения, видимости себя видимым, только способствует данному процессу. Совершенно очевидно, что классическое представление тела как тюрьмы души, свойственное Античности и христианству, для М. Фуко неприемлемо, скорее душа теперь является тюрьмой для тела.

Таким образом, если мы рассмотрим теорию субъективации М. Фуко сквозь призму антропологии, ставящей вопрос о сущности человека во главу угла, то получится, что универсальной сущности у человека попросту нет. В свое время, с легкой руки К. Маркса, было провозглашено, что сущностью человека является не что иное, как труд. Однако, чтобы сущность человека проявилась как таковая в форме труда, власть должна сначала постулировать трудового субъекта, иначе говоря, встроить индивида в рамки производственного аппарата. Разумеется, подобный постмодернистский подход к человеку, обозначенный у М. Фуко, имеет ряд недостатков, в частности, открытыми остаются вопросы касаясь феномена гения и возможности сопротивления власти. Раз человек внешне интернализирует властные регуляции, то как объяснить творческий гений? Можно ли сопротивляться, если власть уже включает в себя противодействие ей? Вопросы остаются открытыми. Во многом их решение представлено у последователей М. Фуко, например, у Джудит Батлер. Основной недостаток фукианской теории субъективации, по мнению Дж. Батлер, заключается в игнорировании психологических оснований подчинения, в частности, пассивной привязанности и потребности в признании, берущих свое начало в отношениях ребенок / родитель: «ситуация первичной зависимости обуславливает политическое формирование и регулирование субъектов и становится инструментарием их субъекции» [4, с.20]. Таким образом, теория субъективации М. Фуко может быть дополнена психоанализом, позволяющим выявить глубинные корни подчинения индивида властным институтам.

Литература

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159-175.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. Москва: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 416 с.
3. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
4. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. / Дж. Батлер; Пер. Завена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. — 2002 г. — 168 с. (Серия «Гендерные исследования».

Часть 2. Культурно-антропологические проблемы организации работы с молодежью

УДК 37.015.4

Азарная В.С.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Влияние экосистемы университета на формирование образа будущего старшекласников

The influence of the university ecosystem on the formation of the image of the future of high school students

Проблемы, связанные с выстраиванием человеком собственного будущего, для педагогики не новы и находятся в сфере внимания многих исследователей [1, 2, 6]. Отсюда серьезный исследовательский интерес представляет системная оценка критериев и показателей сформированности образа будущего у старшекласников. Образ будущего – это субъективное представление человека о собственной жизни, в котором отражаются ценностные координаты его многомерного мира. Он задает общую направленность личности и может быть описан, исходя из целей, планов, поведенческих стратегий, направленных на их осуществление [4]. Взятый за основу «образ будущего» позволит реализовать в исследовании системный подход к оценке процессов личностного и профессионального самоопределения.

Как показывают источники, образ будущего формируется за счет уровня мотивации достижения, особенностей ценностных предпочтений, потенциала самореализации личности, самооценки [5]. Комплексный характер феномена «образ будущего» позволит провести оценку различных критериев и показателей его составляющих.

Образ будущего неразрывно связан с профессиональным и личностным самоопределением. Процессы профессионального и личностного самоопределения старшекласников являются важными компонентами их социализации и становления как личности. Происходящие изменения в области организации обучения, использования новых организационных форм внеурочной деятельности все больше заостряют вопрос о выборе адекватного диагностического инструментария для оценки сформированности образа будущего у старшекласника.

Профессиональное самоопределение предполагает формирование субъекта, обладающего высокой мобильностью, широкой ориентацией в мире профессионального труда, без ограничений возможностей личностного развития, т. е. отражает единство жизненного (профессионального) и личностного самоопределения.

Главная цель профессионального самоопределения старшекласников – постепенно сформировать у школьника внутреннюю готовность самостоятельно и осознанно планировать, корректировать и реализовывать перспективы своего развития.

Сейчас ВУЗы являются важным элементом в системе профориентации в России. Актуальность темы профориентационной работы в ВУЗе в настоящее время приобретает новое звучание, это обусловлено динамично развивающимся рынком труда и реформированием системы образования в нашей стране.

Томский государственный университет является мощной экосистемой, точкой входа молодых людей в профессиональный мир. В Томском государственном университете существует множество программ и мероприятий для школьников. Практически каждое подразделение университета реализует несколько проектов для учащихся школ Томской области. Всего насчитывается около 90 мероприятий и программ. Каждый год этот список увеличивается. Эти мероприятия различного масштаба: от городского до международного. Затрагиваются практически все области науки.

Также необходимо отметить разнообразие программ. Это и образовательные курсы по подготовке к ЕГЭ и олимпиадам (Лицейские курсы МЭК, Томская школа программистов), олимпиады (Открытая региональная межвузовская Олимпиада школьников, Олимпиада «Россия в электронном мире» и так далее), конференции (Ежегодная конференция ФИПН, Конференция «Язык и культура» и так далее). Кроме того, включено множество досуговых мероприятий, позволяющих поближе познакомиться с университетом и факультетами: экскурсии в музеи, дни открытых дверей. Отдельно стоит отметить наличие нестандартных образовательных программ, способствующих расширению кругозора старшеклассников. Это программы по продвижению в сети Интернет, 3D-моделированию, ландшафтному дизайну.

Более подробно остановимся на опыте Физико-математической школы (ФМШ). ФМШ – это классическое физико-математическое образование для школьников различного уровня подготовки. Учащихся 8-11 классов ждут занятия по физике, по математике и информатике. В летний период для учеников Томской области проводится Летняя физико-математическая школа (ЛФМШ). ЛФМШ – это лагерь с образовательным уклоном. Занятия ведутся по трем направлениям: физико-математическое, естественно-научное и IT направления. Так же в каждом направлении ребята могут выбрать модуль лекций. Занятие ведут профессора Томского государственного университета.

Выбор деятельности ребята осуществляют не только в образовательной части смены, но и в досуговой. Благодаря общелагерным мероприятиям, ученикам дается возможность примерить ряд не свойственных им в обыденной жизни ролей. Спектр ролей зависит от тематики конкретного мероприятия. Это могут быть роли предпринимателя, режиссера, монтажера, врача, журналиста, актера, ведущего, изобретателя, политика, менеджера и так далее. Участие на смене помогает ребятам определиться с направлением обучения, будущей профессией, а также выявить сферу своих интересов. Профильные смены как внеурочная форма организации профессионального самоопределения старшеклассников стабильно сохраняют свою высокую востребованность. Учитывая происходящие изменения в организации учебного процесса и внеурочной деятельности – переход к смешанному формату обучения, дистанционной форме, проведение профильных смен не потеряло своей актуальности.

Формирование образа будущего у обучающихся в рамках профильных смен представляется актуальным, поскольку позволяет одновременно решать задачи самоопределения, диагностики и коррекция.

Цель нашей опытно-экспериментальной работы заключалась в исследовании формирования образа будущего у старшеклассников, участников профильных смен. В задачу исследования вошло изучение проблемы, как участие в профильных сменах влияет на профессиональное самоопределение старшеклассников.

Опытно-экспериментальной базой исследования является Центр развития современных компетенций детей и молодежи НИ ТГУ. В опросе приняли участие 29 участников профильных смен Центра планирования карьеры «Солнечный», среди которых 9 обучающихся 11 класса, 6 – учащихся 10 классов, 9 – обучающихся 9 класса и 5 учеников 8 класса. В исследовании использована методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азабель) [3], благодаря которой был определен статус каждого респондента.

34,4 % опрошенных учатся в физико-математическом классе, 24,1% – в химико-биологическом классе, 24,1% – в гуманитарном, по 3,4% – в информационно-физическом и социально-экономическом и 10,3% респондентов еще не выбрали профиль обучения в школе. Из них 39,7 % опрошенных планируют свою будущую профессию со сферой информационных техники и технологий. Многие связывают сферу своей будущей профессии с искусством (24,1%), а 20,6% с медициной. 13,8% опрошенных еще не выбрали сферу своей будущей профессии.

20,7% опрошенных участие в профильных сменах Центра планирования карьеры «Солнечный» помогло определиться со сферой будущей профессии, 44,8% - частично. Для 34,5% смена не повлияла на их профессиональный выбор. На вопрос «Какую роль сыграла смена в профессиональном самоопределении», участники отмечали творческую работу преподавателей, вожатых, профориентационные тесты. Также подчеркивали, что именно после смены подкрепили свою уверенность в той или иной профессии или открыли для себя новую область. Представим полученные данные в таблице 1.

Таблица 1

Интерпретация количественных показателей

Респондент	Профессиональная идентичность			
	Неопределенная	Навязанная	Мораторий	Сформированная
1	Статус не выражен	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Ярко выраженная
2	Выраженность ниже среднего уровня	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Выраженность ниже среднего уровня
3	Выраженность выше среднего уровня	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Статус не выражен
4	Статус не выражен	Статус выражен не	Ярко выраженный статус	Выраженность ниже среднего уровня
5	Статус не выражен	Статус выражен не	Ярко выраженный статус	Выраженность ниже среднего уровня
6	Статус не выражен	Статус не	Выраженность	Ярко выраженный

		выражен	ниже среднего	статус
7	Статус не выражен	Статус выражен не	Выраженность выше среднего уровня	Выраженность выше среднего уровня
8	Средняя степень выраженности	Выраженность ниже среднего уровня	Выраженность ниже среднего уровня	Статус не выражен
9	Статус не выражен	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Ярко выраженный статус
10	Статус не выражен	Статус выражен не	Выраженность ниже среднего уровня	Ярко выраженный статус
11	Статус не выражен	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Ярко выраженный статус
12	Статус не выражен	Статус выражен не	Выраженность ниже среднего уровня	Ярко выраженный статус
13	Статус не выражен	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Ярко выраженный статус
14	Статус не выражен	Статус выражен не	Выраженность ниже среднего уровня	Выраженность выше среднего уровня
15	Статус не выражен	Статус выражен не	Выраженность выше среднего уровня	Выраженность выше среднего уровня
16	Средняя степень выраженности	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Статус не выражен
17	Статус не выражен	Статус выражен не	Ярко выраженный статус	Статус не выражен
18	Средняя степень выраженности	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Средняя степень выраженности
19	Средняя степень выраженности	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Статус не выражен
20	Выраженность ниже среднего уровня	Статус выражен не	Средняя степень выраженности	Выраженность ниже среднего уровня
21	Статус не выражен	Статус не	Выраженность выше среднего	Выраженность ниже среднего

		выражен	уровня	уровня
22	Статус не выражен	Статус выражен	не Выраженность ниже среднего уровня	Ярко выраженный статус
23	Выраженность ниже среднего уровня	Статус выражен	не Выраженность ниже среднего уровня	Выраженность выше среднего уровня
24	Статус не выражен	Статус выражен	не Средняя степень выраженности	Выраженность выше среднего уровня
25	Выраженность ниже среднего уровня	Статус выражен	не Выраженность выше среднего уровня	Статус не выражен
26	Средняя степень выраженности	Статус выражен	не Выраженность ниже среднего уровня	Средняя степень выраженности
27	Статус не выражен	Статус выражен	не Выраженность ниже среднего уровня	Ярко выраженный статус
28	Статус не выражен	Статус выражен	не Выраженность ниже среднего уровня	Ярко выраженный статус
29	Статус не выражен	Средняя степень выраженности	Средняя степень выраженности	Выраженность ниже среднего уровня

Согласно данным таблицы 1, у 51% опрошенных присутствует сформированная профессиональная идентичность, что означает устойчивый выбор профессионального пути развития. 33,8% респондентов сейчас активно исследуют различные альтернативные варианты. 13,1 % имеют неопределенную профессиональную идентичность. И всего у одного опрошенного наблюдается навязанная профессиональная идентичность. Следует отметить, что неопределенная профессиональная идентичность наблюдается только у респондентов, которые учатся в 8 классе.

Заключение. Профильные смены способствуют успешному формированию профессиональной идентичности, на это указывают высокие показатели статусов профессиональной идентичности мораторий и сформированной профессиональной идентичности, зафиксированные у большинства респондентов. Следовательно, экосистема Томского государственного университета оказывает положительное влияние на формирование образа будущего старшеклассников.

Литература

1. Абакумова Н.Н. Организация среды профессионального самоопределения: предпрофильная подготовка и профильное обучение // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 194-199.
2. Абакумова Н.Н., Борисова В.А. Оценка процессов раннего профессионального

самоопределения обучающихся (на материале инженерно-технического профиля) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 141–148.

3. Грецов А.Г., Азбель А.А. Узнай себя. Психологические тесты для подростков. 4-е изд. / А. Грецов – СПб.: Питер, 2012. С. 150.

4. Разгоняева Е.В. Личностная обусловленность процесса построения образа будущего: дис. канд. психол. наук: 19.00.01 / Е.В. Разгоняева. - Барнаул, 2004. С. 175.

5. Жданова С.Ю. Особенности представлений о будущем у лиц студенческого возраста/ С.Ю. Жданова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. Вып. 1. С.10-14.

6. Fakhrutdinova A.V., Abakumova N.N., Borisova V.A., Terentyeva I.V., Leontieva T.V. Development of a Junior Skills Efficiency Monitoring Model for Sustainable Development // Procedia Environmental Science, Engineering and Management, 2020, T.7, № 3, P. 361 – 366.

УДК 37.015.4

Асютина О.Н.

Аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**Социогуманитарные технологии как ресурс повышения эффективности
самостоятельной работы студентов**

**Social and humanitarian technologies as a resource for improving the effectiveness
of students' independent work**

В условиях стремительно развивающегося общества ко всем участникам образовательного процесса высшей школы предъявляются все новые требования, что относится как к профессорско-преподавательскому составу, так и к студентам. Необходимым условием повышения уровня конкурентоспособности на рынке труда является постоянное развитие профессиональных и надпрофессиональных компетенций специалистов.

Высшие учебные заведения сегодня предоставляют для студентов широкий спектр возможностей по всестороннему развитию необходимых профессиональных навыков. К таким возможностям можно отнести студенческие организации и отряды, клубы по разным направлениям деятельности, кампусные курсы, факультативные занятия и пр. Помимо этого у студентов существует возможность регулярного участия в конференциях разного уровня, форумах и круглых столах по актуальным научным темам, где они могут представлять результаты своей теоретической и практической исследовательской деятельности.

Таким образом, студенты обладают широким перечнем ресурсов для профессионального и личного становления внутри открытого образовательного пространства вуза, но не все из них в полной мере пользуются предоставляемыми возможностями, так как это в преобладающей степени относится к самостоятельной работе, что предъявляет высокие требования к уровню самоменеджмента.

Вопросам организации самостоятельной работы обучающихся и проблемам с ней связанным, посвящены работы отечественных (В.В. Давыдов, Г.И. Ильин, Д.Б. Эльконин, И.В. Ковалевский, С.И. Архангельский, М.Е. Бронштейн и пр.) и зарубежных (Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, Ж.Ж. Руссо и пр.) авторов. Исследования раскрывают сущность, этапы формирования и развития самостоятельной работы студентов, но стоит отметить, что при большом количестве работ по данной теме, нет однозначной трактовки самого понятия, которое, в зависимости от исследования, может трактоваться либо как вид учебно-познавательной деятельности, направленный на выполнение учебных заданий без прямого участия преподавателя, либо же как средство организации самостоятельной деятельности студентов [2].

В рамках данной статьи под самостоятельной работой студентов понимается следующее – это вид учебно-познавательной деятельности студентов, направленный на развитие их самостоятельности и социальной активности. Очевидно, что продуктивная самостоятельная работа развивает личностные качества студентов, особенно целеустремленность, креативность, пластичность, что крайне важно в условиях быстро меняющейся действительности.

Традиционно к видам самостоятельной работы обучающихся относят подготовку к аудиторным и практическим занятиям и выполнение соответствующих заданий, самостоятельное изучение основной и дополнительной литературы и источников, прохождение дополнительных курсов на различных образовательных ресурсах, подготовку и участие в научно-исследовательских мероприятиях (конференциях, форумах), стажировки и практики по специальности.

Все это требует от студентов высокого уровня самоорганизации и самодисциплины и использования ресурсов, способных повысить этот уровень. К таким актуальным ресурсам можно отнести применение различных социогуманитарных технологий, способных качественно повлиять на успешность обучающихся высших учебных заведений.

Термин «социогуманитарные технологии» в исследованиях хоть и встречается часто, но при этом не имеет однозначной трактовки, но исследователи сходятся в том, что социогуманитарные технологии представляют собой симбиоз социальных и гуманитарных технологий. Важным является то, что социогуманитарные технологии воздействуют на студентов как на объекты, так и как на субъекты образовательных отношений. Как объект, студент проходит через один из этапов социализации и трансформируется в направлении, задаваемом историческим опытом человечества, а как субъект получает данные технологии в качестве инструментов для профессионального и личного развития и совершенствования.

Использование ресурса социогуманитарных технологий позволяет студенту быстро реагировать на внешние изменения и выстраивать свою индивидуальную образовательную траекторию наиболее успешным образом.

К современным социогуманитарным технологиям, которые могут применяться всеми студентами образовательных учреждений, можно отнести 1) сопровождение, 2) самодетерминацию, 3) технологию тайм-менеджмента.

Сопровождение в современном открытом образовательном пространстве вуза можно рассматривать в нескольких контекстах: как открытое общение (И.Д. Фрумин, В.И. Слободчиков); как включение обучающегося в реальные отношения с окружающим миром (Н.И. Монахова, В.В. Лебединского, К.Д. Радина); как особую сферу деятельности по приобщению личности к социальным и нравственным ценностям (А.В. Мудрик); как направление деятельности педагога в самоопределении молодежи и как создание условий для продуктивного решения развития личности (П.А. Эльканов, С.Н. Чистяков).

В целом, сопровождение предполагает некую модель психолого-педагогического обеспечения и поддержки, и может осуществляться целым рядом специалистов. Например, на факультете психологии Томского государственного университета студенты направления подготовки «Организация работы с молодежью» сопровождаются на всех этапах образовательного процесса не только куратором из числа преподавателей и научным руководителем, но и кураторами из числа студентов, обучающимися на старших курсах, которые индивидуально сопровождают своего подопечного в течении всего учебного года, что помогает адаптации и успешному личностному включению студентов младших курсов в профессионально-образовательное пространство университета и выбранную специальность.

Логичным продолжением внешнего сопровождения является самотьюторство студентов, при котором они самостоятельно корректируют свою образовательную траекторию, исходя из выявленных личных научных и исследовательских интересов, используя полученную информацию от кураторов. Важно отметить, что выполнение своего индивидуального образовательного заказа и осуществление образовательных и профессиональных проб будет успешным только в случае грамотного целеполагания и управления временем. В связи с чем важным является использование технологии тайм-менеджмента как социогуманитарного ресурса, т.к. без грамотного умения распоряжаться временем, успешное освоение образовательной программы будет крайне затруднительно.

Так, проведенное в 2021 г. на факультете психологии НИ ТГУ исследование (42 чел.) по определению темпоральных особенностей как элемента самоменеджмента студентов, показало, что обучающиеся испытывают трудности из-за неумения выстраивать цели своего обучения, определять приоритеты при выполнении задач и планировать учебную и внеучебную деятельность. Исследование выявило, что для подавляющего большинства студентов (83%) типичным является проведение большей части свободного времени в социальных сетях и веб-серфинг, 68% испытывают трудности с постановкой целей и, соответственно, распределением приоритетов при выполнении учебных задач [1]. При этом знание своих темпоральных особенностей помогает рациональной организации учебного и внеучебного времени, что также подтверждается результатами исследования, которые показали, что уровень концентрации на продуктивной деятельности повысился с 83% до 42% при внедрении в свою жизнь техник тайм-менеджмента и регулярной рефлексии, как инструмента самотьюторства.

Таким образом, ресурс представленных социогуманитарных технологий позволяет повысить уровень самоменеджмента студентов вузов, в связи с тем, что комплексно помогает в развитии интеллектуальных, волевых, коммуникативных способностей, а также влияет на саморазвитие личности студента в открытом образовательном пространстве вуза.

Литература

1. Асютина О. Н., Костюкова Т. А. Актуализация темпоральных особенностей как элемент самоменеджмента студентов вузов при дистанционном формате обучения // Педагогический ИМИДЖ. 2021. Т. 15. № 2 (51). С. 130–138.
2. Разливинских И.Н. Самостоятельная работа студентов как психолого-педагогический феномен // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 3(35). С. 33-41.

Волкова А.А.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Проблемы студенческой молодёжи в условиях пандемии коронавируса Student's problems in terms of Coronavirus pandemic

«Молодежь – опора сегодняшнего дня и будущее России», – заявил Президент Российской Федерации В.В. Путин на традиционной пресс-конференции в Москве [4]. Действительно, молодёжь не является саморазвивающейся системой, ее жизнь обусловлена существующими социально-экономическими и политическими условиями. Фактически, внимательность к изменениям положения молодежи обуславливает темпы развития нашей страны.

Проблемы молодого поколения особенно остро проявляются в переломные моменты: смена векторов социально-экономического развития, изменения общественного и государственного устройства. Пандемия — это яркий пример триггера такого рода изменений в мире. Известно, что в большинстве стран мира первые три месяца пандемии COVID-19 в 2020 г. стали шоком. Локдаун жестко коснулся всех отраслей экономики, но частная, общественная и профессиональная сферы жизни сумели не только устоять, но и адаптироваться к новой реальности. Под особенно большим влиянием в глобальном масштабе оказалась сфера образования, однако, одновременно с этим, проявившая и наибольшую подготовленность к переводу всех процессов в инновационный режим онлайн-обучения.

Целью нашего исследования стало определение круга проблем студенческой молодежи в условиях пандемии в России, проведенное путем обращения к электронным публикациям свободного доступа.

Первым шагом исследования стал анализ изменений качества образования в период пандемии. Необходимо выделить факт перевода всех образовательных направлений в дистанционный формат: быстро и без подготовки. Это стало настоящим испытанием не только для цифровой среды университетов, но и для всех сотрудников, профессорско-преподавательского состава и студентов. Анализ результатов данного этапа выявил следующие характерные проблемы: низкий уровень компьютерной грамотности, трудности в приобретении необходимого оборудования [5], необходимость реорганизации процессов донесения образовательной информации, проверки знаний [1] и проведении промежуточных и итоговых аттестаций. Вступительная компания, являющаяся и без того всегда напряженной и трудной, стала еще большим испытанием как для вузов, так для студентов и их родителей.

Общемировым отрицательным трендом подобной чрезвычайной ситуации стало резкое снижение уровня занятости населения. Говоря о студентах, следует обратить внимание на исследование, опубликованное в 2021 г. в ведущем отраслевом журнале «Высшее образование в России», которое показало, что «воздействие пандемии на молодёжь является систематическим, глубоким и непропорциональным. 23% молодых людей в возрасте 18-24 лет, которые работали до пандемии, в настоящее время являются безработными; а те, кто работает, сообщили о сокращении рабочего времени и доходов

[7]. Студенты договорной формы обучения ощутили на себе эту проблему в еще большей степени, встав перед тяжелым выбором: прервать обучение до стабилизации материального положения или экстренно искать другие варианты заработка. «Бюджетники» пострадали не меньше, но прямой угрозы для получения высшего образования они на себе не ощутили, кроме возможных проблем со здоровьем в связи с распространением вирусной инфекции.

Исследование показало, что большинство других проблем студенческой молодежи фактически могут являться следствием двух, описанных выше, обстоятельств.

Так, иногородние студенты, проживающие в общежитиях, столкнулись с такой серьезной проблемой, как прогрессивно возрастающий риск заболеваемости, обусловленный особенностями проживания в общежитии. Создание безопасных условий в общежитии оказалось фактически не возможным, в связи с большим количеством общих пространств, необходимых для комфортного существования (кухни и санитарные зоны) [7]. Заболеваемость студентов, проживающих в общежитиях, кратно превышала показатели общей статистики. В попытке нормализовать ситуацию, университеты были вынуждены «изобретать колесо» снова и снова: создавались обсерваторы в отдельных общежитиях или изолированных этажах, прибегали к услугам медицинских учреждений и пр... Главным фактором, который не позволил ситуации пройти точку невозврата, являлся тот факт, что большинство студентов уехали домой в начале пандемии.

Пандемия коронавирусной инфекции создала пандемию информационного шума. В то время, как жизненно важные решения для общества разрабатывались и принимались в аппарате государственной власти и отражались в публикациях, в условиях дефицита «полезной» информации на сознание студентов обрушился шквал устрашающей статистики заболеваемости и смертности [3].

Однако публикационный метод позволил выявить проблемы не только физического здоровья студентов. Исследователи обратили внимание и на ментальное состояние студенческой молодежи: три четверти студентов во время учебы в условиях пандемии коронавируса демонстрировали признаки «психологического неблагополучия» [2]. В докладе, подготовленном командой представителей 13 российских университетов по поручению Минобрнауки (среди них Национальный исследовательский Томский госуниверситет, НИУ ВШЭ, МГПУ, Уральский федеральный университет, РАНХиГС, ДВФУ, МИСИ, СПбГУ, КФУ, Сеченовский университет) сообщается, что около трёх четвертей студентов демонстрируют различные признаки психологического неблагополучия, из них около 20% — синдромы депрессии, умеренной или тяжелой степени [2].

Право на участие в студенческом самоуправлении является неотъемлемой частью гармоничного развития студенческого сообщества. В условиях пандемии и дистанционного обучения реализация данного права оказалась в затруднительной ситуации. Как и образовательный процесс, студенческое самоуправление было вынуждено перейти в онлайн-формат. Организация внеучебной деятельности студентов в условиях «удаленки» стала, пожалуй, самым серьезным интеллектуальным вызовом. Ведь цифровой формат оптимален для хорошо регулируемых, стандартизированных взаимодействий. В значительной степени удалось сохранить, пусть и с меньшей интенсивностью, общение и продуктивную деятельность студенческих коллективов только тем студенческим объединениям, которые ранее уже были частично или полностью представлены в цифровом пространстве. Формальные же структуры, как правило, прекратили свою деятельность [2]. С течением времени, как одна из самых быстро адаптируемых сфер, студенческое самоуправление успешно смогло диверсифицироваться в волонтерский блок.

Следует выделить в отдельную категорию студентов, которые ощутили на себе не только все перечисленные проблемы в их совокупности, но и столкнулись с массой других — это иностранные студенты вузов. Успеваемость этой категории студентов резко снизилась, что выявило проблему низкой самоорганизации, однако интересен факт повышения посещаемости онлайн-занятий в сравнении с очными [6]. Обучение иностранных студентов, находящихся на территории родного государства, зависит главным образом от качества сети Интернет, а также политического и социально-экономического положения в стране. Обострилась необходимость к организации индивидуального подхода в обучении и взаимодействии с каждым иностранным студентом, на что все университеты обратили пристальное внимание. При этом финансовые и другие перечисленные трудности коснулись этой категории студентов в разы критичнее.

Таким образом, как показало проведенное исследование, ключевыми проблемами студентов в период пандемии стали следующие:

- снижение качества образования в связи с недостаточной самоорганизацией студентов в условиях дистанционного формата обучения;
- уменьшение трудовой занятости, и, как следствие, снижение уровня материального состояния;
- сложности в организации безопасной среды для здоровья студентов (в частности в студенческих общежитиях);
- высокий уровень информационного шума при явном дефиците «полезной» информации;
- высокий уровень эмоционального напряжения и стресса;
- трудности в реализации права студентов на участие в студенческом самоуправлении;
- комплексные трудности в жизни иностранных студентов — все перечисленные проблемы обостряются нестабильной ситуацией с внутренней политикой России и родных государств в условиях пандемии.

В заключение необходимо подчеркнуть, что выявленный перечень проблем студенческой молодёжи в условиях пандемии коронавируса не является конечным, поскольку вызовы времени трансформируют жизненные реалии общества, в частности и студентов вузов, добавляя новые, либо трансформируя названные.

Литература

1. Богданова И. Образование не будет прежним. Как вирус повлиял на университеты, поступление и обучение за рубежом? [Электронный ресурс] // Education.Forbes.ru – Режим доступа: <https://education.forbes.ru/authors/obrazovanie-ne-budet-prezhnim> (дата обращения 12.11.2021).
2. Васильева А. Российские студенты доучились до депрессии// Коммерсантъ. № 165 (4210). 2021. 14 сентября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4985925> (дата обращения 12.11.2021).
3. Кошкин П. Коронавирус в умах: как пандемия превратилась в информационную эпидемию и как с ней бороться [Электронный ресурс] // russiancouncil.ru – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-v-umakh-kak-pandemiya-prevratilas-v-informatsionnuyu-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsy> (дата обращения 22.11.2021).

4. Путин: Молодежь – это опора сегодняшнего дня и будущего // Федеральное агентство новостей // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1133791-putin-molodezh-eto-opora-segodnyashnego-dnya-i-budushego-rossi> (дата обращения 12.11.2021).
5. Студенты назвали основные проблемы онлайн-обучения [Электронный ресурс] //rbc.ru – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41> (дата обращения 20.11.2021).
6. Тюменцева Е.В., Харламова Н.В., Годенко А.Е. Проблемы обучения иностранных студентов в условиях пандемии // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 149-158. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obucheniya-inostrannyh-studentov-v-usloviyah-pandemii>(дата обращения 12.12.2021).
7. Youth and COVID-19. Impacts on jobs, education, rights and mental well-being. Высшее образование в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_753026.pdf (дата обращения 10.11.2021).

УДК 334.025+334.72

Гутова И.С.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Студент как субъект экосистемы молодежного предпринимательства Student as a subject of the ecosystem of youth entrepreneurship

С каждым днем молодежное предпринимательство все больше и больше развивается, в результате чего его стимулирование становится одной из важнейших задач для российской экономики в современных реалиях. В молодежной среде оно способствует повышению экономической активности молодежи; организации занятости; формированию позитивного восприятия образа предпринимателя; самореализации молодого человека.

В настоящее время многие ученые считают, что типовое и историческое разнообразие в изучении молодежного предпринимательства определяет необходимость объединения различных подходов. По мнению Е.П. Ерошенко, именно экосистемный подход позволит включить в себя различные теоретические подходы, а также учесть многосторонность предпринимательства [3].

Понятие экосистемы пришло из биологии и стало использоваться в среде инноваций благодаря цифровым прорывам в области технологий. Что касается бизнес-структур, данное понятие впервые было применено на Западе в 1990-ых годах. Смысловое содержание бизнес-экосистемы сводится к тому, что это особая динамичная группа из независимых экономических игроков, создающих единое решение в виде продуктов и услуг, также можно считать, что это определенный набор партнерских или собственных сервисов, которые объединены вокруг организации [1].

Само понятие предпринимательской экосистемы обладает емкостью и разнообразием, включая набор объектов (предпринимателей), субъектов (государство, университеты, общество), систему взаимодействия объект-субъект и инфраструктуру

(здания, сооружения, образовательные услуги и т. д.). Универсальность концепции заключается в размышлении о функционировании бизнес-экосистем в различных средах. Одной из разновидностей бизнес-среды может быть университет, который включает большую группу молодых людей, что является базой для развития молодежного предпринимательства.

Предпринимательская экосистема, как и другие системы, имеет своих субъектов. В основном - люди (молодые предприниматели, их клиенты, партнеры и т.д.) и организации (юридические компании, финансовые организации, обслуживающие структуры и т.д.). В.Н. Кабанов и Е.Г. Горбунова отмечают, что именно университет и его готовность к поддержке молодежного предпринимательства способны стать начальной стартовой площадкой для развития этой сферы деятельности. Ведь способность концентрировать нужные компетенции по профориентации, подготовке всех кадров и их переподготовке, различных исследований определяет особенную и ключевую роль в экосистеме молодежного предпринимательства [2].

Учитывая возрастные рамки субъекта экосистемы молодежного предпринимательства – от 18 до 35 лет, – важно отметить, что основным инициатором развития предпринимательской активности, продвижения своих идей является такая социальная группа, как студенты. Студенческая молодежь – это наиболее активная и креативная часть общества, она способна с большой отдачей участвовать в жизни города, региона, страны, в том числе и в экономической сфере, легко воспринимает все новое в силу своего возраста и готова брать на себя ответственность и риски. И именно вузы способны стать той точкой опоры для студентов, связующим звеном в этой большой сфере, которая не только сможет предоставить теоретическую базу, но и даже практическую.

Университеты исторически всегда были центрами развития человеческой мысли и перехода к эпохе индустриально-технологического развития, вокруг них созданы не только зоны развития новых технологий, определяющие текущий технологический ландшафт, но также влияющие на экономические и социальные аспекты нашей жизни.

Подобные площадки на базе университетов могут дать возможность молодым людям, будущим профессионалам в своих областях деятельности получить нужные компетенции для представления и оформления идей разрабатываемых проектов, практический опыт применения собственных знаний, а также, наверное, самое важное, четкое осознание предпринимательской деятельности и учет всех рисков.

Обращаясь к мировому опыту, стоит отметить, что в западных университетах уже давно применяется и осуществляется практика поддержки молодежного предпринимательства для студентов. Яркий пример экосистемы в предпринимательской среде – это деятельность Массачусетского технологического института (MIT), который сформировал вокруг себя предпринимательское сообщество, опирающееся на инновационные разработки, Кремниевой долины, сформированной вокруг Стэнфордского университета, состояние которой определяет концентрированное скопление не только компаний, но и тех, кто готов финансировать их развитие и др.

А.В. Иванова в своих работах определяет студента западных стран как связующее звено между учеными и инвесторами [4]. В России же такой опыт внедрения и развития молодежного предпринимательства только начинается, что влечет за собой создание соответствующих элементов. Пример российского опыта – деятельность Университета ИТМО, это точка сбора предпринимателей, ученых и мастеров своего дела, работа университета Иннополис, способствующая развитию предпринимательства среди студентов, а также полезная предпринимательская программа Сколково,

предоставляющая возможность повысить предпринимательский навык, развить компанию и др.

Современные высшие учебные заведения в настоящее время способны во многом расширять границы и инструменты обучения как школьников и студентов, так и населения в целом. Есть яркий пример таких инструментов – дополнительные курсы подготовки, проекты, которые разработаны самостоятельно или совместно с субъектами экосистемы молодежного предпринимательства, реализация грантов и государственных контрактов, научная деятельность и участие в программах государства по развитию предпринимательства в молодежной среде.

В исследованиях по развитию молодежного предпринимательства в университетах отмечается, что именно перспектива развития деятельности студентов, а в следствии этого и самого вуза заставляет университеты работать с талантливой молодежью. Вузы могут предоставить базу знаний в предпринимательской области, развить у них необходимые способности и увеличить тенденцию успешных стартапов [6].

Выделяют несколько направлений работы вузов по работе со студентами, заинтересованными в предпринимательской деятельности [2].

- Создание образовательных программ подготовки, которые будут способствовать развитию деловых и предпринимательских качеств у будущих специалистов для создания собственного дела. Не только студенты, но и сами вузы должны выступать субъектами в рамках экосистемы молодежного предпринимательства, которые предлагают уникальные программы дополнительной подготовки, на подготовке специалистов и т.д..

- Организация экспертной работы по сопровождению в науке программ развития предпринимательской деятельности;

- Переход от локальных местных университетских экосистем к открытым региональным экосистемам предпринимательской деятельности; от индивидуального принципа развития к групповому, которые показывают эффективность моделей развития. Институциональная среда университета должна обеспечивать взаимосвязь между всеми элементами бизнес-экосистемы не только на базе университета, но и более широкой экосистемы города или региона. Эта возможность подключения позволяет студентам совмещать обучение в университете с развитием бизнеса, а институциональная среда создает возможности для студентов более эффективно использовать бизнес-экосистему при работе над своими стартапами.

Эксперты в области молодежного предпринимательства выделяют принципы успешного развития университетской бизнес-экосистемы [5]:

- 1) поддержка частной инициативы. Частная инициатива – это основа бизнеса, так как человека нельзя заставить быть предпринимателем. По этой причине частная инициатива студентов, будущих предпринимателей – это основа, без которой невозможно продуктивное функционирование бизнес-экосистемы вуза. В то же время студенческая инициатива может быть направлена на создание нового бизнеса, а также на создание неформальных сообществ по интересам, клубов, организации флэш-мобов, инженерное творчество и многое другое, что не имеет отношения к бизнесу в обычном понимании. Поэтому экосистема на базе университета, в основе которой лежит классическая система образования, требует не только целенаправленного создания благоприятных условий, но и стимулирования проявления частной инициативы студентов и преподавателей;

- 2) признание априорной готовности студентов к предпринимательской деятельности. В основе предпринимательского образования лежит идея о том, что к предпринимательской деятельности априори готовы все, даже с незаконченным средним образованием. Рекомендуются сначала создать интерес к предпринимательству,

уверенность в том, что они готовы и способны начать бизнес, помогают им поверить в свои силы и способности. Это позволит им гораздо увереннее рассматривать возможность начать собственный успешный бизнес уже во время учебы и более ответственно относиться к собственным стартапам, реализованным в процессе обучения в университете;

3) благоприятное отношение к начинающим предпринимателям. Исторически стабильное отношение к предпринимателям в России часто имеет негативный оттенок, особенно среди старшего поколения, которое составляет большинство преподавателей и сотрудников университетов. В университетах с высокоразвитой научной направленностью предпринимательство часто считается менее ценным и уважаемым видом предпринимательства, чем научная деятельность. В связи с этим университеты создают сложную эмоциональную среду для стартапов, в которой отсутствие прямого запрета на такую деятельность или даже их официальную поддержку сопровождается неформальным и молчаливым неодобрением преподавателей и руководства университета. В результате выпускники университетов, добившиеся больших успехов в бизнесе, могут неохотно вкладывать средства в университетские гранты или помогать своему университету другими способами;

4) поощрение проб и ошибок. Классическая система образования учит учеников и студентов стараться не ошибаться. Однако предпринимателю, особенно новичку, не избежать большого количества ошибок, так как он работает в условиях высокой неопределенности, когда никто заранее не знает правильный ответ. Представления студентов, которые хотят создать собственный бизнес о потенциальных клиентах, рынке, конкурентах и их продуктах, являются предположениями и гипотезами, которые необходимо проверить, и вполне нормально, что не все из них будут подтверждены: отрицательный результат тоже результат. Таким образом, скорость разработки студенческого проекта во многом определяется скоростью формулирования и проверки гипотез, т.е. скоростью проб и ошибок.

Таким образом, субъектность студентов в экосистеме молодежного предпринимательства университета будет определяться эффективным развитием предпринимательских компетенций, высоким уровнем коммуникативных связей, быстрой адаптацией к быстро меняющимся условиям. Проведенное исследование позволило зафиксировать расширение экосистемы молодежного предпринимательства, которая активно развивается на базе университетов за счет ресурсов региона и международного взаимодействия вузов.

Литература

1. Абрамов В.И. Особенности развития экосистем в России // Актуальные проблемы развития российской экономики и управления материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции от 22 декабря 2020 г. М.: 2021. С. 7-8.
2. Горбунова Е.Г., Кабанов В.Н., Плужникова П.А. Вузы как часть экосистемы развития молодежного предпринимательства // Бизнес. Образование. Право. Волгоград: Волгоградский институт бизнеса, 2018. № 3 (44). С. 39 - 44.
3. Ерошенко Е.П. Организационно-экономический механизм развития молодежного предпринимательства на основе взаимодействия с партнерами университета: дис. канд. экон. наук. Екатеринбург, 2021. С. 26.
4. Иванова А.В. Типология факторов развития молодежного предпринимательства в университетской среде // Региональное развитие: стратегии и человеческий капитал:

материалы Международной научно-практической конференции, [г. Екатеринбург], 10-11 апреля 2014 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. Т. 2. С. 26-35.

5. Коротков А.В., Зобнина М.Р. Стандарты предпринимательской экосистемы университета: рекомендации по развитию предпринимательской экосистемы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 96 с.

6. Чепуренко А.Ю. Как и зачем обучать студентов предпринимательству: полемические заметки // Вопросы образования. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-i-zachem-obuchat-studentov-predprinimatelstvu-polemicheskie-zametki> (дата обращения: 02.11.2021).

Кочергина Е.В.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**Организация психологической поддержки на тренировках по спортивной
мотоджимхане с целью повышение безопасности водителей мотоциклов на дорогах
общего пользования**

**Organization of psychological work during sports motojikhana trainings to
improve the safety of motorcycle drivers on public roads**

Оценивая современную дорожную обстановку в городе Томске и перспективы ее развития, можно констатировать факт, что мототранспорт развивается очень высокими темпами. С каждым годом возрастает количество молодых людей, которые приобретают в собственность мотоциклы и становятся полноценными участниками дорожного движения. Таким образом, с каждым годом проблема обеспечения безопасности дорожного движения все больше усложняется, а необходимость развития и совершенствования средств и способов обеспечения безопасности дорожного движения и ее пропаганды становится крайне необходимой. Появляется потребность изучения новых способов и направлений выработки стратегий безопасности дорожного движения. Так в 28.05.2019 г. Решением Думы города Томска №1100 утверждена программа комплексного развития транспортной инфраструктуры муниципального образования "Город Томск" на период с 2019 до 2020 года и на период до 2035 года [3]. При этом, несмотря на активную работу правового и административного характера, по данным статистики УГИБДД УМВД России по Томской области за 2021 год произошло 17 ДТП с участием мотоциклов, 3 человека погибли и 14 человек травмированы [8].

В настоящее время большое количество различных исследований посвящено вопросам обеспечения безопасности дорожного движения. Так, Хьюэ Чонг Зыонг [12] рассмотрел неверное поведение молодых мотоциклистов при превышении скорости на мотоциклах и вопросы, связанные с этой проблемой. Фундаментальный труд по стратегии управления мотоциклом Дэвида Хафа [13] является важнейшим источником выработки методов правильного и безопасного управления транспортными средствами. Кроме того, нельзя не отметить и труды советского и российского тренера по авто и мотоспорту Э.С. Цыганкова, который в своих работах «Основы водительского мастерства» [11], «Профессионально-прикладные дисциплины мотоциклетного спорта» [10] приводит способы подготовки квалифицированного водителя транспортных средств.

Для всего нашего общества крайне важно сокращение абсолютных потерь от аварийности, снижение вероятности попасть в дорожно-транспортное происшествие для каждого человека, не важно – водитель мотоцикла он, автомобилист или пешеход. Когда человек принимает решение приобрести в собственность мотоцикл, получить право управления этим транспортным средством, стать участником дорожного движения, он не всегда осознает тех рисков, которые возникают при реализации его желания. Несомненно мотоцикл – это транспортное средство, которое не дает того уровня безопасности водителя, которое имеется в автомобиле, при этом, популярность и доступность двухколесных транспортных средств, как уже было замечено ранее, только растет и необходимость сделать передвижение на них безопасным, стало важнейшей задачей на

тренировках по мотоджимхане.

В настоящей статье рассматривается специфический способ повышения безопасности водителей мотоциклов на дорогах общего пользования через организацию психологической работы на открытых тренировках по спортивной мотоджимхане, который активно применяется в ходе практической работы с курсантами на тренировках.

Главной задачей является рассмотрение влияния психологических тренингов на тренировках по спортивной мотоджимхане на повышение безопасности водителей мотоциклов на дорогах общего пользования.

Мотоджимхана (фигурное управление мотоциклом) – это спортивное испытание на время, в котором участники на мотоциклах соревнуются на самое быстрое маневрирование на асфальтовой площадке среди искусственных препятствий в виде конусов [7], а сейчас еще и динамично развивающаяся дисциплина мотоспорта, позволяющая повышать навыки управления мотоциклом водителям с любым уровнем подготовки. Первые упоминания о такой дисциплине, которая, главным образом была направлена на повышение качества управления двухколесными транспортными средствами и повышения уровня безопасности водителей мотоциклов на дороге, появились в 1960-х годах в Японии. В СССР в конце 1970-х годов возникает такое спортивное направление, как «Фигурное вождение мотоцикла», которое напоминало мотоджимхану, но дальнейшего развития не получило. Только в конце первого десятилетия XXI века, мотоджимхана начинает вновь развиваться. В 2019 году согласно Приказу Министерства спорта РФ от 01.10.2019 №784 [2] определено признание и включение во Всероссийский реестр видов спорта в мотоциклетный спорт новой дисциплины "фигурное управление мотоциклом - класс открытый". Таким образом, значение мотоджимханы становится очевидным для развития спорта и безопасности в современном обществе. В силу того, что этот вид спорта стал самым доступным для водителей мотоциклов, а кроме того, еще и отличным способом пропаганды безопасности дорожного движения.

В городе Томске это направление развивается с 2014 года, благодаря созданию социального проекта, направленного на повышение уровня водительского мастерства среди водителей мотоциклов. Для этого было открыто Томское региональное отделение МОО «Федерация мотоджимханы», которое стало проводить активную работу с водителями мотоциклов, начиная с 2015 года. С его реализацией основным вектором развития стало, прежде всего, формирование «нового образа мышления» у современного водителя мотоцикла. За этот, не очень долгий, промежуток времени было организовано пять масштабных соревнований по спортивной мотоджимхане регионального и федерального уровня, более десятка совместных рейдов с отделом пропаганды безопасности дорожного движения УГИБДД УМВД России по Томской области с целью профилактики дорожно-транспортных происшествий среди водителей мотоциклов.

Несомненно, при покупке мотоцикла мы сталкиваемся со многими стереотипами и убеждениями, которые с большим удовольствием передает нам современное общество. Свобода, полёт и еще множество подобных синонимов занимают свое место в голове у только получившего право управления транспортным средством человека, его мышление не фокусируется на безопасности, ракурс смещается именно на то, что он может выделиться и казаться особенным среди остальных.

Хотелось бы отметить, что фигурное управление мотоциклом – это, прежде всего особый образ мышления, это понимание и осознание важности безопасности на дороге, сознательность и высокий уровень правосознания и правовой культуры, желание быть в безопасности самому и способствовать обеспечению безопасности других участников движения. Именно образ мышления – это та база, которая создает понимание существа

правил дорожного движения, правильного управления своим транспортным средством, уважения к другим участникам движения. При этом, сколько бы не устанавливалось санкций за несоблюдение этих правил, а в автошколах не трудились преподаватели, объясняя, как необходимо тормозить и смотреть по сторонам, аварийность на дорогах города Томска остается высокой.

Проводя активную психологическую работу с водителями мотоциклов, мы формируем особый подход к повышению уровня водительского мастерства среди водителей мотоциклов, так как мы не используем формализм и императив, которые дают исключительно временный эффект, не интересны и даже вызывают отторжение у курсантов. При проведении тренировок, которые носят массовый и открытый характер, мы применяем методы активного обучения, в частности, тренинги перед практическими занятиями, на которых происходит передача информации о важности безопасного вождения, о значимости навыков управления мотоциклом, а также анализ дорожных ситуаций, которые освещаются в средствах массовой информации. Вовлеченность курсантов, их активное участие и возможность живого диалога, способствует глубинному пониманию самой сути безопасности водителей мотоциклов на дорогах общего пользования. Интерес к повышению уровня водительского мастерства вскоре пробуждает у курсанта интерес к мотоджимхане как к спортивной дисциплине, то есть, при совершенствовании своих навыков управления возникает потребность в спорте, здоровом образе жизни и участии в общественной деятельности.

Какие бы стратегии дорожной безопасности мы не разрабатывали [1], какие бы способы пропаганды не выбирали, самыми интересными и эффективными всегда будут личный пример и адресная психологическая работа, которые должны быть направлены на формирование верных установок, стимулирование желания получения новых навыков и уважительного отношения к другим участникам дорожного движения. Важнейшим показателем эффективности психологической работы на тренировках является увеличение числа курсантов, которые хотят развивать свои навыки уже с позиции безопасности и ответственности при управлении транспортными средствами.

Стоит обозначить, что в процессе групповой психологической работы, а затем и практической деятельности, происходит осмысление важных проблем и потребностей в обществе, в нашем случае, это проблемы безопасности на дорогах общего пользования. Курсанты сами и с помощью мастеров производственного обучения вырабатывают имплицитные концепции как в понимании значения безопасности на дороге, так и в логике целей владения и пользования своими транспортными средствами.

В заключении определим, что мотоджимхана в городе Томске - это активное приобщение молодого поколения мотолюбителей к безопасному вождению, в том числе через активную пропаганду популяризации развития мотоспорта в современном Российском обществе, а развитие направления психологической работы на тренировках — это способ воспитания того самого социально ответственного гражданина, способного осознавать, что безопасность на дороге начинается с него, с каждого из нас.

Литература

7. 1.Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 N 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы» - "Российская газета", N 15, 25.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2018/01/24/strategiya-site-dok.html> (дата обращения 08.12.2021г.).
3. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 01.10.2019 г. № 784 "О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин,

видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта" — [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/10/17/minjust-prikaz784-site-dok.html> (дата обращения 16.12.2021г.).

4. Решение Думы города Томска №1100 от 28.05.2019 г. об утверждении программы комплексного развития транспортной инфраструктуры муниципального образования "Город Томск" на период с 2019 до 2020 года и на период до 2035 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/467953510> (дата обращения 18.12.2021г.).

5. Илюхин А.А. Мотоциклетный спорт: учебник / А. А. Илюхин. Москва: РГУФКСМиТ, 2019. 841 с.

6. Курьянова О.Е. Повышение безопасности дорожного движения методами совершенствования системы подготовки водителей // автореф. дис. канд. технических наук /— Электронная библиотека диссертаций. 1998. URL: <http://www.dissercat.com/content/povyshenie-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-metodami-sovershenstvovaniya-sistemy-podgotovk/read> (дата обращения 08.12.2021г.).

7. Майоров В.И., Иванова С.И. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы: основные риски // Административное право и процесс. 2018. N 11. С. 9 - 14.

8. Межрегиональная Общественная Организация «Федерация МотоДжимханы» URL: <https://gymkhana-federation.ru/> (дата обращения 17.12.2021г.).

9. Показатели состояния безопасности дорожного движения (Томская область по состоянию на декабрь 2021 г.) URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения 06.12.2021г.).

10. Роббинс, СД, Аллен, НА, и Чепмен, П. (2018). Сравнение мнений водителей автомобилей и мотоциклистов об авариях на перекрестках. Анализ и предотвращение несчастных случаев, 117, 304-317.] URL: <https://doi.org/10.1016/j.aap.2018.05.001> (дата обращения 18.12.2021г.).

11. Цыганков, Э.С. Профессионально-прикладные дисциплины мотоциклетного спорта / Э.С. Цыганков, Г.И. Шулик // Теория и практика физической культуры. 2013. №3. С. 78-80.

12. Цыганков, Э.С. Основы водительского мастерства 170 приёмов контраварийного вождения / Э.С. Цыганков. М., 2014. 332с.

13. Хюэ Чонг Дуонг, Лукас Паркер. Плыть по течению: неверное восприятие молодых мотоциклистов норм и поведения мотоцикла при превышении скорости // Журнал социального маркетинга. URL: <https://doi.org/10.1108/JSOCM-10-2017-0064> (дата обращения 16.12.2021г.).

8. 13.David, L. Hough. Street Rider's Guide: Street Strategies for Motorcyclists. 2 edition / Publisher i5 Press, Language: English Format, 2014. - 192 p. URL: <https://www.goodreads.com/en/book/show/20702698-street-rider-s-guide> (дата обращения 08.12.2021г.).

Кухтенкова А.А.

Канд. филол. наук, преподаватель
Новосибирский авиастроительный лицей

Лейтмотив памяти – основа художественной антропологии в произведениях

Г.И. Газданова

**The leitmotif of memory is the basis of artistic anthropology of the novels by
G.I. Gazdanov**

Антропологическая парадигма – актуальное и междисциплинарное, непрерывно и динамично развивающееся направление, представленное в таких науках, как: социолингвистика, психолингвистика, литературоведение, философия, антропология и многие другие. Предметом нашего исследования является литературный персонаж и его внутренний мир, находящий выражение в словах, поступках, образе мыслей, привычках, манере поведения, эмоциях и впечатлениях. Все перечисленное сохраняет память. Наша цель – проследить закономерности художественной антропологии героев Г.И. Газданова, наделенных необычной: перцептивной, ассоциативной, символической, фотографической памятью.

Под термином «художественная антропология» в литературном творчестве мы понимаем «исследование писателем *человеческой сущности с помощью художественных средств и воплощение концепции человека в произведении*, посредством которой автор находит ответы на фундаментальные вопросы существования» [3. с. 120]. Философия экзистенциализма, подробно представленная на страницах произведений писателя, эксплицирована ретроспективными или проспективными (фантастическими, характерными для душевной болезни героя- эмигранта) воспоминаниями, например, *Есть воспоминания, есть воображение, есть погружение в прошлое, боязнь будущего, но мы называем все это так — прошлое, будущее, настоящее, — я думаю, только потому, что не даем себе труда задуматься над этим и понять, что все это только ощущения* («Письма Иванова»). Чувственная рамка начинается воспоминаниями и заканчивается ощущениями, другое дело реальными и существующими сейчас, или пережитыми, но сохраненными памятью. В текстах писателя все мотивировано и ассоциативно связано, поэтому нельзя точно сказать это период воспоминания (оно не существует автономно, является звеном ассоциативно-тематического ряда с перцептивной семантикой), а следующее звено – зона воображения (фантазия/душевная болезнь/желанная реальность), они существуют в симбиозе, накладываясь друг на друга на смежной основе, при этом возможно два варианта повествования: 1) воспоминания активируют воображение, то есть хочется дописать, додумать = улучшить реальность или обезболить воспоминания; 2) игра воображения (часто построена на перцептивной метафоре) оживляет воспоминания (начало приступа душевной болезни). Причины воспоминаний героев очевидны: бояться фантазий (душевная болезнь, двоемирие, плен фантазии и миражей) и страх не вернуться на Родину, поэтому лучше сохранить статальные интенсивные и рефлексийные воспоминания, в которых хотят застыть мысли рассказчиков, останавливая время, что перифразируется *успокоительной призрачностью, торжеством воспоминаний и воображения*, но это временно и иллюзорно.

Даже в воспоминаниях герои писателя не могут найти временные и промежуточные ответы на экзистенциальные вопросы, например: *судорожные и безуспешные попытки воплощения, бесплодное стремление найти свое место в мире, которое, было давно потеряно, как воспоминание о прошлом, которого не могли восстановить никакие усилия памяти и воображения* («Письма Иванова»). Приведенный контекст отчетливо передает взаимодействие лейтмотивов: герой хочет воссоздать воспоминания (олицетворение), после чего подключается воображение, все это ограничено темпоральной (контрастные антонимы *давно потеряно-найти*), аксиологической, экзистенциальной рамкой (*безуспешные попытки воплощения, бесплодное стремление* т.е. метаморфозы героев).

Воспоминания приходят неожиданно, спонтанно, непредвиденно, сиюминутно и ассоциативно *чьи-то забытые воспоминания, непонятно почему воскресавшие именно во мне, или, наконец, то, что я был частью чудовищно многочисленного человеческого коллектива* («Возвращение «Будды»»). Темпоральный аспект воспоминаний очень важен: герой может переосмысливать одно воспоминание в разном возрасте, контрастном эмоциональном и психологическом состоянии по-особенному, это соответствует движению его чувств (т.е. это произошло с ним до/или после метаморфозы, перерождения). Антонимичный оксюморон, вводящий реинкарнационный смысл перерождения, переживания героя-рассказчика свидетельствует о глубине и значимости воспоминаний. Рамка *воспоминаний* может очерчивать границы душевной болезни персонажей, ее этапы (наращения со значением времени и последовательности), например, в дневнике Анны в романе «Пробуждение» читаем: *каждый день ее воспоминания уходили все глубже и глубже в прошлое, сначала бесформенное и отрывочное, потом точно всплывавшее перед ней с неожиданной отчетливостью*. Болезнь (потеря чувственного воспоминания) портретируется пунктирно, прерывисто, но воспоминания исцеляют, они становятся ясными и конкретными (*перед ней возникали сначала зрительные ее воспоминания*).

Типичный герой писателя стремится подобрать подходящий, пусть даже иллюзорный мир, лишенный тягот эмиграции, одиночества, душевной опустошенности: *Было не только воспоминание о забытом, было еще сознание того, что есть какой-то другой мир, чем-то, быть может, похожий – по своей тишине и вечности, по величественному его спокойствию – на этот лес, на эти миллионы и миллионы листьев, на это соединение света, земли и деревьев* («Пробуждение»). Именно в лесу, где герой на время забывает о проблемах и приобретает уединение и душевный покой, который был на Родине, (это портретирует оксюморон с семантикой памяти), ему открывается новый мир и взгляд на прошлое, настоящее и будущее. «Зрительные, слуховые, осязательные рецепции в их взаимосвязи с мышлением, памятью, воображением героя рожают ассоциации, отражающие лирическое чувство и настроение героя» [7. с.110]. Ассоциативно-перцептивный образ леса (полноценная жизнь, наполненная древесными красками, запахами, вкусами и звуками) оживляет воспоминания о счастливом прошлом, которое Пьер хочет перенести в настоящее, чтобы обрести удачу, он тянется из тьмы к свету.

Художественная антропология героев Г.И. Газданова имеет ряд особенностей: 1) типовые персонажи писателя – *слишком равнодушны к внешним событиям, но глухое, внутреннее существование исполнено несравненно большей значительностью*, которое ассоциативно связано с накоплением жизненного опыта. Внешность, портрет человека подробно не представлены, смысловой акцент смещен на глубинные тайны внутреннего мира, стержня и его соматические показатели (глаза – зеркало души (*туманные глаза Клэр, обладавшие даром стольких превращений; горячие, печальные, задумчивые* глаза), руки – теплота души (*мягкие, теплые, уютные*)) и улыбку, которая сохраняет следы

воспоминаний (*улыбалась долгой улыбкой, точно поняла и проследила в себе какой-то длинный ход воспоминаний*).

Герои писателя стремятся к гармоническому постижению мира, это эксплицируют такие состояния как *счастливая пустота* = отсутствие воспоминаний как спасительная отдушина (пустота, которую нельзя заполнить никакими воспоминаниями и начать новое путешествие в лирическом мире, создать историю еще одного душевного странствия, которое должно прийти на смену *нестройному и случайному хаосу воспоминаний*), нередко указанное состояние сопровождается мелодичным и лиричным звучанием смычковых инструментов: скрипки, гитары или клавишных – пианино, рояль. Персонажи пытаются упорядочить, систематизировать воспоминания, а иногда избавиться от них и найти душевное равновесие. Они хотят создать союз друзей (особенно в романе «Эвелина и ее друзья»), найти родственную душу, это эксплицируется контрастными темпоральными показателями (*видишь человека первый раз и через несколько минут тебе начинает казаться, что ты знал его всю жизнь*). Циклический, кольцевой поток воспоминаний находит выражение в ассоциативно-перцептивной межтекстовой цепочке *почувствовать бесконечную последовательность мыслей, впечатлений и ощущений*, она замыкается идеей *памяти* (которая визуально сравнивается с *рядом теней*) – ключевого лейтмотива лингвопоэтики Г.И. Газданова и подключает воображение (*отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения*), следствием этого выступает душевная болезнь героев (*неправдоподобное пребывание между действительным и мнимым; неумение отличать усилие воображения от подлинных и непосредственных чувств, приступы душевной лихорадки*). Во время приступов душевной болезни страдает и непогрешимая, безошибочная, феноменальная память (*покрывала мои воспоминания прозрачной стеклянной паутиной и уничтожала чудесную неподвижность*). Память в текстах писателя имеет иерархическую структуру. Доминирует перцептивная (*память чувств, а не мысли была неизменно более богатой и сильной, способность чувственного воспоминания*), особенно зрительная (*зрительная память у меня была всегда хорошо развита*) и аудиальная, часто музыкальная (*звук радио немедленно вызовет с болезненной силой в его памяти воспоминание о матери; смутное звуковое воспоминание вызывал в своей памяти какую-нибудь спасительную мелодию*). Неслучайно герои забывают размышления, для них важнее чувственная сфера и мир впечатлений. Картина мира героя Г.И. Газданова включает ряд особенностей: «преобладание импрессионистичности описаний, лиризация, ассоциативность, повышенное внимание к области фантазии, онейросфере, миру чувств героя, опора на его интуитивное, дологическое восприятие действительности образуют совершенно особую картину мира, в которой граница между сном и явью, действительностью и воображением неопределима и зыбка» [7. с.106]. Следующий семантический уровень – память впечатлений (ассоциативная – *воздушное течение галереи воспоминаний, падавших обычно, как дождь* (в текстах писателя воспоминания часто сравниваются с водными образами, омываются дождем); *оба эти воспоминания сразу возвращают меня в детство, словно движение этих воспоминаний точно соответствовало ходу поезда*), далее память ощущений (*из глубины моей памяти опять возникал этот знойный день на юге России, и все мои тогдашние ощущения с прежней силой возвращались ко мне*), экзистенциальная память (*чужая жизнь, медленно возникающая в моей памяти, непоправимо забыл, что именно следует считать важным и что незначительным*) и связанные с ней реинкарнационные воспоминания, актуализированные водными сравнениями (*воспоминание о смерти, после которой непостижимым образом я продолжал существовать; забытые воспоминания как волны, проникающие с разбега в расщелину скалы*), память мысли; симбиоз перцептивной памяти и состояний, с подключением сравнительных образов (*оставило в его памяти легкий осадок отвращения, было в моих воспоминаниях всегда нечто невыразимо сладостное; немой груз ненужных воспоминаний, который я влачил за собой*

всю свою жизнь, как в прежние времена каторжники свое чугунное ядро), память судьбы (память как случайная смена случайных событий), оксюморонные воспоминания (бесконечно давно забытые воспоминания будто брезжили во мгле моих навсегда похороненных знаний, воспоминание о забытом). Оксюморонные воспоминания в поэтике Г.И. Газданова эксплицируют вектор душевных сдвигов, перемен, превращений, довоплощений героев (унося с собой воспоминание об этой неправдоподобной метаморфозе).

Воспоминание – одно из любимых состояний героев, в которое они погружаются повторно, возвращаются и длительно находятся, это маркируется интенсивами (необычайная память, исключительная память, неотступного воспоминания), статальной рематической доминантой, циклическими и композиционными повторами (неоднократно перебирал в памяти все события, память неизменно возвращала меня к тому, о чем следовало бы забыть, и влачила за собой ненужный груз образов, представлений, сопровождая меня, как безмолвная толпа созданных мной призраков, от которых я не мог уйти), память также может иметь призрачный и туманный характер (город, который возникал в моей памяти, окутанный туманом и дождем, блистательное видение памяти). Двоемирие как прием лингвопоэтики писателя, связано и с памятью, способной олицетворяться и метафоризоваться, нередко перцептивно, создавая контрастные образы (память, которая тебе никогда не изменяет/меня оставляла память; она вообще была самой несовершенной моей способностью; даже моя память меня обманывает, навсегда похоронен в ее слабеющей памяти, тщетно напрягал свою память). Герои способны как терять память, так и восстанавливать, повторно переживать прошлое, на это указывают контрастные текстовые парадигмы (потрясение, которое ее лишило памяти, потеря памяти/усилия памяти и смена видений, восстанавливая в памяти все, что произошло). Неоднозначно и противоречиво отношение героя к памяти: 1) хочет забыть эмигрантские беды и тяготы судьбы и сетует на непогрешимость и силу воспоминаний (был готов иногда проклинать свою память, автоматическая точность перегружала мою память), 2) профессиональная память (бухгалтера, врача, фотографа), 3) почтенная и благодарная память к покойным (защищал память покойного от каких-то воображаемых обвинений; необыкновенную силу её любви к памяти отца и сестёр, благодарная память.). Персонажи привыкли жить воспоминаниями и рефлексировать их (проследила в себе длинный ход воспоминаний).

Уже само заглавие произведений может эксплицитно или имплицитно взаимодействовать с идеей памяти («Воспоминание», «Призрак Александра Вольфа», «История одного путешествия», «Пилигримы», «Полет», «Третья жизнь», «Шрам» и др.), которая подключает экзистенциональные поиски, воображаемые (в том числе и метафорические) и реальные жизненные путешествия. Воспоминание – один из ключевых лейтмотивов поэтики писателя. Герои склонны многократно, многослойно и повторно переживать прошлое, которое нередко за счет игры времен представлено как настоящее и накладывает отпечаток на будущее, часто это эксплицируется статальной рематической доминантой, темпоральной масштабностью: *воспоминание о нем прошло сквозь всю мою жизнь*. Итоговая цепочка быта героя Г.И. Газданова выглядит так: *нагромождение чувств, ощущений, мыслей, воспоминаний, видений, из которого состояла моя жизнь* («Эвелина и ее друзья») – это клубок ассоциаций, впечатлений, эмоций, чувственных переживаний, портретирующих радугу жизни. Главная цель – *успокоительная призрачность, торжество воспоминаний* и воображения над действительностью и очевидностью, в которой лирическому герою дискомфортно.

Итак, интенсивное и многослойное исповедально-суггестивное воспоминание определяет ретроспективную и проспективную нить повествования, очерчивает условную композиционную рамку нередко циклическую или кольцевую. Вариантный лейтмотив память/воспоминание взаимодействует с лейтмотивами воображения, фантазии,

впечатлений. Это обеспечивается ассоциативной основой текстов, символикой цветов и их психосоматическим восприятием, перцептивными образами, нередко синкретичными, которые задаются рамкой воспоминаний.

Литература

1. Боярский В.А. Человек толпы на ночных дорогах: Эдгар Аллан По и Гайто Газданов // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 54-60.
2. Газданов Г.И. Малое собрание сочинений, СПб.: Азбука, 2014. 668 с.
3. Горюнов В.В. Типология героев в творчестве Гайто Газданова // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И.Б. Каменской. 2018. С. 120-127.
4. Горюнов В.В., Шалина М.А. Художественная антропология Гайто Газданова: поиски оснований // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы научно-практической конференции. Под общей редакцией И.Б. Каменской. 2017. С. 215-219.
5. Горюнов В.В., Шалина М.А. Трансформация литературного типа мечтателя в художественной парадигме Гайто Газданова // Художественный текст глазами молодых. Материалы конференции. 2019. С. 119-123.
6. Кузнецова Е.В. Герои-созидатели, герои-писатели и их антиподы в прозе Гайто Газданова // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 89-97.
7. Кузнецова Е.В., Напылова Л.И., Султанова Ж.Г., Александрова Д.В. Медитативно-лирическое повествование в рассказах Гайто Газданова // Гуманитарные исследования. 2020. № 3 (75). С. 105-112.
8. Леонтьева А.Ю., Филимоненко Р.А. Интертекстуальный аспект литературного типа "маленький человек" в прозе Г.И. Газданова // Лучшая научная статья 2019. сборник статей XXIV Международного научно-исследовательского конкурса. 2019. С. 114-118.
9. Смирнова А.И. Проблема русской души и тип героя в рассказах "Коновалов" М. Горького и "Чёрные лебеди" Г. Газданова // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 64-67.
10. Суматохина Л.В. Пластичность характера героя в прозе Гайто Газданова//Русское зарубежье: история и современность. Сборник статей. РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред.-сост. вып. Мухачёв Ю.В., Петрова Т.Г., М., 2015. С. 146-156.
11. Тан М.В. Образ героя романа Г. Газданова "Вечер у Клэр": катастрофичность сознания в эпоху исторических потрясений// Слово. Грамматика. Речь. 2016. № 17. С. 208-218.
12. Чернов А.Н. Функция персонажа в романах Гайто Газданова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 2. С. 23-30.

Метелева А. П.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**Межпоколенческий кризис как фактор угрозы духовно-нравственной безопасности
русской молодежи**

**Intergenerational crisis as a threat factor in the spiritual and moral security of Russian
youth**

Под духовно-нравственной безопасностью русского общества подразумевается состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества в духовно-нравственной сфере от внутренних и внешних угроз [1]. Это традиционный вариант данного определения, дающий наиболее полное понимание аспекта. Одним из факторов, отрицательно влияющих на духовно-нравственную безопасность современного русского общества является кризис межпоколенческих отношений, обусловленный особым типом социальной культуры – префигуративной. Данная культура, актуальная для всего мира в целом и для России в частности представляет собой культуру, в которой родители не только учат, но и учатся у своих детей. Это приводит к тому, что ценности, образ жизни старшего поколения не воспринимаются младшим поколением в качестве образца. Это приводит к формированию разрыва между поколениями [3, 4].

Современная молодежь взрослеет и социализируется в других условиях, нежели поколение их родителей, как следствие, формируется новый образ жизни. Современная молодежь более независима, самостоятельно выбирает себе моральные ориентиры. Экономические изменения общества сформировали у молодых людей приоритет материальных и финансовых ценностей. Прежний, традиционный механизм преемственности поколений разрушается, новый же еще не сформирован, поэтому молодое поколение остается беззащитным перед негативными антисоциальными влияниями. Механизмы взаимодействия между людьми изменились, представители младшего поколения критикуют традиции старшего, так как транслируемые родителями формы социального взаимодействия, поведения становятся бесполезными в новых условиях трансформирующегося общества. Необходимо находить новые точки соприкосновения между поколениями, так как передача жизненного опыта оказывается неактуальной.

Развитие семейных отношений является одним из наиболее важных факторов эффективной коммуникации молодежи со старшим поколением. Однако, стоит отдельно отметить, что по сравнению с опытом предыдущих поколений, где в воспитании ключевую роль играла семья, сегодня на становление личности и духовно-нравственное воспитание молодого человека влияют и другие факторы. В современном обществе, получили широкое распространение информационно-коммуникационные технологии и связанные с ними технические средства. На воспитание современного человека влияет не только семья, но и средства массовой информации: телевидение, радио, печатные издания (журналы, газеты), электронные издания и Интернет, реклама и другое. Исходящая от них информация может носить негативный характер, и подрастающее поколение очень трудно уберечь от нее [4, 6]. Конечно, среди всей западной культуры есть достойные примеры кинематографа, музыки и других проявлений искусства, однако они теряются на фоне громких и эпатажных работ. Молодежь легче и лояльнее воспринимает «новые веяния» и их ценности, старшее поколение в значительной степени относится к ним критически, в

результате дистанция между ними увеличивается. Средства массовой коммуникации являются важным институтом социализации личности, поэтому необходимо, чтобы помимо развлекательного контента интересным, привлекающим внимание был контент образовательный, способствующий формированию нравственных жизненных ориентиров.

К факторам, обостряющим межпоколенческий кризис, также относят повсеместную цифровизацию. Цифровизация экономики государства, повлекшая за собой перевод технологий в виртуальное пространство, затронула области далекие от экономики, но являющиеся областью ее непосредственных интересов – отношений между людьми. Отношения между людьми в их непосредственном виде разворачиваются в их повседневной жизни – семейно-бытовой и производственной сферах – как межличностные и межгрупповые отношения. Межгрупповые отношения затрагивают экономические, политические, культурные и иные сферы. С появлением в обыденной жизни людей новых технических средств связи (гаджеты, девайсы, интернет) изменились возможности человеческого взаимодействия и общения, что не могло не отразиться и на разного рода отношениях, включая отношения межпоколенческие [6]. Для использования благ цифрового мира необходимо наличие устройств для подключения к нему, а значит требуются значительные денежные вложения. К тому же, необходимы определенные навыки использования данных устройств, которые в большинстве своем легче даются молодежному населению. Представители разных поколений и разные слои населения не имеют одинаковых возможностей для участия в виртуальной жизни. В обществе возникает явление так называемого «цифрового неравенства» или «цифрового разрыва». Исследователи приводят три его уровня: на первом уровне фиксируется разница в доступе к новейшим информационным технологиям, интернету или их низкое качество; на втором – разница в навыках, необходимых не только для потребления, но и для производства информационного контента для взаимодействия; на третьем уровне фиксируются «...жизненные шансы и возможности, обусловленные использованием информационных технологий...» [2]. Цифровое неравенство дает преимущество молодому поколению – им проще приспособиться к использованию гаджетов и online технологий, так как многие молодые люди в раннем возрасте столкнулись с эпохой цифровизации.

В то же время современные условия обостряют конкуренцию по возрастному принципу. Например, на рынке труда зачастую возрастные ограничения выступают одним из требований к соискателю на определенную должность. Технический прогресс привел к тому, что качественные трансформации в технологической сфере происходят в более короткие сроки, чем жизнь поколения. Это означает, что для того чтобы идти «в ногу со временем», современному человеку необходимо быть энергичным, восприимчивым к инновациям, развивать свои творческие способности, быть физически выносливым. Пожилое поколение в данных условиях уступает молодежи. В советское время старшее поколение передавало младшему свои технологические знания и опыт, тогда для молодых людей полученная от старших информация была фундаментом профессиональных компетенций. А в тот момент, когда технологии стали развиваться быстрее, молодежь стала осваивать новые навыки самостоятельно, опыт старших стал менее ценным. Преображение советского социалистического общества в постсоветское привело к ряду кризисных явлений, более значимыми стали инновации, а не сохранение технологий предыдущих поколений. Исследователи М. Х. Киясханов и А. Т. Ростова в своей работе пишут: «Следует отметить, что опыт старших для молодого поколения нередко отождествляется с советским опытом и советским стилем жизни. Некогда для советских ученых, педагогов, занимающихся воспитательной проблематикой, не было вопроса, какие именно качества следует формировать, вопрос состоял в том, как это делать. Совокупность моральных норм, объединенных в кодекс, представлялась незыблемой» [3]. Действительно, в советское время в воспитании духовно-нравственной ценности молодежи ориентировались на Моральный кодекс строителя коммунизма. Однако, в современной России некоторые его пункты утратили свою значимость, а необходимость

транслировать в российском обществе ценности, которые бы объединяли поколения в едином понимании духовно-нравственных истин, осталась.

Подытоживая, в современном российском обществе преобладает префигуративная социальная культура – молодежь все реже в своих моральных выборах опирается на жизненный опыт старшего поколения, так как авторитет мнения старших значительно снизился. Часто, родительский опыт ассоциируется с советским прошлым, а советские идеалы, в большинстве своем, не сочетаются с жизнью современной российской молодежи. Цифровое неравенство, технологический прогресс, влияние средств массовой коммуникации на гибкое сознание молодежи приводят к кризису межпоколенческих отношений. Данный кризис является фактором угрозы духовно-нравственной безопасности молодежи. Преодоление данного кризиса может быть возможным при условии нахождения точек соприкосновения во взаимодействии поколений. В таком случае, старшему поколению стоит больше принимать изменчивый современный мир с его инновациями, а младшему необходимо чаще прислушиваться к совету старших, так как все основные ценности: взаимоотношения добра и зла, честь и ответственность, патриотизм и другие, остались прежними, а значит опыт предыдущих поколений все так же актуален, хоть ему и приходится встраиваться в современные реалии.

Литература

1. Гафиятулина Н. Х. Духовно-нравственная безопасность российской молодежи: социологический анализ основных угроз // История, археология и этнография Кавказа. 2017. №1. С. 134–144.
2. Добринская Д. Е. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва / Д. Е. Добринская, Т. С. Мартыненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. №1(19). –С. 108–120
3. Килясханов М. Х. Деструкция межпоколенческих связей в современном Российском обществе / М. Х. Килясханов, А. Т. Ростова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. №3(20). С. 29–30.
4. Костюкова Т.А., Шульгин А. Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации //Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (100). С. 25-30.
5. Москвитина О. А. Особенности межпоколенческих отношений в условиях цифровизации общества / О. А. Москвитина, М. К. Кабардов // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. С. 238-240.
6. Шамсутдинова А. З. Разрушение связи поколений в современном Российском обществе как духовная проблема и пути ее преодоления // Вестник Башкирского университета. 2011. Т.16, №4. С. 1361-1364.

Наваждай А.В.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Опыт духовно-нравственного воспитания в системе образования зарубежных стран The experience of spiritual and moral education in education system of foreign countries

В нашей современности мире достаточно остро стоит проблема методов духовно-нравственного воспитания ввиду быстро развивающегося мира и трансформации ценностей. В каждой национальной общности существуют свои методы и технологии приобщения молодых людей к духовно-нравственным ценностям. В данном исследовании было важно рассмотреть опыт включения духовно-нравственного воспитания в систему образования зарубежными странами, а также выделить новаторские методики.

Объектом исследования выступает духовно-нравственная система воспитания. Предметом является духовно-нравственное воспитание как часть системы образования в разных странах.

Цель исследования – изучить опыт и способы включения духовно-нравственного воспитания в систему образования за рубежом.

Духовно-нравственное воспитание молодого поколения является одним из важнейших направлений системы образования. От того, что вложить в детей сейчас, зависит будущее их и всего общества.

Истоком традиционных духовных ценностей в любой стране выступают религиозные представления, которые сами по себе представляют наиболее устойчивые мировоззренческие ценности. В итоге сегодня существует две системы духовно-нравственного воспитания в государственных школах: обязательная, в которой занятия по религии преподаются всем, и факультативная, при которой родители должны самостоятельно записать ребенка на подобные уроки, если они того хотят. Таким образом, законодательство любой страны опирается на эти концепции. Например, в США и Франции распространена факультативная система [2, 3].

Разберем методику работы с духовно-нравственным воспитанием в Европе, начав с Франции. Жители этой страны считают нравственное формирование личности индивида одной из важнейших задач. Тенденции гуманного воспитания, самостоятельности играют главенствующую роль. Например, здесь распространена методика тесного сотрудничества педагога, студента, и его родителей. Школы и университеты уделяют много времени созданию коллективных мероприятий, которые положительно влияют на обучающихся, создавая радостную атмосферу. Также в общую образовательную программу французы включили дисциплины, связанные с природоохранительной, антиалкогольной, антинаркотической и сексообразовательной направленностью, что позволяет подрастающему поколению четко осознавать вред или пользу того или иного действия. Необходимо также отметить и то, что создается с потребностями текущего времени. Из-за большого количества мигрантов на территории страны министерство образования Франции включило в список для изучения поликультурные темы для воспитания в рамках международного взаимопонимания [6, с. 76].

В Германии также, как и во Франции, в систему образования встроена методика коллективных форм взаимодействия, где субъектами выступают педагог, студент и его родители. Учитывая использование такой технологии двумя странами, можно сделать вывод о ее положительных результатах. Также в Германии в рамках школьной программы педагоги отдельно проводят занятия по нравственному воспитанию. Неизменно важное значение здесь играет и религия. Одним из интересных предметов в школьной системе образования можно считать «уроки счастья». Это пилотный проект, реализуемых в нескольких школах. В одной из них предмет преподает детям директор, обучая их искусству счастья и полной гармонии с собой и окружающими [6, с.77].

Что же насчет другой страны – Великобритании? В рамках доклада Национальной комиссии по образованию сказано, что «национальная система образования должна передавать молодым нравственные ценности: уважение к другим, забота о людях, чувство долга перед обществом, честность и культурное наследие» [6, с.78]. Здесь уже на протяжении нескольких веков действует тьюторская система образования – психолого-педагогическое сопровождение, заключающееся в помощи обучающимся в выявлении способностей, определении перспектив роста и борьбе с некоторыми проблемами. Другая сторона духовно-нравственного воспитания – обучение в религиозных школах, в которых обучение начинается с пяти лет. В таких школах раз в неделю проходят обязательные для всех собрания, так называемые ассамблеи. Мероприятие имеет как духовное, так и социальное значение. Ассамблеи начинаются с пения гимнов, это объединяет всех учеников и преподавателей, позволяя каждому почувствовать себя частью сообщества. Далее один из учителей произносит речь, похожую на проповедь, и, отталкиваясь от какой-либо библейской истории, он объясняет те или иные духовно-нравственные ценности [7].

Как одной из наиболее полно сформированных систем духовно-нравственного воспитания в школах рассматривают опыт Японии. В рамках учебного процесса школьники здесь изучают предмет под названием «Нравственное воспитание». Для каждого возраста японцы разработали целый комплекс тем в зависимости от целей и задач:

- Для 1 и 2 классов преподают «Обучение основным правилам поведения»;
- 3 и 4 классы изучают «Соблюдение норм общественного поведения в повседневной жизни»;
- «Как быть полезным обществу» рассказывают ученикам 5 и 6 классов;
- Для обязательной средней школы I ступени – «Об осознании необходимости вести достойную жизнь».

Еще один предмет, включенный в учебную программу, – «Моральное воспитание». На нем ученики должны усвоить навыки жизни в коллективе. В качестве тем выбирают моральные и нравственные вопросы, поведение и дисциплину на уроках, проблемы взаимопомощи и другие. Для развития чувства патриотизма японские педагоги разработали систему, по которой ученики могут поехать в отдаленные уголки Японии: чем старше, тем дальше от дома они уезжают. Это помогает им глубже изучить историю родной страны [4].

Помимо перечисленных тем сегодня важно изучать и основы здорового образа жизни. Интересный подход был разработан в США. Для начала следует сказать, что американские педагоги основной своей целью считают развитие самодисциплины в своих учениках, а также независимости, критичности мышления и ответственности. Для них важно воспитать у учеников умение работать в команде отстаивать свою точку зрения и мыслить аналитически. Возвращаясь к теме здорового образа жизни, скажем, что в США

это понятие рассматривают гораздо шире: разговоры на уроках ЗОЖа не ограничиваются запретом плохих привычек. Здесь акцент делают на достижение личного благополучия. Например, ученицам The Windsor School рассказывают, как спортивные тренировки влияют на организм, как безопасно пользоваться интернетом, справляться со стрессом и спокойно относиться к критике. Во Fryeburg Academy школьникам помогают понять, в чем причина психологических проблем и как разрешать межличностные конфликты. Дети учатся лучше понимать свои чувства и эмоции, а стеснительным ребятам становится проще найти друзей [1].

Поднимая тему экологичного мышления как одной из важных тем духовно-нравственного воспитания, важно сказать об опыте Финляндии и Швеции. В обеих странах занятия об экологии включены в учебную программу и являются обязательными. В Финляндии эти уроки преподает Roskissalle («мусорый медвежонок») – он на протяжении десяти лет рассказывает детям обо всех тонкостях процесса утилизации. В Швеции существует практика «лесных школ»: это уроки, которые проводят непосредственно на природе. В программу таких занятий входят экологические игры, основной целью которых является эмоциональное восприятие природы [5].

Подводя итог, можно сделать следующий вывод проведенного исследования: в духовно-нравственном воспитании молодого поколения каждой страны есть свои особенности. Они исходят из исторического прошлого страны, приоритетов ее политики. Одними из наиболее популярных методик, включенных в систему образования, были выделены следующие: совместные формы работы (студент, родители, педагог), специальные занятия в рамках учебной программы и непосредственная практика. Таким образом, каждая страна несет свой подход в вопросе духовно-нравственного воспитания молодых людей.

Литература

1. Захарьин А.С. Популяризация здорового образа жизни среди молодежи через развитие физкультуры и спорта в англоязычных странах // Сборник всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова 2020. С. 65-73.
2. Костюкова Т.А. Традиционные духовные ценности и современная образовательная практика // Актуальные аспекты современной педагогической науки. 2011. 13 (115). С. 141–144.
3. Костюкова Т.А., Шульгин А. Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (100). С. 25-30.
4. Мазевская А.Е. Школа как механизм формирования нравственной личности (на примере школьного образования в Японии) // Педагогическое образование в России. 2017. 3. С. 52-56.
5. Романова С.А., Кочетов А.Е. Экологическое воспитание в странах Евросоюза // Духовная сфера общества. 2017. 14. С. 138-144.
6. Скрынников Н.П. Вопросы духовно-нравственного воспитания молодежи в странах Западной Европы // Наука, техника и образование. 2019. С. 76-80.
7. Челнокова Е.А., Тюмасева З.И. Тьюторская система в образовательной практике Великобритании // Вестник Мининского университета. 2019. 7 (2). С. 10-23.

Оглезнева В. С.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Значение духовно-нравственного воспитания молодежи The value of spiritual and moral education of youth

Современные исследователи констатируют, что современному молодому поколению характерен низкий уровень знания истории своей страны, свойственно слабое представление о духовно-нравственной культуре своего народа и примерах из минувшего исторического прошлого своей Родины. К сожалению, для нынешней молодёжи так же характерно параллельное существование двойного стандарта поведения, «нравственная глухота» [3, 4].

Сложный процесс духовно-нравственного воспитания является неотъемлемой частью процесса воспитания. Цели и задачи воспитания определяются общепринятыми национальными ценностями, культурой, традициями конкретного общества, зависят от менталитета страны, в которой проживает человек и формируют конкретное направление, в зависимости от того, как организована их передача от одного поколения к другому. Однако возможно ли определить, какие социальные отношения выстраиваются в современном обществе? Условия жизни современного молодого поколения сложны и противоречивы. Потоки ежедневной негативной информации захлестывают неокрепшую психику молодежи. Неконтролируемое влияние средств СМИ на ее сознание приводит к непредсказуемым последствиям. Современная молодежь характеризуется волевым характером и духовной незрелостью. В связи с этим, можно сделать некий вывод о том, что современная молодежь пребывает в состоянии духовной депрессии [3].

Духовно-нравственное воспитание и развитие человека как личности является одной из основных задач реализации стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года, а также стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года. Развитие творческого потенциала и возможностей реализации в культуре, соблюдение прав и свобод, саморазвитие, качество труда – данные факторы зависят от принятия человеком общенациональных и общечеловеческих ценностей и принципов, а также следованием им в повседневной жизни.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации «Об образовании» была разработана «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», которая представляет собой ценностно-нормативную основу взаимодействия общеобразовательных учреждений с другими субъектами социализации — семьёй, общественными организациями, религиозными объединениями, учреждениями дополнительного образования, культуры и спорта, средствами массовой информации. Целью этого взаимодействия является совместное обеспечение условий для духовно-нравственного развития и воспитания, обучающихся [1].

Вопросы духовно-нравственного воспитания, исследуемые с точки зрения формирования сознания и преобразования личности посредством усвоения общечеловеческих, духовных, нравственных и культурных ценностей, в первую очередь,

подразумевают духовное совершенствование личности, где нравственность выступает неотъемлемым условием дальнейшего саморазвития и самосовершенствования [2, 3].

«Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» формулирует социальный заказ современной общеобразовательной и высшей школе как определённую систему общих педагогических требований, соответствие которым обеспечит эффективное участие образования в решении важнейших общенациональных задач. Духовно-нравственное воспитание и развитие учащихся является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа для образования.

Весьма важно сегодня формировать такую студенческую молодёжь, которая понимает свои возможности, может принимать правильные решения, находить свой путь в новом окружении, умеет устанавливать коммуникативные отношения в быстро меняющейся реальности, способна к самореализации через готовность к непрерывному самообразованию. Значит, следует последовательно формировать у студентов личностные и коммуникативные качества, такие как эмоциональный интеллект, саморазвитие и дисциплина.

В студенческом возрасте интенсивно формируются мировоззрение и нравственные убеждения, т.е. данный возрастной этап является сенситивными с точки зрения формирования личностной зрелости. Поэтому в этот период необходимо продумывать и планомерно реализовывать целостную систему духовно-нравственного воспитания в молодежной среде.

Педагогическое воздействие должно носить системный и научно-обоснованный характер, в образовательном процессе вуза должны быть представлены разнообразные формы работы по развитию духовно-нравственной зрелости студентов. Выявление и развитие способностей студентов осуществляется в процессе деятельностного подхода в организации духовно-нравственных мероприятий с использованием современных технологий: деловая игра, дебаты, мастер-класс, проектная работа, исследовательская деятельность.

Молодое поколение вправе распоряжаться своей судьбой. Но ему нельзя позволить неосознанно подходить к этому процессу. Безусловно, молодёжь должна идти по пути духовно-нравственного развития. Задача же общества и, в первую очередь, системы образования направить молодое поколение в нужное русло, способное сформировать доминирующие, нравственные приоритеты развития в социуме. Способствовать развитию элементов духовно-нравственного мира стоит начинать с детства. Нравственные установки молодых людей нужно формировать системно, но при этом предоставляя право выбора. Оказывать влияние можно положительным поступком, поведением, беседой с разъяснением, используя воздействие культуры и окружающей природы, и, самое важное, силой воздействия примера родителей.

Таким образом, анализ литературы и включенное наблюдение за процессами в молодежной среде позволяют утверждать, что в воспитании современной молодежи стоит придерживаться следующих рекомендаций:

- создавать ориентацию на духовно-нравственное развитие личности;
- учитывать возрастные и индивидуальные особенности индивида;
- помогать овладевать общечеловеческими нормами и традиционными ценностями, формировать внутреннюю систему нравственных регуляторов поведения;
- строить отношения не на порицании негативных качеств личности, а на поддержке положительных индивидуальных черт и качеств характера, которые ей присущи;

- актуализировать принадлежность индивида к определенной культуре и содействовать приобретению им ценностей и черт данной культуры.

Таким образом, современное духовно-нравственное воспитание личности должно формировать традиционные ценности и навыки для дальнейшей успешной жизни молодежи в обществе. Молодые люди, получающие документ об образовании, должны быть готовы к личной ответственности за свое собственное благополучие и благополучие социума. Для этого им необходимо усвоить социальные нормы, навыки и практические умения, которые обеспечивают адаптацию в условиях меняющегося окружающего мира и социальную мобильность, способность к быстрой смене социальных, политических и экономических ролей.

Литература

1. Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Конда, В.А. Тишков. М.: Просвещение, 2009. 24 с.
2. Костюкова Т.А., Шульгин А. Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (100). С. 25-30.
3. Ключников, С.Ю. Путь к себе: Обретение духовной силы / С.Ю. Ключников. М.: Беловодье, 2003. 608с.
4. Табакаев, Ю.В. Реформаторский зуд и депрессия общественного сознания // Социальные процессы в современной Западной Сибири: сб. науч. трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. С.19-25.

УДК 378

Повинич А.Ю.

Аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Костюкова Т.А.

д-р пед. наук, профессор

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Формирование научной картины мира современного инженера Formation of a scientific picture of the world of a modern engineer

На сегодняшний день не только Россия, но и другие страны техногенной цивилизации переживают серьезный кризис в системе образования. Суть кризиса заключается в его дегуманизации и обезличивании. Особенно это характерно для технических вузов при подготовке научно-технических специалистов - инженерных кадров. Этот кризис порожден рыночным, коммерческим, утилитарно-прагматическим и технократическим подходом к техническому образованию. В настоящее время все чаще говорится о кризисе инженерии. Исследователи выделяют четыре области этого кризиса: поглощение инженерии нетрадиционным проектированием, резорбция инженерии технологией, осознание отрицательных последствий инженерной деятельности, кризис

традиционной научно-технической картины мира [5]. Совершенно очевидно, что сегодня требуется новая, неклассическая инженерия, носящая комплексный характер и имеющая социотехническую направленность. Современный инженер становится не просто техническим специалистом, решающим узкопрофессиональные задачи, а «инновационным инженером» - разработчиком. Его деятельность тесно связана с природной средой, основой жизни общества и с самим человеком.

Известно, что научная картина мира современного инженера изначально формируется в вузе. Очевидно, что ориентация современного инженера только на технические науки, естествознание и математику, которая формируется в техническом университете, не отвечает его подлинному месту в научно-техническом преобразовании современного общества.

В.С. Степин утверждает, что картина мира является теоретической моделью исследуемой реальности, и это особая модель, отличная от моделей, лежащих в основании конкретных теорий. Общая научная картина мира интегрирует наиболее важные достижения естественных, гуманитарных и технических наук — это достижения типа представлений о нестационарной Вселенной и Большом взрыве, о кварках и синергетических процессах, о генах, экосистемах и биосфере, об обществе как целостной системе. Вначале они развиваются как фундаментальные идеи и представления соответствующих дисциплинарных онтологий, а затем включаются в общую научную картину мира [8]. Таким образом, картина мира, образ сущего — не статичная копия, а аналог, модель мира, находящаяся в постоянном развитии, осваиваемый человеком в процессе его культурной, в том числе технической эволюции.

Общество XXI века характеризуется особой техносферой, влияющей на все процессы его развития и существования. Жизнь общества и человека невозможно представить вне техногенного мира, которую создают инженеры. Процессы технизации обусловили усиление социальной ответственности инженера как создателя технических проектов, удовлетворяющих потребности человека и общества.

В начале и середине XX столетия инженер был сосредоточен, в основном, на технической стороне своего проекта. Но уже тогда философы задумывались о результатах использования технических средств и технологий. В философии техники Э. Каппа, П. Энгельмейера, Н. Бердяева, Т. Адорно, Э. Тоффлера сущность техники рассматривается в тесной связи с пониманием сущности человека. Инженер и философ техники Петр Энгельмейер размышлял о необходимости философского знания для инженера: «... инженеры по недостатку общего умственного развития, сами ничего не знают и знать не хотят о культурном значении своей профессии и считают за бесполезную трату времени рассуждения об этих вещах... Отсюда возникает задача перед самими инженерами: внутри собственной среды повысить умственное развитие и проникнуться на основании исторических и социологических данных всею важностью своей профессии в современном государстве» [11].

В работе «О технике и гуманизме» Теодор Адорно поднимает проблему ответственности техников за плоды своего труда, подчеркивает необходимость приобщения техников к философии техники [1]. Н. Бердяев в статье «Человек и машина» ставит вопрос о технике как вопрос о судьбе человека и судьбе культуры. По мнению Николая Бердяева, техника может стать для человека главным содержанием и целью жизни, и тогда она получает свой духовный смысл. Но в этом случае замена жизненных целей человека техническими средствами может означать угашение духа. Вопрос техники неизбежно делается духовным вопросом. От этого зависит судьба человечества.

Деятель гуманистического движения, американский философ Пол Куртц рассматривает «ответственность» в трех смыслах: надежность, подотчетность того или

иного лица, ответственность перед самим собой. «Зрелая личность будет осознавать ответственность за сохранение и увеличение своего собственного бытия и будет стараться быть здоровой и мудрой», – считает Куртц [7]. По мнению ученого, ответственность перед самим собой неразрывно связана с ответственностью перед другими.

Немецкий философ Эрих Фромм утверждал, что «главная жизненная задача человека – дать жизнь самому себе, стать тем, чем он является потенциально. Самый важный плод его усилий – его собственная личность» [7]. Поэтому профессионал в сфере инженерного дела должен быть способен развиваться всю жизнь и сознательно принимать инженерные решения.

Переживаемый в настоящее время глобальный кризис является кризисом самого технологического отношения к миру, и поэтому, ограничиваясь технологическими средствами, преодолеть его невозможно. Сегодня как никогда актуально звучат слова академика В.И. Вернадского «Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?». На сегодняшний день существует необходимость фундаментального изменения нашего мышления и восприятия, радикального пересмотра моральных и метафизических парадигм [9]. В связи с этим актуален вопрос о формировании иного научного мировоззренческого кругозора современного инженера. На вопрос: нужен ли инженеру широкий мировоззренческий кругозор? очевиден ответ: без развития культуры ума, мировоззрения гуманитарного образования, происходит «великое культурное одичание» [3].

Петр Щедровицкий отмечает, что будущих инженеров «учить надо только технологии мышления, а все остальное приложится» [6]. Выполнению этой задачи способствует изучение философии. Именно благодаря философским взглядам на мир, у человека формируется культура разумного мышления, которая заключается в способности видеть вещи и явления во взаимосвязи с другими и тем самым определять истоки их возникновения, а также закономерности функционирования, перспективы развития. «Философия не является одной из наук или каким-то занятием и ремеслом. Это основа, на которой строятся все науки, все ремесла, все политические системы, все занятия вообще... Занятие философией – это и есть свойство полноценного человека» [2].

На сегодняшний день объем гуманитарной подготовки в технических вузах не сопоставим ни с задачами формирования картины мира, ни с задачами системности и общности этой картины, потому что технические университеты дают во многом случайные знания по психологии, социологии и так далее – по принципу «у кого что «болит». К сожалению, вопрос о том, какова принципиальная структура этой картины мира, сегодня на уровне вузовского технического образования не поставлен [6].

Часто гуманитаризация технического образования рассматривается примитивно – как механическое введение в учебные планы дополнительных гуманитарных дисциплин, увеличение аудиторных часов на их изучение. Между тем, гуманитаризация технического образования – это процесс создания определенной социально-культурной среды профессиональной подготовки и жизнедеятельности инженерных кадров на основе изменения общественных структур и социально-культурных факторов, которые обеспечивают развитие человека как творческой личности. Это своего рода «очеловечивание» образования, так как гуманитаризация призвана транслировать человекознание, формируя мировоззрение. Цель гуманитаризации – создание условий для формирования инженера, *обладающего* гуманистическим мировоззрением, обуславливающим социально-нравственный смысл его профессиональной деятельности;

целостной ориентацией в ситуации инженерной практики; способностью к гуманитарной экспертизе и прогнозу социокультурных последствий инженерных решений.

Необходимо отметить, что существует проблема интеграции процесса обучения в техническом вузе, где «лоскутность» образовательного пространства проявляется в недостаточной согласованности содержания, отсутствии четко сформулированных образовательных целей каждого этапа. Отсюда современное техническое образование должно базироваться на системном синтезе дисциплин всех циклов обучения, что позволит наиболее эффективно формировать у будущих инженеров единую целостную картину мира [10]. Современный инженер призван являться творческой личностью, поэтому тема искусства значима в его профессиональной подготовке. Не случайно, что немало инженеров-авиаконструкторов были известны своими художественными, музыкальными, литературными произведениями. «Живописец должен пытаться быть универсальным», - как указывал Леонардо да Винчи [цит. по 4].

Исходя из этого, искусство служит одним из основных средств нравственного воспитания человека. Такое воспитание, конечно, является одной из непростых задач деятельности университетов, в том числе технического направления. Решается эта задача путем внедрения в образовательную программу гуманитарных наук, дающих базовые понятия о ценностях современного мира, различных направлениях искусства. Искусство очищает человеческое сознание от ежедневных стандартных шаблонов, способствуя, в значительной степени, зарождению новых идей [4]. Оно является средством развития креативных способностей, художественного целостного видения явлений, способствует формированию научной картины мира у инженера.

Итак, проведя анализ научной литературы, посвященной проблеме формирования научной картины мира современного инженера, мы приходим к выводу о том, что в условиях глобального кризиса востребована новая, неклассическая инженерия, носящая комплексный характер и имеющая социотехническую направленность. Отсюда необходима разработка новых подходов к инженерному образованию, в том числе в контексте развития гуманитарной культуры, ориентированной на воспитание специалистов, умеющих творчески мыслить и действовать. Решающим фактором при этом является способность специалиста-инженера интериоризировать информацию, находящуюся далеко за пределами его личного опыта. Только так образованные специалисты, инженеры-интеллектуалы, могут не только начать инновационные процессы, столь необходимые обществу, но и завершить их с пользой для человечества, не останавливаясь на достигнутом инженерно-техническом уровне.

Литература

1. Адорно Т.О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 364–371.
2. Александр Дугин: Занятие философией — свойство полноценного человека. URL: <https://izborsk-club.ru/16127> (дата обращения: 21.01.2022).
3. Дашкевич В.С. Великое культурное одичание. М.: Russian CHESS House, 2013. 720 с.
4. Малая Е.В., Воронков Д.С. Роль искусства в жизни инженера // Colloquium – journal. 2021. №13–1(100). С. 38–40.
5. Орешников И.М. Культурно-гуманистическая парадигма инженерно-технического образования // История и педагогика естествознания. 2015. №4. С. 9–12.
6. П.Г. Щедровицкий: «Подготовка инженеров. 7 принципов». URL: <https://shchedrovitskiy.com/подготовка-инженеров> (дата обращения: 21.01.2022).

7. Соболева Е.И. Аксиологические основания профессиональной подготовки будущего инженера // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, №2(31). С. 284–289.
8. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
9. Черникова И.В. Философия и история науки: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.
10. Штагер Е.В. Концептуальные основы комплексного моделирования целостной системы инженерной подготовки // Инженерный вестник Дона. 2020. URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2020/6375> (дата обращения: 21.01.2022).
11. Энгельмейер П. Философия техники. М.: Лань, 2013. – 93 с.

УДК 267.6

Полтавец Д.А.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Роль православных молодёжных клубов в духовно-нравственном просвещении молодежи

The role of orthodox youth clubs' in the spiritual and moral enlightenment of young people

Актуальность темы исследования духовно-нравственного просвещения молодежи определяется ситуацией сегодняшнего времени. Преобразования, которые произошли во всех сферах российского общества за последние десятилетия, повлияли на процесс становления духовной культуры молодого поколения, снижение уровня нравственности, увеличение молодежной преступности и др. В разрешении данной кризисной ситуации в обществе принимают участие различные социальные институты, в том числе молодежные объединения Русской Православной Церкви.

Целью исследования является выявление основных принципов и направлений деятельности православных молодежных клубов и их влияния на духовно-нравственное просвещение молодежи.

Русской Православной Церковью предложена концепция социализации и духовного воспитания поколения молодежи, обеспечивающая стратегические задачи становления общенационального сознания и самосознания, ценностно-мировоззренческих позиций, общих гражданских качеств и патриотизма, направленных на формирование духовной культуры современной молодежи. Рассматривая общие векторы развития церкви и государства в сфере духовно-нравственного воспитания молодёжи, необходимо отметить федеральные законы и концепции, поддерживающие, охраняющие и развивающие молодежные инициативы. Стоит упомянуть основные документы: Федеральный закон «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений» [15], Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [17], «Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего общего образования» [16], «Концепция духовно нравственного развития и воспитания личности гражданина России»

[5], «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [13].

Проблема духовно-нравственного развития молодых людей при содействии молодежных организаций заслуживает отдельного исследовательского внимания. Важность данной темы подчеркивают многие современные российские педагоги - Капцова А.В. [5, с. 31-40], Костюкова Т.А. [6, с. 25-30] и др., также философы Задворнова А.Н. [2, с. 96-102], Мазилев В.И. [9, с.221-232], [А. С. Запесоцкий [3, с. 134-142], профессор-богослов А. И. Осипов [11, с. 23-35].

Одной из самых важных задач, стоящих перед молодёжной политикой Русской Православной Церкви, является основание и развитие молодежных православных клубов **по интересам с целью приобщения молодежи к духовно-нравственным ценностям в комфортных условиях для проведения их досуга** [12].

На это обратил внимание Патриарх Кирилл, подчеркнув, что первоначальная миссия церкви – просветительская работа среди молодых людей. Причём, необязательно воцерковлённых, но в первую очередь малоцерковных, малорелигиозных молодых людей. В результате действий, которые предпринимаются в данный момент (выделение грантов, организация конкурсов, выставок, волонтерской деятельности и т.п.), результативность молодежной работы на приходах радикально изменяется: как показывают наблюдения и беседы, молодежь является особенно благоприятной почвой для рассеивания христианских ценностей, прежде всего, носящих духовно-нравственный характер [4].

Как показывает практика работы православных клубов, более интересными организационно-педагогическими формами для подростков и молодежи являются дискуссии, волонтерская деятельность, дебаты, спортивные состязания, акции, флешмобы. Но работа клубов не всегда построена лишь на интересах молодежи, так как необходимо не только учитывать культурные предпочтения молодых людей, но и уметь вовремя отвечать на них, предлагая новые виды досуга и варианты планов на будущее. Соответственно, очень важно уделять особое внимание подготовке молодежных лидеров, формированию культурной среды, и не только для молодежи, но и для всех прихожан. В настоящее время в процессе деятельности Русской Православной Церкви возникла система организаций, участвующих в формировании молодежной работы.

Так, при главном монастыре России, Троице-Сергиевой Лавре, уже много лет существует военно-патриотический клуб - детский центр образования «Пересвет» [8]. Центр ежегодно организует открытое первенство России среди православных военно-патриотических клубов по русскому рукопашному бою. Ежегодно проводятся межрегиональный учебный полевой лагерный сбор православных военно-патриотических клубов, зимний полевой выход по местам боевой славы, поисковые работы «Вахта памяти», походы на шхуне «Гангут» и другие мероприятия [1].

Успешным примером является Санкт-Петербургский православный молодежный клуб «Чайка», объединивший молодых людей, прихожан храма Иоанновского монастыря на Петроградской стороне. Духовно-просветительская деятельность заключается в следующем: проповедь в молодежной среде посредством выступлений священников в помещении клуба и подготовки докладов по интересным аудитории темам [7]; проведение духовных бесед с людьми в социальных учреждениях, где участники клуба несут свое социальное служение нуждающимся в помощи пожилым прихожанам, санитарная помощь в больницах, организация досуга православной молодежи, паломнических поездок к святыням Православной Церкви участников клуба [12].

Синодальным отделом московского патриархата ежегодно готовятся и издаются методические пособия и указания для тех, кто отвечает за молодежную работу на приходах; обобщается опыт построения такой деятельности в епархиях. Есть надежда, что

эти шаги приведут к тому, что молодежная работа в Церкви приобретет более организованный, системный характер, увеличивая свою эффективность на приходах.

В последние годы в Томске, как и во всей Сибири, получил развитие новый вектор - миссионерское движение молодежи. Ежегодно проводится сибирский молодежный миссионерский съезд, молодежные миссионерские слеты. Одним из центральных событий года является проведение летнего молодежного крестного хода «По стопам алтайских миссионеров». Поэтому тема молодежной миссии с каждым годом становится все более актуальной для нашего региона. Конечно же, все это приводит к развитию различных форматов — в том числе и к созданию миссионерских мобильных групп, целью которых является проповедь в отдаленных селах и деревнях, а также расширение краеведческих знаний у молодежи. С 5 по 8 марта 2021 года в Томске проходил I Съезд православной молодежи Сибири, на который собрались лидеры православных объединений и молодые специалисты отделов по делам молодёжи сибирских епархий [14]. В течение четырёх дней было проведено большое количество мероприятий. Среди них молодёжная дискуссия «Православная молодёжь и современный мир», конкурс лучших молодёжных проектов сибирских епархий, авторские мастер-классы по изучению Священного Писания, миссионерская молодёжная Литургия и проектный семинар по подготовке заявок молодёжных проектов для участия в грантах [13].

Итак, целью исследования являлось выявление основных принципов и направлений деятельности православных молодежных объединений и их влияние на духовно-нравственное развитие молодежи. Проведенное исследование показало, что таковыми принципами являются, во-первых, добровольность участия, индивидуальный подход, гибкость форм деятельности; во-вторых, сегодня крайне необходимы клубы общения и диалога, разного рода встречи и дискуссии, свободные беседы с ответами на вопросы, волнующие молодых людей. Помимо вовлечения молодежи в богослужебную, образовательную или социальную работу прихода очень полезным, как показывает опыт, является вовлечение молодежи в просветительскую работу. Существующее множество видов используемых технологий, их многоуровневый характер и различия в частоте применения - доказывает реальность инструментов духовно-нравственного воспитания и развития, осуществляемого в различных типах групп и на разных уровнях управления. В то же время большое значение имеют не строго определенные механические методы, а гибкая реакция, дающая возможность использовать различные варианты.

Литература

1. Вахта памяти. Акция «Поздравь ветерана» от 21.06.2020 г. URL: <https://nsportal.ru/group/vakhta-pamyati> (Дата обращения: 25.12.2021).
2. Задворнов А.Н. «Духовно-нравственное развитие молодежи в эпоху постчеловека». Задворнов А.Н., статья в журнале 96-102, г. Набережные Челны, 2016 URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1989522595/Капцов_Kolesnikova.pdf
3. Запесоцкий А. С. «Мировое развитие как процесс развития культуры: к вопросу о формировании нового видения человеческой деятельности» Запесоцкий А.С. - 2007: 15 страниц: 134-142 – URL: <https://culture.wikireading.ru/74821>
4. «Концепция духовно нравственного развития и воспитания личности гражданина России». Правовой документ 2021. URL: www.light.orthodoxy.ru]. (Дата обращения: 25.12.2021).
5. Капцова А.В. «Личностные и средовые аспекты духовности молодежи» Капцова А.В. кандидат технических наук, доцент, Самарская гуманитарная академия, г. Самара, статья в журнале, 2016 год, страницы: 31-40 – URL:

https://kpfu.ru/portal/docs/F1989522595/Карцов_Kolesnikova.pdf

6. Костюкова Т.А., Шульгин А. Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации //Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (100). С. 25-30.
7. Молодежный православный клуб «Чайка». URL: <http://www.chayka.org.ru/> (Дата обращения: 25.12.2021).
8. Молодежный православный клуб «Пересвет». URL: <https://uvar-eparhia.ru/index.php/2019/04/fizicheskoe-i-duhovnoe-sovershenstvovanie-molodezhi-v-pravoslavnom-bortsovskom-klube-peresvet/> (Дата обращения: 25.12.2021).
9. Мазилев В.И. «Методологические проблемы воспитания свободного человека» статья в журнале 2016, страницы: 221-232 URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1164630196/Mazilov.V.pdf>
10. Мазилев В.И. «Духовно-нравственное развитие молодежи: методолого-психологические проблемы (проблема факта)» статья в журнале, год: 2016 страницы: 232-242. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F860630145/_5_72_.2016.pdf
11. Осипов А. И. «Нравственность и духовность». А. И. Осипов, статья в журнале, год: 12.08.2013, страницы: 23-35 – URL <https://omiliya.org/article/nravstvennost-i->
12. Организация досуга и свободного времени молодежи. Мысли, предложения, перспективы. URL: <https://www.km.ru/glavnoe/2008/05/31/tsitata/ieromonakh-serafim-petrovskii-zamestitel-predsdatelya-otdela-po-dela-mo> (Дата обращения: 25.12.2021).
13. «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Распоряжение от 29 мая 2015 г. № 996-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (Дата обращения: 25.12.2021).
14. Учредитель Томская епархия Русской Православной Церкви. Томск, 15. 03. 2020 URL: https://sluzhenie.tomsk.ru/?page_id=530 (Дата обращения: 25.12.2021)
15. Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских объединений». Федеральный закон №478-ФЗ с изм. на 28 декабря 2016 года // Электронный фонд правовых документов 2021. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9012158> (Дата обращения: 25.12.2021).
16. Федеральный стандарт «Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего общего образования». Федеральный стандарт. от 5 марта 2004 г. N 1089 // Электронный фонд правовых документов 2021.URL: <https://base.garant.ru/6150599/> (Дата обращения: 09.05.2021).
17. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Электронный фонд правовых документов 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/48b9101fff215f3aeb122d86593a129a34d96d3c/ (Дата обращения: 25.12.2021).

Раецкая Е.А.

Магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Сопровождение молодых родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья в контексте инклюзивной культуры образовательной организации

Accompanying young parents raising children with disabilities in the context of an inclusive culture of an educational organization

Проблематика сопровождения молодой семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), носит общепризнанный характер. Обусловленность возрастающим количеством детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе имеющих коморбидную (сложную структуру дефекта – сочетание двух и более нарушений развития), а также законодательным закреплением их права на получение образования в разных формах, в том числе, совместно с нормосомными сверстниками, комплексный подход организации ранней помощи молодой семье обнаруживает непреложную необходимость исследования данной проблемы. В настоящее время в динамике состояния здоровья детского населения наметилось множество неблагоприятных тенденций, среди которых повышение частоты врожденных и наследственных заболеваний; высокий удельный вес детей, рожденных с травмами и патологией центральной нервной системы; прогрессирующий рост хронических заболеваний и как результат – повышение общего числа детей с ограниченными возможностями здоровья [6, с. 174].

В связи с этим, особое значение приобретает организация взаимодействия специалистов с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья, а также степень самоидентификации молодого родителя. Особенно важна всесторонняя поддержка и взаимодействие с семьей, являющейся молодой, поскольку, помимо идентичных всем молодым семьям проблем, такая семья нуждается в индивидуализации подхода, особом сопровождении, основанном на скрупулезном подборе формы работы с каждым из родителей. Перспективы решения данной проблемы связаны с переосмыслением обществом и государством своего отношения к лицам с ОВЗ, с признанием их равенства их прав и осознанием необходимости обеспечения равных возможностей, направленных на улучшение качества жизни и успешную социализацию.

На макроуровне процесс многогранного сопровождения молодых родителей детей с ОВЗ требует вовлечения широкой массы людей, прежде всего, общественных и политических деятелей, специалистов в области педагогических и психологических наук, СМИ, а знания о природе и важной роли родительства должны стать общественным мнением и создавать мотивацию к его созидательной форме [6, с. 174]. Микроуровень предполагает точечный, адресный подход, основанный, как и любое сопровождение, на входных данных, обеспечить информативность которых может обосновываться на проведении качественного и количественного анализа определенных аспектов данной тематики исследования.

Самоидентификация молодого родителя окружена проблематикой социально-личностного характера, тем важнее обличение данного аспекта в отношении родителей с

детьми с ОВЗ, поскольку он имеет специфику содержания и интерпретации. Развитие семьи, наполнение ее самооценностью, претерпевающее трудности на этапе формирования, раскрывается по-новому при возникновении трудных обстоятельств, связанных с состоянием здоровья ребенка. В данном контексте по-новому проявляются семейные ценности (появляются новые, нивелируются пришедшие из нуклеарной семьи родителя), раскрывается личностный потенциал, формируются новые компетенции, направленные как на поддержание жизнеспособности ребенка, так и на его развитие в рамках нозологии. На данном этапе происходит самооценка личностного потенциала родителя в отношении ребенка, его потребностей и возможностей. Зачастую родители остаются один на один с имеющимися проблемами, не находя должного и всеобъемлющего сопровождения, что отрицательно влияет на психологический комфорт каждого члена молодой семьи с ребенком с ОВЗ. Данное обстоятельство, безусловно, отражается на самоидентификации молодого родителя, а возникающие трудности могут способствовать негативизации личности, либо асоциализации семьи [4, с. 189].

Реализация инклюзивного образования предполагает сотрудничество разных специалистов образовательной организации, сетевых партнеров и родителей для достижения индивидуализации процесса обучения ребенка с ОВЗ, построения индивидуального образовательного маршрута [2, с.124], в том числе посредством организации инклюзивного пространства.

Одним из немаловажных аспектов является формирование инклюзивной культуры, предполагающей реализацию комплекса ценностей и принципов, направленных на обеспечение толерантности особого рода, которая может быть достигнута лишь планомерной системой нравственного воспитания общества, формированием, пропагандой, распространением инклюзивной культуры [3, с. 417]. Комплексный подход предполагает мультидисциплинарную научно-практическую деятельность специалистов, сопровождающих семью в целях эффективной интеграции детей с ограниченными образовательными потребностями в образовательный процесс на условиях непрерывного специального психолого-педагогического сопровождения. Данное сопровождение предполагает индивидуальный подход с учетом совокупности возможностей и способностей ребенка; включенности семьи и нормотипичных детей; корпуса педагогов, взаимодействующих на основе междисциплинарного взаимодействия в условиях формирования инклюзивной образовательной среды, исключения стигматизации в отношении детей с ОВЗ и их семей.

Актуальными вопросами в период формирования инклюзивной культуры становится участие в данном процессе образовательной организации, осуществляющей образовательный процесс ребенка с ОВЗ на основании нормативных актов и рекомендаций специалистов в отношении имеющейся нозологии. Включение образовательной организации в структуру сопровождения семьи должно происходить на каждой ступени образования. Становление и развитие образовательной организации любого уровня, как обладающей инклюзивной культурой, носящей приоритетный характер концепции функционирования, сопровождается многочисленными процессами, направленными на реализацию синергетического подхода реализации принципов сотрудничества и сопричастности, разнообразия детства и подросткового равноправия. В осуществление данного подхода включаются все заинтересованные лица: администрация образовательной организации; педагоги и специалисты; семья, имеющая ребенка с ОВЗ. Только на условии равноправного и плодотворного взаимодействия в рамках инклюзивной культуры, представляется возможным обеспечение сопровождения воспитанников с ограниченными образовательными потребностями [4, с. 191].

Необходимо выделить основные аспекты, составляющие комплексные характеристики инклюзивной культуры, формируемой в условиях образовательной организации:

- междисциплинарное взаимодействие (реализация комплексного подхода в психолого-педагогическом и коррекционно-развивающем сопровождении, формировании навыков самообслуживания и социализации детей с ОВЗ);
- подготовка кадрового состава образовательной организации (осуществление как обучения специалистов и персонала, так и формирования общей культуры в отношении употребления терминологии и корректного подхода в общении с семьей);
- толерантность окружающих (просветительская работа с социумом, родительской общественностью, кадровым составом, сверстниками, по формированию культуры общения и мотивационных установок в отношении инклюзивного образования);
- организация условий для безбарьерного взаимодействия детей с ОВЗ и нормотипичными сверстниками (привитие дружеских взаимоотношений, формирование опыта социальных контактов, создание ситуации взаимопомощи);
- информационно-просветительская деятельность в работе с семьями (социально-психологическая помощь, коррекция родительских установок, консультирование родителей по вопросам организации развивающей и социализирующей среды в домашних условиях, установление сетевого взаимодействия);
- формирование конструктивных ценностей семьи ребенка с ОВЗ как реабилитационной структуры (изменение образа жизни, расширение круга социальных контактов, владение адекватными способами взаимодействия с ребенком, становление внутреннего реабилитационного потенциала семьи);
- разработка программы сопровождения семьи с ребенком с ограниченными возможностями здоровья (с учетом исследований, показывающих не только низкую осведомленность родителей о формах помощи своему ребенку и нередко – отсутствие стремления участвовать в его коррекции, но и возможные деформации семейного воспитания и семейных отношений) [5, с. 117].

В целях организации эффективного психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ и их родителей на основе инклюзивной образовательной культуры, формируется мотивирующая составляющая всех субъектов образовательных отношений. Данный процесс является сложным и многоуровневым, основанным на комплексном подходе и направленным на успешную социализацию и адаптацию детей с ОВЗ. Организованное с помощью программ адаптации, помощи и поддержки, инклюзивное образование не только улучшает качество жизни детей с нарушениями в развитии, но и несет отсроченный эффект впоследствии, направленный на самореализацию подростков с ОВЗ в различных сферах деятельности, организацию их труда [4, с. 192].

Сложно переоценить влияние инклюзивного образования на общество: повышается уровень толерантности и терпимости; типично развивающиеся сверстники, у которых есть возможность играть и учиться вместе с особенными детьми, растут более ответственными, учатся взаимопомощи [1, с.11].

Подводя итог, отметим, что организация сопровождения молодой семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья – процесс неотъемлемый и приоритетный, не возникающий спонтанно, требующий тщательно проработанного и многогранного подхода в реализации. Эффективным аспектом реализации данной стратегии выступает гуманистическая идея, характеризующаяся исключением дискриминационного подхода, обеспечением равного подхода, привитием основ толерантности и терпимости, проявлением доброты и толерантного отношения к детям с ОВЗ в условиях тесных социальных связей.

Литература

1. Довбня, С. и др. Дети с расстройствами аутистического спектра в детском саду и школе: Практики с доказанной эффективностью // С. Довбня, Т. Морозова, А. Залогина, И. Монова. М: Альпина ПРО, 2022. 168 С.
2. Лыскова, Г.Т. Инклюзивное образование: сеттинг или показатель качества жизни // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность: материалы V Международной научно-практической конференции (Москва, 23 – 25 октября 2019 г.) // Под ред. С.В. Алехина. М: МГППУ, 2019. С. 122 – 126.
3. Нигматов, З.Г. Формирование поликультурной личности в условиях инклюзивного образования // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Поликультурное образовательное пространство Поволжья: пути и формы интеграции» (Казань, КФУ, 1 ноября 2013 г.). К: ИПП КФУ, 2013. С. 414 – 419.
4. Раецкая Е.А. Организация сопровождения воспитанников с ОВЗ в дошкольной образовательной организации посредством формирования инклюзивной культуры // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 26 нояб. 2021 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.]. Ч: ИД «Среда», 2021. 257 С.
5. Ткачева, В.В. Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья: диагностика и консультирование // В.В. Ткачева. М: Национальный книжный центр, 2014. 152 С.
6. Шульгина Т.А., Кетова Н.А., Мясникова К.А. Ребенок с ОВЗ в семейной системе // Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием // Лазаренко В.А., Шульгина Т.А., Василенко Т.Д. – Текстовое (символьное) электронное издание (4 Мб). К: КГМУ, 2017. URL: https://kurskmed.com/upload/departments/social_work/news/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%D0%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F%D0%B2%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5.pdf (дата обращения: 18.12.2021).

Спиридонова Д.М.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Влияние массовой культуры на формирование и развитие духовно-нравственного воспитания современной молодежи

The influence of mass culture on the formation and development of spiritual and moral education of modern youth

Сегодняшние реалии таковы, что российское общество проходит один из самых нестабильных этапов своего развития. Мы живем в век глобальной информатизации, развитии цифровых технологий и интернета. Век этот совсем непростой для современной молодежи, но очень увлекательный. Поэтому нередко возникает вопрос о влиянии массовой культуры и средств массовой информации на становление и развитие духовно-нравственного воспитания подрастающих поколений.

Активно развиваться массовая культура стала в XX веке, преимущественно на Западе. В процессе её развития и распространения сформировались такие особенности, как:

- 1) макдональдизация (характеризующаяся полным контролем, акцентированием внимания на количественные показатели и предсказуемость, но при этом эффективность)
- 2) коммерциализация (ориентирование на получение прибыли и восприятие продуктов массовой культуры в качестве «товара»)
- 3) пассивность восприятия (продукты массовой культуры просты и не требуют интеллектуальных и эмоциональных усилий от зрителя/слушателя)

В конечном счете, все черты привели к тому, что массовая культура стала символом плохого качества с низкой стоимостью. Однако популярность и уровень воздействия массовой культуры на молодежь несмотря на это не падает. Способствуют этому непосредственно сами агенты взаимодействия массовой культуры с обществом. Речь идет о средствах массовой информации (интернет, телевидение, печатные издания, радио) и распространение информационных технологий (телефонные, сотовые сети, компьютер, телефон, телевизор, планшет). Они сопровождают молодого человека каждый день и в настоящей действительности их необходимость лишь растет.

Эта проблема сегодня имеет особую актуальность, когда имеет место отсутствие контроля над рынком средств массовой информации и неконтролируемая подача информации различной аудитории. В конечном итоге это негативно сказывается на духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.

Французский социолог А.Моль связывал утрату значения прошлого культурного достояния с активным распространением масс-медиа. По его мнению, на личность большее влияние оказывает то, что скажут по телевизору или радио, напечатают в печатных изданиях. Причем особенность массовой культуры в том, что такое воздействие на личность оказывается постоянно и непрерывно.

Исходя из вышесказанного, можем сделать вывод, что современная массовая культура ориентирована на средний, не требовательный и не разборчивый вкус огромной

аудитории, от которой не требуется особых усилий для восприятия информации. Это и есть массовая культура: «У человека остается все меньше действительного, настоящего досуга, наполненного размышлениями, общением с самим собой, становлением собственной души, её осознанием и воспитанием».

Поэтому основными принципами, которые характеризуют включенность молодежи в массовую культуру, являются: повторяемость, доступность, «клиповость мышления», стремление и желание человека уйти от реальности в виртуальный мир. Это объясняется тем, что молодые люди являются превосходной аудиторией для того, чтобы с легкостью впитывать и потреблять любую информацию. Благодаря этому происходит то, что в обществе принято назвать массофикацией, т.е. становление массового человека, «подгонки» его под стандарт, изменение мышления и сознания личности. Современную молодежь можно назвать продуктом манипулирования современной массовой культуры.

Однако массовая культура имеет и позитивные аспекты для молодежи. Главным из них является доступность, распространенность и легкость в получении товаров и услуг в сфере культуры (литература, театр, кино, музыка), которая обеспечивается так называемым «конвейером», обеспечивающим поток продукции как материальной, так и духовной.

К негативным последствиям влияния массовой культуры на молодежь можно отнести пропаганду материальных ценностей, популяризацию культуры потребления, формирование завышенных ожиданий и требований к обществу, ориентирование на сферу досуга и развлечения. Все это влечет за собой снижение роли духовно-нравственных ценностей у молодежи и развитию девиантного поведения. Массовая культура создает так называемых «индивидов без корней», а общество впадает в состояние аномии. Молодежь перестает интересоваться историей, традициями и ценностями родной культуры, их влекут лишь транслируемые поверхностные идеалы массовой культурой. С одной стороны массовая культура способствует просвещению, а с другой стороны провоцирует ценностно-нормативный кризис. Фонд общественного мнения приводит данные об отличии современной молодежи от молодого поколения начала 2000-х годов. Среди положительных моментов можно выделить развитость и образованность, иной менталитет и взгляды на мир, активность и целеустремленность, самостоятельность. К негативным относятся наглость и невоспитанность, отсутствие опыта и мудрости.

В начале XXI века наблюдается несколько тенденций развития молодежи с учетом влияния на нее массовой культуры. Первая — это унификация социальных и культурных признаков молодого поколения, которая происходит посредством глобализации. Вторая тенденция — это отсутствие преемственности между новым и предшествующим поколениями. Последняя тенденция говорит о том, что информационно-компьютерные технологии играют все более важную роль в социальном взаимодействии молодежи, что в результате способствует потере навыков живого общения.

Вместе с тем, повышается и уровень информационной свободы молодежи. Молодые люди сегодня могут свободно участвовать в обмене информацией, получать доступ к интересующим информационным ресурсам, передавать, распространять и оценивать полученные данные.

Сегодня мы можем говорить о том, что массовая культура, за время своего развития, только усилила уровень влияния на молодежь посредством многообразия и совершенствования своих инструментов взаимодействия. Речь идет о средствах массовой информации (радио, телевидение, пресса, интернет), технических средствах коммуникации (компьютер, телефон и другие гаджеты) и средствах массового воздействия (реклама, кино, мода).

Таким образом, мы наблюдаем трансформацию и изменение ценностей, идеалов и принципов молодежи, формирование недостижимых ожиданий и потребностей, стремление к неограниченному потреблению благ, досугу и развлечениям. Под влиянием массовой культуры происходит стандартизация личности, стираются индивидуальные различия.

Литература

1. Ажимова Л.В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления//Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. No 3. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-bodriyyar-o-fenomene-massovyh-kommunikatsiy-v-obschestve-potrebleniya>
2. Акопян К.З. Массовая культура: учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 304 с. 3. Голованова Н.Ф. Общая педагогика.: учебное пособие. СПб.: 2005. С 43.4. <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-massam>
3. О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности//Фонд Общественного мнения (ФОМ). 2014. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11748>

УДК 304.2

Шелухина М. А.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Современные технологии в сфере духовно-нравственного развития молодежи Modern technologies in the field of spiritual and moral development of young people

Одной из ключевых задач современной государственной молодёжной политики Российской Федерации является духовно-нравственное развитие молодого поколения. Об этом свидетельствует Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" [1]. Особое внимание уделяется вопросу обеспечения равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального развития молодёжи. Широкое распространение в настоящее время получают современные технологии, способные снизить тенденцию к усилению напряженности между народами на национальной, религиозной почве, утрате народных традиций, размыванию традиционных духовно-нравственных ценностей отечественной культуры [3].

Исходя из этого, объектом исследования является духовно-нравственное развитие молодежи, а предметом – современные технологии в сфере духовно-нравственного развития молодежи. Цель: исследование видов современных технологий в сфере духовно-нравственного развития молодежи.

Для начала следует дать определение ключевым понятиям исследования. Под «духовно-нравственным развитием» исследователи понимают комплекс мер, которые способствуют положительному влиянию на нравственные аспекты личности человека: воспитанию духовно-нравственных чувств и морально-этических установок; формированию нравственного облика; возникновению и развитию нравственной позиции;

проявлению нравственного поведения в рамках семьи, общества и государства в целом [6, 8]. По мнению учёного В. И. Павлова, духовно-нравственное развитие личности направлено на формирование: нравственных чувств (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма); нравственной позиции (способности к различению добра и зла, проявлению самоотверженной любви, готовности к преодолению жизненных испытаний); нравственного поведения (готовности служения людям и Отечеству, проявления духовной рассудительности, послушания, доброй воли) [10].

Помимо этого, следует рассмотреть понятие «молодёжь». Молодёжь – наиболее активная социальная группа людей от 14 до 35 лет, которые в целом представляют собой сформированные личности, а с другой стороны, их ценности остаются гибкими и подверженными различным влияниям. Для работы с данной социальной группой необходим особый подход и современные технологии для развития духовно-нравственных ценностей. Под термином «современные технологии» подразумеваются интерактивные технологии, общая характеристика которых – взаимодействие, содействие, взаимообогащение, взаимодополнение и коллективное сотворчество всех участников воспитательного процесса [3].

В педагогической практике применяются многие технологии духовно-нравственного развития молодёжи и одними из самых распространенных являются тьюторство и волонтерство. Тьюторство – это педагогическая деятельность по индивидуализации образования, направленная на выявление и развитие образовательных мотивов и интересов обучающегося, поиск образовательных ресурсов для создания индивидуальной образовательной программы. В рамках духовно-нравственного развития молодёжи, задача тьютора – в оказании помощи в освоении личностно значимых знаний о морально-этических ценностях, в овладении принятыми в обществе людей нормами и правилами поведения; в мотивации нравственного поведения, в формировании личных нравственных принципов и качеств. Такая технология, как тьюторство, соответствует критериям современных технологий духовно-нравственного развития, так как отличается своей интерактивностью, взаимодействием и содействием.

Исследование, проведенное Косолаповой Л. А. и Бидюк Г. М., показало, что технология тьюторства действительно имеет положительное влияние на духовно-нравственное развитие молодых людей [7]. Данное исследование проводилось среди девятиклассников общеобразовательной школы. Алгоритм тьюторского сопровождения школьников включал пять этапов: просветительско-ориентационный, диагностико-мотивационный, проектировочный, реализационный и рефлексивный. В ходе первого просветительско-ориентационного этапа было организовано знакомство школьников с базовыми национальными ценностями. На втором этапе школьникам предлагалось заполнить анкету, которая выявляла отношение учащихся к природе, людям, семье, себе, Родине, религии, учебе, труду, искусству. На третьем проектировочном этапе проводилась беседа по итогам проведенной анкеты. Встреча способствовала выявлению интереса, потребностей, запросов школьников в духовно-нравственном аспекте. На четвертом реализационном этапе проводилось три встречи тьютора со школьниками. Тематика встреч соответствовала обозначенному выбору тьюторантов. Беседы, дискуссии, рассказы раскрывали смысл и необходимость самовоспитания подростками ценностных качеств – честности, ответственности, доброжелательности. Также осуществлялось индивидуальное сопровождение самовоспитания подростков, организуемое при помощи рефлексивных дневников. Школьники писали в дневнике небольшие рассуждения о ценностных качествах. На реализационном этапе учащимся было предложено приходить на индивидуальные консультации для решения вопросов, возникших в ходе заполнения дневника. Рефлексивный этап включал проведение повторного диагностического среза (анкетирование учащихся, экспертная оценка классного руководителя), обсуждение с

учащимися перспектив работы над собой в будущем. Была зафиксирована положительная динамика в поведении 83% учащихся, участвовавших в опытно-экспериментальной работе. Полученные сведения позволяют сделать вывод о том, что технология тьюторства является современной и эффективной технологией в духовно-нравственном развитии молодёжи.

Рассматривая волонтерство как технологию духовно-нравственного развития молодёжи, следует отметить, что в основе волонтерской деятельности лежит принцип безвозмездности и солидарности, таким образом, его мотивы кроются не в целях получения материального поощрения или карьерного роста, а в удовлетворении духовных, моральных и социальных потребностей. Таким образом, основными мотивами для участия в добровольческой деятельности принято считать следующее: желание помогать другим людям; способ личностного роста и самореализации, максимальное раскрытие своих возможностей; способ приобрести единомышленников и интересно провести досуг; желание участвовать в деятельности, приносящей радость и удовлетворение необходимых социальных потребностей; творческая реализация; развитие социальных навыков.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что волонтерство способствует духовно-нравственному развитию молодёжи через социализацию, совершение поступков, направленных на помощь людям [12].

Помимо этого, с развитием современных технологий, отдельно можно выделить онлайн-волонтерство, как технологию духовно-нравственного развития молодёжи. А. И. Готская и Е. А. Егорова дают термину «онлайн-волонтерство» и, по их мнению, синонимичных ему понятий: «виртуальное волонтерство», «интернет-волонтерство», «цифровое волонтерство», следующее определение — это вид волонтерства с использованием Интернета для организации добровольческих мероприятий, сбора информации и формирования базы данных потенциальных волонтеров, выбора волонтеров, проведения целевых волонтерских акций, оказания на безвозмездной основе консультационных и образовательных услуг [4]. Под онлайн-волонтерством мы понимаем безвозмездную, добровольную, социально направленную деятельность, осуществляемую посредством современных цифровых технологий. Следует отметить, что онлайн-волонтерство предоставляет существенные возможности для самореализации. Это перспективное направление в социальной деятельности, особенно привлекательное в работе с молодёжью [5]. Примером онлайн-волонтерства может служить проект «Гутенберг», суть которого заключается в представлении широкой общественности электронных версий книг, вышедшие из гражданского оборота. Волонтерам проекта предстоит сравнивать отсканированные изображения страниц с соответствующими текстовыми фрагментами, распознанными автоматически, и вносить необходимые правки.

Говоря о современных технологиях, нельзя не обратить внимание на такие технологии, как: дополненная реальность, виртуальная реальность, 3D-печать. Данные технологии получают широкое распространение в мире и отличаются своей интерактивностью. Дополненная реальность — результат введения в поле восприятия дополнительных сенсорных данных с целью расширения сведений об окружающем мире. Эта модель называется также «смешанная реальность» (mixed reality – MR), создаваемая с использованием компьютерного «дополнения» элементов воспринимаемой реальности. Данная технология часто используется Томским государственным университетом в своём кампусе. С помощью технологии можно познакомиться с биографией профессоров, с кампусом университета во времена Великой Отечественной войны. Мы относим данную технологию к современным технологиям духовно-нравственного просвещения молодёжи, так как с помощью неё молодые люди знакомятся с историей, привычками, особенностями русского общества, погружаясь в контекст русской культуры,

воспринимая и рефлексирова её. Это способствует культурной идентификации молодого человека, и, как следствие, его духовному развитию.

Что касается виртуальной реальности, то такая технология получила распространение среди музеев, театров, выставок. Виртуальная реальность — это технология человеко-машинного взаимодействия, которая обеспечивает погружение пользователя в трехмерную интерактивную информационную среду [11]. Благодаря данной технологии, стираются территориальные ограничения, процесс культурного и эстетического просвещения становится доступным для молодёжи. Так, посетить Государственный Эрмитаж и посмотреть произведения искусства можно онлайн. Технологию виртуальной реальности мы можем рассматривать как современную технологию духовно-нравственного развития молодёжи, так как посредством интерактивного культурного, эстетического обогащения происходит процесс духовно-нравственного просвещения молодого человека.

Остановимся подробнее на 3D-печати, как технологии духовно-нравственного развития молодёжи. 3D-печать — это методика изготовления объемных изделий на основе цифровых моделей. Независимо от конкретной технологии, суть процесса заключается в постепенном послойном воспроизведении объектов [9]. В контексте духовно-нравственного развития молодого человека 3D-печать может быть использована для печати русских соборов и церквей, а также русской стариной архитектуры. В первую очередь, 3D-печать соборов и храмов позволяет восстановить хотя бы в виде макетов утраченные шедевры русского зодчества, объекты религиозной архитектуры в византийском стиле из камня, а также утраченные в результате пожаров деревянные сооружения. Такие макеты находят применение на выставках, в музеях. В данном случае, такая технология позволит рассмотреть строения, здания, отдельные элементы архитектуры вживую, что говорит об интерактивности технологии. Изучение объектов архитектурного наследия помогает развитию духовно-нравственных качеств молодёжи через формирование прочных осознанных представлений о памятниках архитектуры и окружающих нас предметах быта, являющихся свидетелями прошлых эпох; развитие у молодёжи интереса к изучению памятников архитектуры, к истории края, традициям, обычаям, культурным ценностям народа [2].

Подводя итоги проведенного теоретического исследования, можно сделать вывод о том, что использование современных технологий в сфере духовно-нравственного развития молодёжи является актуальной темой для исследования. Рассмотренные современные технологии могут быть использованы специалистами по работе с молодёжью и педагогами для духовно-нравственного развития молодого поколения.

Литература

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». Москва. 2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 15.12.2021).
2. Бекниязов Б.С. Архитектурные памятники как средство духовно-нравственного воспитания школьников // Образование в мире. 2020. №4. С. 51-55.
3. Булатова Н.Д. Современные технологии формирования духовно-нравственных ценностей обучающейся молодежи в системе непрерывного этнокультурного образования // Традиционная православная культура русского народа как элемент системы духовно-нравственного образования и воспитания. URL: <https://mroc.pravobraz.ru/bulatova-n-d-sovremennye-texnologii-formirovaniya-duhovno-nravstvennykh-cennostej-obuchayushhejsya-molodezhi/> (дата обращения: 15.12.2021).

4. Готская А.И., Егорова Е.А. Интернет-волонтерство: сущность понятия, характеристика // Информатизация непрерывного образования: материалы международной научной конференции. М.: Изд-во «Российский университет дружбы народов», 2018. С. 127-131.
5. Демкин М.И. Онлайн-волонтерство как объект исследования: сущностные характеристики и типология практик // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. 2021. №2. С. 118-123.
6. Добровольский, Ю.А. Понятие и особенности духовно-нравственного развития в дошкольном учреждении // Молодой ученый. 2017. № 49 (183). С. 347-348.
7. Косолапова Л.А., Бидюк Г. М. Тьюторское сопровождение духовно-нравственного самовоспитания подростков // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2018. №3. С. 48-56.
8. Костюкова Т.А. Христианская педагогика в современном образовательном пространстве.: Коллективная монография /под ред. Петровой Г.И... Сер. Сибирские Афины: вчера, сегодня, завтра. Томск, 2001. С. 56-57.
9. Майоров И.Г., Бельский А.Б. Технологии 3D-печати в образовательном процессе // Цифровая трансформация. 2018. № 2. С. 47-53.
10. Павлов В. И. Духовно-нравственное воспитание учащейся молодежи на примерах жизни и деятельности космонавтов // Фундаментальные исследования. 2011. № 12. С. 322-325.
11. Селиванов В.В., Селиванова Л.Н. Виртуальная реальность как метод и средство обучения // Образовательные технологии и общество. 2014. № 2. С. 32-44.
12. Шаршакова А.Н. Волонтерская деятельность как одна из важнейших составляющих основ духовно-нравственного воспитания обучающихся ГБПОУ «Колледж малого бизнеса № 4». URL: <https://slovo.mosmetod.ru/2017/09/19/sharshakova-a-n-volonterskaja-dejatelno/> (дата обращения: 15.12. 2021).